

В.П.Желиховская

Елена Петровна Блаватская *Биографический очерк*

I

Написать биографию хорошо известного человека, имея под рукой многочисленные богатые материалы, – чего, кажется, легче?.. Начать с известной формулы: такой-то родился тогда-то и там-то, от таких-то родителей, поступив в таком-то году туда-то, а в другом совершив то-то, – да так и развернуть скрижали жизни до известной точки: «мир праху твоему!..» Это действительно самая удобная форма для посвящения публики в длительность и перипетии карьеры какого-нибудь героя бранного, политического или административного поля действий, жизнь которого требует лишь объективного анализа; но задача эта много усложняется, если деятельность данного лица богата проявлениями духовными, в сравнении с которыми внешние стороны жизни представляют лишь мало значения. Если же главный интерес [к] данной личности заключается в многосторонности ее натуры, в сложной загадочности ее проявлений, действий и фактов, нелегко объяснимых, задача становится так серьезна и трудна, что пред ней поневоле в нерешимости остановится каждый добросовестный человек, как бы ему ни была близка и хорошо знакома описываемая личность. Скажу более: чем ближе она ему, тем труднее ему выполнить эту сложную задачу так, чтоб она удовлетворила всем требованиям неподкупной и непредубежденной справедливости.

Думаю, что во избежание нареканий в этих обеих враждебных друг другу и правде отличительных чертах многих жизнеописаний всего лучше и целесообразнее руководствоваться постороннею оценкой, более чем единичным собственным мнением и кроме того, как можно больше давать возможности лицу описываемому говорить самому за себя, пользуясь его сочинениями, рукописями и письмами. «Древо познается по плодам его...»¹ Чувства и помышления человека – плоды его духа, как действия – плоды его воли! Чем менее между ними противоречий, тем цельнее и сильнее натура его; но, к несчастью несостоятельного человечества, такие *цельные* характеры – величайшая, почти небывалая редкость... Почти всегда дух бодр – да плоть немощна! Эти-то свойства человеческой слабости, которых не чужды и величайшие люди, и объясняют противоречивые мнения разных лиц об одном и том же человеке. Дело потомства и времени разобрать, кто прав, вернее выяснить истинные заслуги и свойства выдающихся личностей, потому что они, как выдающиеся черты в пейзаже, издали лучше видны.

Мало женщин умели внушать столь противоположно сильные чувства, столь взаимно враждебные о себе мнения, как Елена Петровна Блаватская, основательница Теософического Общества, ныне охватившего всю Индию, всю Северную Америку и почти все государства Западной Европы. Она оставила по смерти своей множество преданных, ослепленных до абсурда друзей, едва ли не вернее сказать, «боготворителей», и множество ярых врагов, готовых забыть не только справедливость, но и всякую логику. Без сомнения, женщина, способная без всяких других вспомогательных средств, кроме своих знаний, ума и энергии породить в наш безверный,

---

Очерк публикуется по журналу: *Русское обозрение*, 1891, №11, 12; перепечатан в сокращении в журнале «Вестник теософии» (1910, №5–8), подписанный ошибочно: Н.Желиховская.

Публикация и комментарии А.Д.Тюрикова.

Газета «Свет» напечатала фрагменты из «очень любопытной биографии Е.П.Блаватской» (Н***. Отголоски // 1891, №273, 30 ноября; №278, 5 декабря; №285, 13 декабря; 1892, №5, 6 января). Откликом на очерк стало выступление протоиерея, настоятеля Исаакиевского собора П.А.Смирнова 6 марта 1892 г. на собрании С.-Петербургского епархиального братства во имя Пресвятой Богородицы. Им был прочитан доклад «Истинные и ложные чудеса нашего времени», в котором феномены, производимые Блаватской, бездоказательно были объявлены обманом, «носящими печать чего-то пустого, хвастливого, напускного, лживого» (*Смирнов Петр, протоиерей. Сочинения. Выпуск 1. СПб, 1896. С. 122*). Также в журнале «Книжки недели» (1892, №2) была опубликована рецензия на очерк, в которой повторялись клеветнические заключения из отчета Общества психических исследований.

¹ Мф. 7, 17.

практический век такое могущественное, антиматериалистическое движение, должна быть замечательной женщиной и в качестве таковой сама по себе вызывать сильные чувства; но справедливость требует сказать, что чувства эти возбуждала не столько она сама, сколько проповедуемое ею учение. Мало последователей его сумело оценить чистоту и высоту древней, как мир, философии, которою она руководствовалась, не впадая в крайность, не превознося учителя превыше учения; еще меньше противников его, которые сумели бы воздержаться от излишеств личной злобы против проповедницы учения, равно ненавистного атеистам, материалистам, ханжам, спиритам и иезуитам... Из этого перечня видно, какие массы последователей различных убеждений, поклонников нигилизма, мамоны и сенсационных загробных проявлений, возводимых медиумами во что-то священное, должна была раздражить деятельная пропаганда теософистов. Само собою разумеется, что Елена Петровна Блаватская как их лидер, да тому же чужой человек, представительница нации не особенно симпатичной как на Западе Европы, так и на крайнем Востоке, в других странах света, где преимущественно привилось ее учение, должна была служить козлом отпущения по преимуществу²... Она им и служила при жизни и служит по смерти, несмотря на горячие протесты друзей и последователей, которые часто лишь разжигают своим *излишним* пылом и ненависть, и недоверие, и иронию, вместо того, чтоб их успокоить. Как верно заметил один из лучших, но не увлекающихся ее ценителей доктор Гартман³: «Никогда Н.Р.В.⁴ не требовала обоготворения; всегда отрекалась от чудотворства, но множество ее последователей считали долгом осаждать ее поклонением фетишам, распространять о ней самые нелепые слухи, которые, оказываясь ложью, только вредили Обществу. Я с терпеливым наблюдением убедился, что Н.Р.В. гораздо сильнее вредили друзья ее, нежели враги... Эти чересчур восторженные друзья первые от нее отвращались, как только молва осмеивала их собственные выдумки, и весьма часто обращались в злейших врагов ее...»

Показание вполне справедливое, не раз засвидетельствованное самой Е.П.Блаватской⁵, так много натерпевшейся от «беспричинных», как ей казалось, измен, что последние годы ее жизни были поневоле омрачены недоверием именно к тем, которые, казалось, ей выказывали самую горячую преданность.

Мне кажется, что наиболее справедливости может оказать ей человек, хорошо ее знающий не исключительно как проповедницу «Всемирного Братства Теософов», но просто как женщину со всеми ее дурными и хорошими сторонами; человек, не враждебный ее учению, но и не увлекающийся им до забвения идеалов и величайших истин христианства, в свете которого потонули все самые высокие и нравственные учения древности; человек, хотя горячо ее любивший, но не склонный, в силу личных чувств, преувеличивать ее достоинства и заслуги... Или же, наоборот: совершенно к ней равнодушный, но не способный умалять ее действительные заслуги и качества в силу предубеждения. Искренно желаю, чтоб она нашла такого биографа!.. Но пока постараюсь в качестве первого, то есть человека, горячо любившего ее (в силу родства, а не ее учения), рассказать беспристрастно о ее деятельности все, что сама знаю. Я не без намерения говорю о «деятельности», а *не о жизни*. Ведь только ею одной – *деятельностью* последних пятнадцати-шестнадцати лет своей жизни она приобрела право на внимание... Какое кому дело до частной жизни ее в те годы, когда она была незаметною единицей в миллионах ей подобных и ничто еще не возвещало в ней будущую знаменитость?.. Жизнь Е.П.Блаватской, принадлежащая истории, истинная жизнь, для которой, как оказывается, была она рождена и предназначена судьбой, странно сказать, началась в ту пору, когда обыкновенно все женские жизненные драмы и

² Можно вспомнить надпись в альбоме, подаренном В.П.Желиховской, в которой Е.П.Блаватская называет себя «Теософическим Козлом Отпущения – за грехи XIX столетия» (ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 115. Л. 3об.).

³ Гартман Франц (1838–1912) – немецкий врач, писатель, теософ.

⁴ Близкие Ел[ены] П[етровны] Блаватской иначе не называли ее лично и печатно, как произносятся первые буквы ее имени: «Эч-Пи-Би» (Н.Р.В.), вместо Helena Petrovna Blavatsky, – в Англии, Индии и Америке, даже в литературе, заменило ее полное имя. – *Примечание В.П.Желиховской*.

⁵ Например, в ее последней (при жизни напечатанной) в «*Люцифере*» статье под заглавием «*My books*» («*Мои книги*»). Май. Стр. 243. – *Примечание В.П.Желиховской*.

«*Люцифер*» (англ. «*Lucifer*») – теософский журнал, издававшийся Е.П.Блаватской в Лондоне в 1887–1891 гг.

романы уже кончаются: в сорок лет.

Я не хочу этим сказать, что в молодых ее годах не было ничего достойного описания, – напротив. Вся ее жизнь была бурным потоком, переполненным всевозможными перипетиями; но в сорок лет именно произошел тот *необычайный перелом*, то неожиданное, полное, изумительное перерождение ее существа, ее способностей, стремлений, чувств и понимания, которое поглотило своею ненормальностью, своею *чуждостью*, можно сказать, всю разнообразную мелочь и бесплодность прежней бурной, но обыденной жизни.

Рассказ о юности и молодых годах ее потребовал бы томов. Я не имею ни возможности, ни охоты, ни даже права вторгаться в ту эпоху ее жизни, которая не имеет *прямого отношения* к фактам, прославившим ее имя. Я в общих чертах опишу их только ради цельности ее облика, насколько необходимо это для рельефа ее личности.

II

31 июля 1831 года в городе Екатеринославле у капитана конной артиллерии Петра Алексеевича Гана⁶ и семнадцатилетней жены его, Елены Андреевны, урожденной Фадеевой⁷, родилась старшая дочь. Родилось это первое дитя у матери, почти ребенка, в отсутствие ее мужа, ушедшего в поход через несколько месяцев после свадьбы; она приютилась в доме родителей, где и прожила, пока длилась Польская кампания⁸.

Девочка была названа в честь матери и бабушки, Елены Павловны Фадеевой⁹, семейным именем Елена, хотя последняя и протестовала против передачи своего имени внучке, ссылаясь на предыдущие примеры и собственную постоянную болезненность, – она уверяла, что счастья семье это имя не принесет...

Отец вернулся благополучно, и началась нелегкая для молодой женщины, оторванной от всего родного, походная жизнь из местечка в местечко по Южной Руси вслед за батареей. Единственным развлечением Елены Андреевны были ее сочинения¹⁰, единственным утешением и радостью – подраставшие дети, на которых устремлялись все надежды ее и заботы. «Лоло», как старшая и как одаренная, сызмала незаурядными свойствами ее заботила больше всех. Девочка подрастала и развивалась быстро, часто поражая своих близких не только шалостями, но оригинальными выходками, не свойственными другим детям, и речами до того прямодушными, что не было возможности унять ее красноречивой откровенности. Кроме того, она была страшная фантазерка и подвержена припадкам почти сомнамбулизма: она часто вставала и ходила во сне и, не просыпаясь, с широко открытыми глазами, произносила целые речи, рассказывала сказки и пела песни... Бывали с ней в детстве и молодости и такие случаи, которые *теперь* все объяснили бы ясновидением; но в те бесхитростные времена они относились к сильному развитию

⁶ Ган Петр Алексеевич (1798–1873) – офицер конной артиллерии, уволен полковником (1845), управляющий Каменец-Подольской земской конюшней (1846–1848), Гродненский губернский почтмейстер (1851–1858).

⁷ Ган Елена Андреевна (1814–1842) – писательница, писавшая под псевдонимом «Зенеида Р-ва».

⁸ В 1831 г.

⁹ Фадеева Елена Павловна (1788–1860) – ученый-естествоиспытатель, бабушка Е.П.Блаватской.

¹⁰ Она писала под когда-то хорошо знакомым в России псевдонимом *Зинаиды Р-вой*. Романами и повестями ее зачитывались русские люди сороковых годов. Ее называл Белинский, посвятивший ей несколько страниц, «русскою Жорж Занд»; а когда она так преждевременно скончалась, он посвятил ей надгробное слово: «Мир праху твоему, необыкновенная женщина, – жертва богатых даров своей возвышенной природы! Мир праху твоему, благородное сердце, безвременно разорванное силой собственных ощущений!.. Благодарим тебя за краткую жизнь твою, не даром и не втуне цвела она пышным, благоуханным цветом глубоких чувств и высоких мыслей. В этом цвете твоя душа, и не будет ей смерти! И будет жива она для всякого, кто захочет насладиться ее ароматом» (Соч. Белинского, 7-я ч., стр. 193–194). – *Примечание В.П.Желиховской*.

В.П.Желиховская ошибается: не В.Г.Белинский, а О.И.Сенковский заявил, что первые повести Е.А.Ган «Утбалла», «Джеллаледдин» и «Медальон» «обещали русской словесности талант истинно писательский, равный по оригинальности таланту Жоржа Санда, но еще более приятный и несравненно более прочный» ([Сенковский О.И.] Сочинения Зенеиды Р-вой. Повести А.Вельтмана. Повести и рассказы Нестора Кукольника // Библиотека для чтения, 1843, т. LX, отд. VI. С. 21).

Сенковский Осип Иванович (1800–1858) – востоковед, писатель, редактор журнала «Библиотека для чтения» (1834–1847), в котором печаталась Е.А.Ган.

воображения и проходили незамеченные.

Ей всего было одиннадцать лет, когда умерла мать ее, и родные ее взяли к себе на воспитание всех троих детей Е.А.Ган.

В доме Фадеевых они нашли горячую любовь и все заботы, которые возможно было приложить к образованию осиротевших детей. Уже не говоря о влиянии такой высокообразованной женщины, какою была сама Елена Павловна¹¹, и той развитой умственной среды, в которую она попала; маленькой Елене даны были и гувернантки, и учителя, и все средства к образованию. Она легко усваивала всё, языки и музыка давались ей особенно легко, но, тем не менее, учителя и воспитатели приходили в отчаяние от невозможности с ней справиться; она училась только тогда и тому, когда и чему сама хотела, и положительно сдержать ее живости, своеволия и самых неожиданных выходов, часто смущавших своею резкостью своих и чужих, – было невозможно! Беда была тому, кого она не влюбляла!.. Злобы никогда не бывало в ее шалостях; она была так добра и так смела, что готова была все отдать неимущему, все сделать для друга и на все решиться в защиту обиженного. Она никогда не помнила зла и обид; но по легкомыслию, по врожденной насмешливости и страсти дурачить не симпатичных ей людей Елена часто творила беды, зло озадачивала многих и ставила родных своих в весьма неловкое положение.

Особых талантов, кроме музыкального, в ней не замечалось. Она была очень способна, но мало пользовалась своими способностями; очень остроумна, но желания развить свой ум знаниями, особых предпочтений в предметах учения – никогда не бывало! При желании и способности заниматься усидчиво и внимательно она бы могла смолodu себя образовать гораздо положительнее и разностороннее; на то были средства, но решительно не было никакого желания. Она хватала там и сям что попало из знаний весьма поверхностных и никогда, до зрелых лет, не выказывала ни самонаименьшей склонности к наукам.

В семнадцать лет она совершенно неожиданно объявила родным, что выходит замуж.

Семья Фадеевых тогда жила в Тифлисе неразлучно с семьей своей второй дочери, m-me Витте¹², и с сиротами старшей, m-me Ган¹³. То было лучшее время Кавказа, куда, как известно, собирался под знамена войны цвет русской молодежи. Елена была блестящая хорошенькая девушка. Фадеевы жили гостеприимно, широко открытым домом, где бывало все, что было лучшего в крае. Она, несомненно, могла бы сделать партию гораздо виднее, если бы не хотела выйти замуж по любви (на которую, по-видимому, не была способна в ранней молодости, ежедневно меняя свои фантазии и вкусы), но предпочла всем неказистого, слегка даже тривиального старого чиновника, бывшего тогда вице-губернатором в Эривани¹⁴.

Это замужество всех удивило, а близких ее даже огорчило, тем более что из обращения Елены Петровны с ее женихом было видно, что ни привязанности, ни уважения к нему, ни даже жалости в ней нет...

Так оно и было: ей нужна была лишь «свобода», надо было вырваться из родного дома, найти самостоятельность. Со свойственной ей откровенностью она даже не затруднялась говорить своим близким, выражавшим удивление по поводу такого выбора, что *другого* ей было бы жалко, а *этого* она жалеть не будет...

---

¹¹ Бабушка Е.П.Фадеева, урожденная княжна Долгорукая, была известна многим ученым (начиная с Гумбольдта, с которым была в переписке) своими глубокими знаниями по разным отраслям наук, в особенности в ботанике, зоологии, археологии и нумизматике. Она собрала много интересных коллекций, древностей и монет, а в особенности флоры приволжской и кавказской. Превосходно рисуя цветы, она составила несколько томов рисунков, которые могли бы служить к подробнейшему изучению ботаники и к украшению любой академии. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Е.П.Фадеевой посвящены многие страницы воспоминаний В.П.Желиховской «Как я была маленькой» (1891) и «Мое отрочество» (1893).

¹² Витте Екатерина Андреевна (1819–1898) – тетья Е.П.Блаватской.

¹³ Отец наш командовал батареями и мы его в детстве почти не знали, так как родители матери с нами не хотели разлучаться. – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹⁴ Блаватский Никифор Васильевич (ок. 1807–?) – муж Е.П.Блаватской, статский советник (1856), Эриванский вице-губернатор (1849–1860), чиновник, причисленный к Главному управлению наместника Кавказского (1860–1864), в отставке с 1864 г.

Недоразумение, порожденное этою откровенностью, разъяснилось, когда через несколько месяцев после свадьбы Е.П.Блаватская неожиданно возвратилась к родным, объявляя, что жить с мужем не может, что едет к отцу, который ее встретит в Одессе. Она точно поехала Рионом¹⁵ и Черным морем (в то время не было железной дороги, ни даже прямого сообщения с Одессой), но доехала только до Керчи, оттуда пересела на пароход, шедший в Константинополь, и на несколько лет исчезла бесследно, даже для самых ей близких людей.

Бывший журналист в Англо-Индии, познакомившийся там с Е.П.Б[лаватской] и сделавшийся под влиянием ее (позднейших) учений убежденным теософом и писателем-ок[к]ультистом, некто А.П.Синнет¹⁶, написал книгу под заглавием «Incidents in the life of m-me Blavatsky»¹⁷. Рекомендовать ее читателям не смею, так как в нее вкралось очень много неверностей¹⁸, даже в переводах его с моих печатных рассказов¹⁹; но желающих, на свой риск, более подробных сведений об этом времени жизни Елены Петровны отсылаю к ней. Нам, родным своим, она долго ничего не писала; потом года через четыре-пять стали приходить от нее очень редкие и неопределенные вести... Наконец, когда, ровно через десять лет, она возвратилась в Россию, сначала ко мне, сестре своей, в Псковскую губернию, а потом вместе со мной на Кавказ (где, впрочем, пробыла очень недолго), рассказы ее о том, где и как провела она эти долгие годы, были до того отрывочны и сбивчивы, что из них невозможно было извлечь не только последовательности, но даже чего-либо верного. По крайней мере, я теперь не рискну даже утверждать, что немногое рассказанное мною самою со слов ее в моей брошюре «Правда о Е.П.Блаватской» (1881 г.), было бы *полною правдой*... Она так многое сама позабыла и перепутала и, как в наших беседах за последние годы оказалось, желала преднамеренно скрыть, что я предпочитаю *теперь* о тех годах ничего не рассказывать.

Синнет в описании ее жизни прямо указывает, что «развитый читатель поймет сразу, что такая прирожденная ок[к]ультистка не могла ни в каком случае выносить брачных уз» и *должна* была поступить так, как она поступила... Далее он рассказывает, – вероятно, с ее слов, – что она, Е.П.Блаватская, *немедленно*, путешествуя по Египту, имела случай начать свои «изучения ок[к]ультизма» от одного старика, очень богатого и влиятельного копта; что потом уехала в Северную Америку, после на Цейлон и, наконец, в Индию, откуда возвратилась в Европу, не успев, несмотря на все старания, *в сей раз* проникнуть в Тибет...

Все, что я знаю верно, это то, что в 1860 г. Е.П.Блаватская, возвратившись²⁰ из долгих странствий в отечество, уже была окружена таинственной атмосферой явлений, видимых, и слышимых, и осязательных для всех, ее окружавших, но совершенно ненормальных и непонятных. Все выдающиеся феномены того времени описаны мною в вышеназванной брошюре и в другой, под заглавием «Необъяснимое или необъясненное». Повторять их вновь излишне.

¹⁵ Река Рион (Риони) – одна из крупнейших рек Закавказья.

¹⁶ Синнетт Альфред Перси (Sinnott, 1840–1921) – английский журналист, писатель, редактор газеты «The Pioneer» (Аллахабад, Индия) в 1872–1882 гг., президент Лондонской ложи Теософского общества.

¹⁷ «Случай из жизни мадам Блаватской» (англ.). Книга была издана в Лондоне в 1886 г.

¹⁸ На форзаце книги А.П.Синнетта «Случай из жизни Е.П.Блаватской», подаренной Е.П.Блаватской сестре, мы можем прочесть две записи В.П.Желиховской, в которых она высказала свое возмущение этими *неверностями*: «Постараюсь, ради сестры, не разоблачать поклепов на меня в этой книге; но все, что я писала по-русски, свидетельствует, что многого здесь выставленного как мои показания *мне* и в голову не приходило! Бог им прости!»; «В книге много выдумок до переезда в Америку, по крайней мере и в особенности в описаниях детства и юности. Зачем было выдумывать и этим клать печать сомнения *на все*, когда в жизни Елены такое множество действительно удивительных фактов?.. Того, что я подтверждаю (все мною *не* подчеркнутое), вполне достаточно, чтоб доказать ее феноменальные особенности» (Блаватская Е.П. Письма в русской прессе. Донецк, 2013. С. 433). И в самой книге Синнетта много подчеркиваний в тексте и записей на полях, которые принадлежат руке В.П.Желиховской и В.В.Джонстон, в тех местах, где, по их мнению, автор сообщал *неверную* информацию.

¹⁹ «Ребус» [18]81 и [18]82 г. «Необъяснимое или необъясненное» и «Правда о Е.П.Блаватской». – Примечание В.П.Желиховской.

В.П. Желиховская неточно указывает время публикации этих произведений в журнале «Ребус». Очерк «Правда о Е.П.Блаватской» был напечатан в 1883 г. (№40–41, 16 октября – 23 октября; №43–44, 6 ноября – 13 ноября; №46–48, 27 ноября – 11 декабря), а очерк «Необъяснимое и необъясненное» год спустя, в 1884–1885 гг. (1884, №43–48, 28 октября – 2 декабря; 1885, №4–7, 27 января – 17 февраля; №9–11, 3 марта – 17 марта; №13–14, 7–14 апреля).

²⁰ В конце 1858 г.

Одно скажу. Тогда Елена Петровна не умела не только их объяснить, как пятнадцать лет спустя последовательно и уверенно объясняла происхождение и сущность всех движений, стуков, звуков и всякого рода явлений, равно как и своего ясновидения, а даже не могла справляться с ними. Все эти феномены были вне ее власти и контроля; хотя проявлялись постоянно, не требуя никаких приготовлений, никакого сосредоточения воли, а просто, как независимые явления будто бы ей посторонних сил. Она сидела неподвижно за работой или чтением, а вокруг, часто даже во время сна ее, – все ходенем ходило и, казалось, оживало жизнью вполне бесконтрольной, потому что останавливать или возбуждать ее от нее не зависело. А когда мы снова ее увидели в 1884 году, то все эти проявления сил невидимых агентов и еще очень многие, *несравненно более осмысленные* феномены были ей вполне покорны – *никогда* не проявлялись без ее воли и прекращались мгновенно по ее желанию.

Точно та же перемена проявлялась и в случаях ее ясновидения. В начале шестидесятых годов она, *не желая*, часто видала вещи ни ее и никого особенно не интересовавшие; а двадцать лет спустя она переносилась духовным взором туда, куда хотела, и видала тех и то, кого и что *хотела* видеть...

Но не буду забегать вперед.

В те годы зарождавшихся понятий о спиритизме и медиумизме мы так и положили, что Е.П.Блаватская очень сильный медиум²¹; но сама она впоследствии горячо отрицала это; в течение

---

²¹ О медиумизме Е.П.Блаватской более точно и определенно пишет Е.И.Рерих: «Ведь и Е.П.Бл[аватская] была сильнейшим медиумом, но с помощью В[еликого] Вл[адыки] она превозмогла в себе эту опасность и стала тем, что мы называем медиатором. Но все же даже ей пришлось бороться с возвратами медиумизма. Но поручение ее было настолько велико и трудно, что Вел[ико]му Уч[ителю] пришлось избрать для этого особый медиумистичный организм, который облегчил бы ей миссию ее и в то же время позволил бы находиться в окружении людей без страшной опасности огненного пожара и мучительной смерти. Почти никто не представляет себе той опасности и тягости, которые испытываются человеком с открытыми центрами среди дисгармонического окружения» (Рерих Е.И. Письма. Том VII (1940–1947 гг.). – М.: Международный Центр Рерихов, 2007. С. 356–357);

«Конечно, В[еликие] Уч[ителя] пользовались центрами Блават[атской], чтобы протолкнуть новое знание. Она иногда говорила под воздействием нескольких Учителей и в разном напряжении их Лучей. Блаватская была совершенно исключительным медиумом, ставшим медиатором под воздействием В[лады]ки. Пользуясь ее центрами, для вящей убедительности Они набрасывали Майю Облика говорившего через нее Учителя. <...>

Простые медиумы открыты для пользования их телами развоплощенными духами, часто очень низкого развития и даже преступным элементом среди них, и в этом страшная опасность медиумизма. Но Блават[атская] находилась под Лучами В[еликого] В[лады]ки и не могла, конечно, оявиться ни с кем другим. Е.П.Б[лаватская] была духом исключительно мощным и высоким, принявшим медиумистическое тело для лучшего подхода к людям, и стала жертвой невежества окружавших ее людей. Ярые убили ее своим недоверием и преследованиями и не дали ей закончить ее миссию» (Рерих Е.И. Письма. Том IX (1951–1955 гг.). – М.: Международный Центр Рерихов, 2009. С. 336–337).

В.П.Желиховская писала: «Она [Е.П.Блаватская] утверждает и теперь, что влияла на нее тогда, как и ныне, совсем другая сила, – та, которой пользуются индийские мудрецы, Радж-Йоги. Что даже тени, которые она видала всю свою жизнь, были не приведения или призраки отшедших, а явления этих всесильных друзей ее в их астральной оболочке» (Желиховская В.П. Необъяснимое и необъясненное // Ребус, 1885, №4. С. 41). Это свидетельствовала и сама Е.П.Блаватская: «...Даже еще в 1860 и 1864 годах я всегда утверждала, что мною движет и помогает мне не сила духов, а мои Учителя и их чель» (Блаватская Е.П. Письма А.П.Синнетту. М., 1997. С. 308); «Но я – не медиум. Я лишена их специфических недостатков и никогда не была под жестким контролем, под какой *попадают эти люди*» (Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 79).

«“Когда ее называли “медиумом”, – говорила В.П.Желиховская, – Блаватская смеялась и говорила, что она не медиум, а только медиатор – посредник между умершими и живыми...”» (Нэф М.К. Личные мемуары Е.П.Блаватской. М., 2009. С. 160).

«...Медиаторы – те же медиумы, но они отличаются большими накоплениями психических способностей на протяжении прошлых жизней» (Рерих Е.И. Письма. Том VIII (1948–1950 гг.). – М.: Международный Центр Рерихов, 2008. С. 306); «“Он [медиатор] становится очищенным от всех астральных вторжений и *открыт только для вибраций высших*”» (Рерих Е.И. Письма. Том IX (1951–1955 гг.). – М.: Международный Центр Рерихов, 2009. С. 150).

«Медиумизм измеряется качеством ауры, которою личность окружена. Она может быть плотной, облачной, зловонно тошнотворной и ядовитой для чистого духа и может привлекать только тех гадких существ, которые в ней чувствуют себя прекрасно, как угорь чувствует себя прекрасно в мутных водах; или же она может быть чистой, хрустальной, прозрачной, опаловой, как утренняя заря. Все зависит от нравственности медиума.

Вокруг таких людей, как Аполлоний, Ямвлих, Плотин и Порфирий собирался этот небесный нимб. Он был выработан силою их собственных душ в тесном согласии с их духом сверхчеловеческою нравственностью и святостью их жизней; он был подкреплен частыми внутренними экстатическими созерцаниями. К таким святым

пребывания своего в начале семидесятых годов в Америке – гнезде и родине, по преимуществу, всех медиумических явлений – она пришла к убеждению, что спиритизм – занятие вредное, часто очень опасное, всегда бесполезное; а что медиумы – самые ничтожные и жалкие орудия во власти не всегда чистых сил природы... Ниже я приведу собственное письмо ее, которое может объяснить ее взгляды вернее. Но прежде надо сказать, что, прожив года два-три на Кавказе, Е.П.Блаватская снова уехала за границу в Италию, кажется; потом в Грецию, Египет, снова на Дальний Восток и, наконец, в июле 1873 года очутилась в Нью-Йорке, где зажила долго, приняв американское гражданство, и вскоре принялась за свой первый капитальный труд «Isis Unveiled»²².

Вот к этому-то именно периоду ее жизни и относится то изумительное для всех ранее знавших ее полное перерождение; вдохновение в нее знаний и способностей, никогда прежде ее не отличавших и до того невероятных, что близкие ее прежде вовсе им не верили, а потом долго относились скептически к ее произведениям, ища им объяснения – совестно вымолвить – в подлоге и обмане!..

III

Для нас, ее близких в России, первое, чем ознаменовалось ее пребывание в Соединенных Штатах, были статьи проф[ессора] Вагнера²³ в «Русском вестнике»²⁴, извлеченные из «People from other World»²⁵, книги Оллькота²⁶, по поводу медиумов братьев Эдди²⁷ и явлений материализаций, впервые проявившихся миру в их американском коттедже. Нас поразили не эти явления, которые мы – я, по крайней мере, – сочли выдумкой и басней, но присутствие на сеансах Е.П.Блаватской и появление на подмостках Эдди «духа дяди ее, Г.А.Гана»²⁸, *будто бы* явившегося в числе других.

Помню, что рассказ этот так возмутил меня, что я написала ей негодующее письмо, на которое она отвечала, что это явление произошло не по ее воле и что сама она не рада, что принимала участие в этих сеансах, заинтересованная ими. Вскоре после того все письма ее переполнились осуждениями занятий спиритизмом и указаниями на вред их и самообман, которому добровольно подвергаются люди, ищущие свиданий со своими умершими.

У нее для объяснения того, что пугает наше воображение как проявление неведомого и невидимого мира теней, вскоре составила теория, которая для последователей философии теософизма составляет такой же ясный и непреложный закон природы, как самые материальные проявления ее сил. Они убеждены, что то, что в спиритических проявлениях не ложь и обман самих медиумов – ложь и обман еще несравненно худшие и несравненно более опасные: это *маскарад* самых низших духовных организмов, которые материализуются с помощью жизненных органов несчастных медиумов, высасывая из них, как вампиры высасывают кровь, *вещественные*

людям чистые духовные влияния могли приближаться. Излучая кругом атмосферу божественной благодати, они обращали в бегство злых духов. Те не только не могут существовать в их ауре, но даже не могут оставаться в ауре одержимых, если тауматург применяет свою волю или даже только приближается к ним. Это есть **медиаторство**, а не *медиумизм*. Такие люди являются храмами Бога Живого; но если этот храм оскверняется допущением в него злой страсти, мысли или желания, то медиатор впадает в сферу колдовства. Дверь открыта; чистые духи уходят и врываються порочные. Это все еще медиаторство, хотя и медиаторство зла; колдун, подобно светлому магу, формирует свою собственную ауру и подчиняет своей воле близких ему по духу низших духов» (Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. М., 2011. Т. 1. С. 657–658).

Елена Ивановна Рерих (1879–1855) – философ, ученый, общественный деятель.

²² «Разоблаченную Изиду» (англ.).

²³ Вагнер Николай Петрович (1829–1907) – зоолог, профессор Санкт-Петербургского университета, писатель, один из лидеров российского движения экспериментального спиритизма.

²⁴ Речь идет о статье Н.П.Вагнера «Медиумизм» (Русский вестник, 1875, №10).

²⁵ «Людей с того света» (англ.).

²⁶ Олькотт Генри Стил (Olcott, 1832–1907) – американский юрист, журналист, писатель, издатель, один из основателей и первый президент Теософского общества.

²⁷ Эдди Горацио (1842–1922) и Уильям (1832–1932) – американские медиумы.

²⁸ Ган Густав Алексеевич (1805–1859) – офицер русской армии, уволен в чине полковника (1841), управляющий Ярославской палатой государственных имуществ (1842–1845), председатель Олонецкой казенной палаты (1848–1850), председатель Гродненской казенной палаты (с 1850 г.), статский советник (1848), кавалер орденов Св. Анны 3-й и 4-й степеней и Св. Владимира 4-й степени, имел сына Евгения (1834–1873) (см.: РГИА, ф. 383, оп. 6, д. 5912; НИАБ в г. Гродно, ф. 24, оп. 6, д. 68; ф. 332, оп. 2, д. 2); дядя Е.П.Блаватской.

оболочки вместе с жизненной силой и здоровьем. [С] их помощью эти недостойные доверия силы облекаются в видимые облики тел, им не принадлежащих, в не успевшие разложиться, еще витающие в атмосфере испарения, или земные останки, так сказать, *в старые платья* отшедших созданий, и, делаясь видимыми, как вороны в павлиньих перьях, являются дивить, морочить и пугать добрых людей, силой настроенного воображения признающих в них своих близких. Теософисты не отрицают возможности явления умерших, но те бывают независимы от людского произвола, самостоятельны и почти всегда мотивируются разумными причинами, духовными стремлениями умерших к живому, а не вызываются насильственно; материализации же, вызываемые спиритами, – всегда воплощения дурных, лживых начал или отбросков бытия. Всего чаще это души людей, не стремившихся при жизни к духовному усовершенствованию; а вследствие этого, не очищенные от страстей и плотских стремлений, с которыми умерли, они долго удерживаются в земных сферах собственным тяготением к грубым наслаждениям плоти. Их не вполне дезинтегрированными обликами или тенями (*per esprits*; англичане их называют очень образно «shells» – то есть *скорлупами*), праздно витающими в пространстве до окончательного разложения, пользуются иногда *элементарные* силы²⁹; а иногда и сами они сливаются с живыми людьми, медиумами по преимуществу, и из них исходят уже в оживленных до видимости оболочках, стремясь хоть мгновенно насладиться материальными благами, животными наслаждениями, которых смерть их лишила. Таким-то слиянием грешных духов умерших с живыми, призывающими их на себя, и объясняют теософисты всевозможные наваждения, *вселения, одержимости* и так сильно распространившиеся за последние годы душевные и даже физические недуги: эпидемии и всякие новые страдания бедного человечества³⁰.

Вот в сокращении письмо Е.П.Блаватской начала семидесятых годов, объясняющее ее взгляды на спиритические наваждения.

«Чем более вижу я спиритических сеансов в этой колыбели и рассаднике спиритизма и медиумов, – писала она, – тем яснее вижу, как они опасны для человечества. Поэты говорят о *тонкой перегородке* между мирами, – перегородки *нет* никакой! Слепые люди вообразили какие-то преграды потому, что грубые органы слуха, зрения и ощущений наших не позволяют большинству их проникнуть [в] *разность* бытия. Впрочем, мать-природа хорошо сделала, наградив нас *грубыми* чувствами, иначе *индивидуальность* и *личность* (*personnalité*) человека сделались бы невозможными, потому что тогда мертвое постоянно бы смешивалось с живым и живые люди ассимилировались бы с умершими... Еще, если бы вокруг нас существовали однородные духи, полудуховные отброски смертных, умерших не примирившись с великою

²⁹ Необходимо не путать «“элементариев” – развоплощенных, злобных, тянущихся к земле, но все-таки человеческих духов – с “элементалами”, или духами стихий» (*Блаватская Е.П. «Элементарии» // Блаватская Е.П. В поисках оккультизма. М., 1996. С. 135*).

³⁰ В объяснении этих явлений теософисты придерживаются теорий буддистов, разделяющих бытие человеческое на 7 принципов: 1) физическое тело – «штуль-шарира»; 2) жизненная сила – «джива»; 3) «лингва-шарира» – астральное тело или двойник (*per esprit*); 4) «кама-рупа» – *тело обмана* (*le corps de l'illusion*), вещество, имеющее свойства изменения формы, то есть появления в виде зверя или чудовища; в простонародном понятии – *оборотень*; 5) «манас» – физическая интеллигенция, самосознание посредством пяти чувств (*l'âme animale*, которой не лишены и животные); 6) «бодди» – душа божественная и 7) самый высший принцип, луч или искра Божества, – «Атма», или «Брам». Объясняя материализации спиритизма, они их делят на два разряда. Это, говорят они, или первобытные, в материальном смысле бесплотные, зачатки, принципы (*élémentaux*) будущих людей; силы, еще ожидающие воплощения и самоусовершенствования посредством многих перерождений. (К этим «элементам», имеющим свойство облекаться в видимые образы при известных условиях, они относят все создания народных фантазий, как: гномы, саламандры, русалки и проч. «бестелесные силы, ожидающие инкарнации»)... Или же еще хуже: *бхуты*, то есть животные души – «манасы» (5-е принципы человеческого бытия), силы самосознания бывших живых созданий, животных или же людей, не успевших еще усовершенствоваться в плоти до воссоединения *манаса* с *бодди*. Когда пятый и шестой принципы успевают при жизни человека слиться воедино, что достигается долгим рядом существований, реинкарнациями, в течение которых «его», бессмертный дух его, все более совершенствуется, тогда он достигает индивидуального бессмертия. Существованием «*бхутов*», этих бестелесных «манасов» бытия земного, общих людям и зверям, верующие в эти теории объясняют возможность появления призраков собак, кошек и прочих животных. В отличие от бестелесных зачатков – элементов, их называют «элементариями». – *Примечание В.П.Желиховской.*

Современное написание – стхула шарира (Sthula Sharira), линга шарира (Linga Sharira), буддхи (Buddhi).

Le corps de l'illusion (*фр.*) – тело иллюзии; *l'âme animale* (*фр.*) – животная душа; *élémentaux* (*фр.*) – элементалы.

необходимостью смерти, можно было бы помириться с неизбежным. Мы не можем, так или иначе, совершенно произвольно не отождествляться физически с мертвыми, поглощая составные атомы того, что жило до нас: со всяким дыханием мы вдыхаем их, а выдыхаем то, что питает бесформенные создания, элементы, витающие в воздухе в ожидании превращения в живых созданий. Это не только процесс физический, но и духовный отчасти. Впитывая постепенно их мозговые молекулы, меняясь интеллектуальными *орами*³¹, значит мыслями, желаниями, стремлениями, – мы ассимилируем тех, кто нам предшествовал.

Это перерождение – общее человечеству и всему живущему. Натуральный процесс, вытекающий из законов экономии природы... Он объясняет сходства внешние и нравственные...

...Но есть другой, исключительный закон, который проявляется периодами и спорадически: это закон как бы искусственной, насильственной ассимиляции. Во время подобных эпидемий царство мертвых вторгается в область живого; хотя, к счастью, эти отброски его связаны узами былых условий и не могут, по вызовам медиумов, нарушать границы и пределы, в которых действовали и жили... И чем шире открыты им двери, чем сильнее распространена некромантическая зараза, чем дружнее желания медиумов и спиритов распространяют магнетический ток своих призывов, тем более сил и жизненности приобретает наваждение».

Е.П.Блаватская описывала многие сеансы, которым была свидетельницей, приходя в ужас от своего ясновидения, дававшего ей полную возможность видеть скрытые от других подробности «вторжения» этих полчищ бездушных и бессмысленных останков человечества, «сотканых из переживших тела их плотских страстей, дурных помыслов и порочных чувств», по убеждению ее.

«...Ведь лишь такие земные останки, неотразимо стремящиеся к земле, и не могут следовать за освобожденными душой и духом, этими высшими принципами бытия человеческого, – говорит она далее. – Часто я с ужасом и отвращением наблюдала, как отделялась такая *ожившая* тень из внутренностей медиума; как выделяясь из его астрального тела, в чужой оболочке называлась якобы своим *близким*, умиляя их до восторга, заставляя широко открывать сердца и объятия этим теням, которых они искренно считали своими дорогими отцами и братьями, воскресшими для убеждения их в вечной жизни и свидания с ними... А если бы знали они правду! Если бы верили ей!.. Если бы видели, что я часто видела, как уродливое, бесплотное создание иногда набрасывается на кого-либо из присутствующих на этих волхованиях спиритов. Оно окутывает человека, будто черным саваном и медленно исчезает в нем, словно втянутое в тело его каждым живым пором³²».

Такими *всасываниями* Е.П.Блаватская и объясняла *одержимости*, *вселения* и всякие ненормальные страсти, проявляющиеся часто у детей, у молодых девушек, у людей самых нравственных, но под наитиями свершающих даже преступления.

IV

Такого рода письма она писала вскоре по переселении в Америку; а в конце 1875 года изумила нас рассказами о замышленном ею «Обществе Всемирного Братства», о своих занятиях древнею философией народов Востока – *теософией*, о которой она «начала писать большое сочинение»...

Помню, как сейчас, до какой степени эти известия нас поразили. Я положительно не знала, что думать, чем объяснить такие *фантазии*?.. Изучать что-нибудь, хотя бы самое премудрое, – почему нет?.. Я всегда знала сестру за умную, способную женщину, которой давалось все, за что она серьезно бралась. Но *сразу* об этой, неведомой дотоле науке самой уж и книгу писать?! Я просто испугалась, что она сошла с ума...

На мое отчаянное воззвание к ней последовал ответ, который меня еще более убедил в том, что если и не совсем она помешалась, то все же таки у нее по поводу этой теософии, общества,

³¹ Ора (*aura*, *nimbe*) – свет, осеняющий головы людей, по мнению теософов. Сияние нравственной атмосферы каждого. У иных оно темней, у других чище, а у святых блистает ярко. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Aura (*фр.*) – аура; *nimbe* (*фр.*) – нимб.

³² Здесь Е.П.Блаватская использует слово «пора» (мельчайшее отверстие на поверхности кожи или слизистой оболочки) в мужском роде, как и в английском языке – «pore».

американского полковника Оллькота, спиритических феноменов братьев Эдди и tutti quanti³³ чудес, которых она не хотела признавать чудесами, проявился *пунктик*... Я серьезно этого боялась и со страхом ожидала, что выйдет из всей этой кутерьмы: немножко успокоенная лишь тем, что Елена Петровна присылала мне иногда свои статьи в американских газетах и отзывы о них, которые убеждали меня, что немедленного переселения ее в дом умалишенных пока бояться нечего. Дело в том, что тут она впервые, желая меня успокоить на счет правоспособности своей выпустить в свет *ученое* сочинение, помянула своего «master» – учителя или *хозяина*, как она называла его по-русски...

Оно бы все ничего, письма ее вообще были бы даже рациональны, если бы, заявив, что сочинение свое она будет писать под руководством или, как она выражалась, *под диктовку хозяина*, и объяснив, что этот пресловутый хозяин-мудрец очень ученый брамин с Дальнего Востока, она бы этим удовлетворялась. Но те свойства, которые она придавала ему и на которых настаивала, заявляя этому человеку такое уважение, послушание и покорность, которые граничили с поклонением, меня сбивали с толку!.. Она никому, никогда не покорявшаяся, во всем от раннего детства поблажавшая³⁴ одной своей воле, – она вдруг, чуть не в старости, по пятому десятку, нашла человека, господина и повелителя, пред волей которого безмолвно склонялась?.. Да еще какого человека! Какого-то колдуна, полумифического индуса с берегов Ганга!.. Я ничего не понимала!

Я не обинуясь, впрочем, должна признаться, что мое непонимание продолжается и поныне; несмотря на чуть не ежегодные свидания с нею в последние пять лет, – свидания, длившиеся под кровом ее по месяцам, – я все-таки очень мало поняла из всех ее усердных объяснений. И ныне, как и пятнадцать лет тому назад, я дивлюсь происшедшему с ней самой *феномену внезапного всезнайства* и глубочайшей учености, свалившейся на нее, как с неба, – гораздо больше, чем всем чудесам, которые ей приписывают ее поклонники-теософисты.

Возвращаюсь к 1875 году – году основания ею Теософического Общества.

Оллькот, полковник американской службы, отличившийся не раз во время войны за освобождение негров, вначале появления спиритизма увлекался им, как и очень многие, видя в нем не пустую забаву, а доказательство мира духовного, существования разумных или, по крайней мере, одаренных волей и сознанием сил, сокрытых от человечества. Заинтересованный удивительными манифестациями в Вермонте, у братьев Эдди, он отправился туда, тщательно и долго наблюдал за проявлениями и материализациями, наделавшими столько шума в свое время даже в Европе, и написал о них целую книгу под сенсационным заглавием: «*Люди с того света*» («*People from the other World*»). Там он впервые встретил приехавшую, тоже по любопытству, из Нью-Йорка Блаватскую и скоро сошелся с ней во мнениях касательно сути спиритизма и его различия со стремлениями чисто духовными, со *спиритуализмом*, которым она в то время увлекалась, работая над отвлеченными, ок[к]ультическими науками под руководством своего «учителя». Вскоре Оллькот бросил службу и все занятия свои, поступив в *челы*, то есть в ученики и последователи того самого брамина, или Радж-йога, или Гуру, или еще *Махатмы*³⁵, который учил ее; а через несколько месяцев теософическое движение уже было в полном ходу. Самым ранним, деятельным, искренним и верным их сподвижником в этом деле был некто мистер Джедж³⁶, тоже бросивший адвокатуру и посвятивший себя с первых дней знакомства с Е.П.Блаватской пропаганде ее учения. Он с той поры и поныне состоит президентом Теософического Общества в Соединенных Штатах, издает теософический журнал «*The Path*» и в продолжение всей ее жизни был преданнейшим ей другом. Из рассказов и писем этих двух сподвижников ее дела я извлекаю все, что касается пребывания ее в Америке и основания общества.

³³ всяких прочих (*итал.*).

³⁴ потворствовавшая.

³⁵ Мах-Атма – «великая душа». Название, которым в Индии величают таких ученых мудрецов, полуотшельников, признаваемых святыми и магами. Один из них был описан Блаватской под именем такура Гулаб Лалл Синга в ее «*Из пещер и дебрей Индостана*».

³⁶ Джедж Уильям Куон (Judge, 1851–1896) – американский адвокат, один из основателей Теософского общества, с 1886 г. Генеральный секретарь американской секции Теософского общества, писатель.

«Странное стечение обстоятельств привело меня к знакомству с этою удивительно женщиной и навеки соединило нас в заботах и трудах общего великого дела, – рассказывает полковник Оллькот. – Мы с ней сошлись в гнезде спиритических проявлений лишь затем, чтобы тотчас от них отвернуться, поняв их суетность и вред... Ей одной я обязан познанием эзотерической (тайной) философии древнейшего учения, сохраненного для мира братством великих учителей Востока, и знакомством с некоторыми из их представителей... Она была посредником между ними и мной, прежде чем я сам вошел в сношения с ними. В особенности с одним из них, учение которого, благородный пример, терпение и благожелание обратило сердца наши к нему навеки. В нашей совместной, многолетней работе под верховным покровительством наших благословенных руководителей я познал в ней свою возлюбленную духовную сестру, с которой я, без сомнения, связан вечными узами прежних и будущих существований...»

Как теософ и убежденный буддист, полковник верит вполне в реинкарнацию.

Оллькотт и Джедж были свидетелями такого множества произведенных Блаватской «натуральных» (как они их называют) феноменов, что перечислить всех их рассказов и печатных показаний невозможно! В то раннее время, когда им было необходимо приобретать, так или иначе, как можно более верующих последователей, «она, рассказывают они, не скупилась на демонстрации своих психических сил: феномен следовал за феноменом, изумляя, убеждая и обращая в прозелитов ее доктрин силой восторженного изумления тех, которые не скоро бы познакомились с ними и не стали бы, может быть, теософитами в силу одних отвлеченных истин и мудрости их»...

Такой же убежденный теософ и преданный друг Елены Петровны, как мистер Синнет, осуждает эту необдуманную систему «убеждения посредством феноменов» («*Incidents in the life of m-me B[lavatsky]*», стр. 183), сожалея, в качестве знатока ок[к]ультизма, «такую затрату психической энергии», которая, очевидно, отразилась на последующем здоровье основательницы их общества...

Далее я укажу на несколько таких, по нашему слабому разумению, совершенно невозможных чудес, засвидетельствованных в разные времена разными лицами. Но признаюсь, что хотя сама я видала множество явных доказательств духовных сил Е.П.Блаватской, однако рассказы очевидцев, которым я не имела права не верить, зная их за честных, разумных людей, собственно о творческой силе ее – меня всегда удручали своею сказочностью.

Прежде, когда я не была лично знакома с этими людьми, в то время, когда сестра присылала мне из-за тридевять земель отчеты газет о своих деяниях, я просто им не верила, не отдавая себе ясного отчета в том, кто кого морочит... Это было спокойнее. Теперь я не имею права решительно отрицать их.

Когда в 1876 году вышла в свет талантливая защита спиритуализма Альфреда Ресселя Уалласа³⁷, известного натуралиста и сотоварища Дарвина, – книга, озаглавленная: «*Defense of Modern Spiritualism*»³⁸, Елена Петровна обрадовалась чрезвычайно и тотчас же прислала мне эту книгу со своими объяснениями и комментариями. Она указывала, как верно понял этот натуралист-философ задачи их зарождавшегося общества.

«Посмотри, – пишет она, – как умно он (Уаллас) доказывает, что ошибаются те люди, которые говорят, что мы проповедуем старые предрассудки и суеверия. Что собрание людей, которые проповедуют изучение человеческой природы посредством исследования ее нравственных и духовных сил, поучает стяжанию блаженства вечного посредством их полнейшего развития, есть первый враг не только грубого материализма, но также и всякой нелепости предрассудков и поклонения мифам... Спиритуализм – наука опытов. Его развитие, к которому стремится Теософическое Общество, даст возможность, наконец, найти основание истинной философии. Истина одна и превыше всего!.. Теософия совершенно уничтожит бессмысленные термины: чудо! сверхъестественное!.. В природе все естественно, да не все известно. И ничего нет пречудеснее ее сил, открытых и сокровенных. Спиритуализм – духовные силы человечества, и

³⁷ Уоллес Альфред Рассел (Wallace Alfred Russel, 1823–1913) – английский натуралист, путешественник, географ, биолог и антрополог, интересовался парапсихологическими явлениями.

³⁸ «Защита современного спиритуализма» (англ.).

познание более глубокое психических сторон бытия, которое мы, теософы, проповедуем, излечит вековое зло препирательств религиозных, благодаря которым исчезает в людях вера в исконные, святые истины бессмертия и воздаяния по заслугам. Уаллас правду говорит, что спиритуализму должны принадлежать все симпатии моралистов, философов, даже политиков, и всех, кто желает усовершенствования наших обществ и жизни».

Блаватская просила Оллькота быть президентом зарождавшегося общества, а сама скромно назвалась его секретарем-корреспондентом. Три главные цели его тогда же были официально определены: 1) Составить начало «Всемирного братства человечества» без различия рас, вер и происхождения, все члены коего обязывались стремиться к самоусовершенствованию и к взаимному вспомоществованию, как нравственному, так, по возможности, и материальному. 2) Распространять изучения арианских и других восточных знаний, верований и литератур и 3) изыскания в области неизведанных законов природы и психических сил человека. Вторая задача считалась менее обязательною, чем первая; от третьей же были свободны все члены общества, ей не сочувствовавшие, вступавшие в него лишь ради практических, научных или гуманных целей. Теософическое братство стало разрастаться чрезвычайно быстро, благодаря неусыпным трудам и пропаганде троих его первоначальных деятелей в Америке.

Несмотря на усиленные занятия над своею книгой, Блаватская пользовалась в то время почетным местом в прессе Соединенных Штатов. Она много писала о своих путешествиях, о кавказской жизни; но более всего газеты ценили ее полемические статьи. Ее сатиры на католичество и папу за его симпатии к туркам³⁹, статьи, которые она подписывала полным именем с добавлением: «a russian woman» – *русская женщина*, вызвали бурю аплодисментов со стороны журналов, более сочувствовавшим христианам; а в среде американских католиков вызвали такие опасения, что кардинал, ирландец МакКлоски⁴⁰, счел нужным командировать к ней одного из своих секретарей для умиротворения ее возбуждения.

Тот появился по всем правилам иезуитской коллегии с самым невинным и кротким лицом, как будто бы руководствуясь лишь желанием познакомиться «с такою замечательною женщиной». Но Елена Петровна скоро его раскусила, и иезуит потерпел полное фиаско, над которым много смеялись друзья ее и сама она. Тот было вздумал польстить ей как *исключительному явлению*, как «передовой мыслительнице, сумевшей отбросить предрассудки патриотизма и поставив себя в независимое положение в независимой стране».

«Я ему сказала, что он напрасно старается! – писала она мне в феврале 1877 года, присылая кипу вырезок из газет, касавшихся этого дела. – Что, во что бы я сама как теософка ни верила, ему до этого дела нет! Что православная вера моих русских братьев для меня священна! Что за нее и за Россию я *всегда* вступлюсь и *буду* писать против нападков на них лицемерных католиков, пока рука держит перо, не боясь ни угроз их папы, ни гнева их римской церкви – la Grande bête de l'Apocalypse⁴¹ ...»

И прогнала секретаря кардинала, тотчас же разразившись новою статьей против «главы христианской Западной церкви, благословляющего мусульман на избиение христиан, славян и русских».

Вскоре после этого боя с иезуитами Блаватская прислала своим родным еще газетные статьи о курьезном бое ее против материалистических учений европейской знаменитости.

«Посылаю вам, друзья мои, – пишет она, – еще одну статью мою, которая тоже здесь получила немалую честь и в нескольких нью-йоркских газетах перепечатана⁴². Видите ли, был здесь лондонский ученый Гёксли (Huxley)⁴³, “родитель протоплазма и великий жрец *психофобии*”, как я его окрестила. Прочел три лекции. На первой похерил Моисея и весь старый завет упразднил, объявив публике, что человек не что иное, как правнук лягушки силурийского

³⁹ Готовилась русско-турецкая война. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁴⁰ Макклоски Джон (McCloskey, 1810–1885) – кардинал, архиепископ Нью-Йорка (1864–1885).

⁴¹ Великого зверя Апокалипсиса (*фр.*).

⁴² Речь идет о статье Е.П.Блаватской «Huxley and Slade: Who is More Guilty of “False Pretences”?» («Гёксли и Слейд: кто больше виноват в “обмане”?»), напечатанной в журнале «Banner of Light» (1876, т. XL, №5, 28 октября).

⁴³ Гёксли Томас Генри (Хаксли, 1825–1895) – английский естествоиспытатель и философ.

периода. На второй *он*, словно *Кит Китыч*⁴⁴, всех и каждого разобидел: “Все вы, говорит, дураки! Ничего не понимаете... Вот, говорит, вам четырехпалая нога допотопной лошади Гипериона, из которой явствует, что мы, пятипалые люди, состоим и с ней, по происхождению, в ближайшем родстве...” Какова обида?! На третьей лекции окончательно зарвался и заврался наш премудрый психофоб. “Слушайте, говорит, я и в телескопы смотрел, и в воздушных шарах под облаками свистел, всюду преусердно Бога разыскивал!.. Нигде, несмотря на все поиски, Его не видал и не встречал!.. Ergo⁴⁵ – Бога нет и никогда не бывало!..” Стоило ему за такую логику 5000 долл[аров] за три лекции платить!.. “А равно, говорит, и душа человеческая... Где она? Укажите мне ее, как я вам укажу сердце и пр. потроха. Anima mundi⁴⁶ – эфир, Архос Платона. Как я души ни искал и в подзорные трубы, и в микроскопы, и наблюдая умиравших, и анатомируя умерших, ну, слово гонору, нигде, говорит, ее и следа нет!.. Все одно вранье спиритов да спиритуалистов. Вы, говорит, им не верьте!..”

Уж очень я тогда огорчилась! Ну, просто, даже злость взяла... Пойду, думаю себе, да и напишу статью *обывательную* на этого Кита Китыча самодура!.. Ну и что ж ты думаешь? Написала. И вышло недурно, как можете судить по прилагаемому экземпляру. Я, конечно, сейчас взяла, запечатала и послала, через наших членов-корреспондентов, эту статью свою в Лондон, к Huxley, with my most earnest compliments⁴⁷...»⁴⁸

Как только началась наша война с турками, Е.П.Блаватская взялась корреспондировать из Нью-Йорка в «Тифлисский вестник» с тем, чтобы весь гонорар ее шел в Красный Крест и в бараки раненых. Статьи ее, чрезвычайно занимательные и остроумные, она подписывала псевдонимом «Голос» и озаглавила «Голос из-за океана», предпослав им введение, что якобы она позаимствовала у своего приятеля Эдисона⁴⁹ только что измышленный им телефон и беседует непосредственно с редактором тифлисской газеты⁵⁰.

V

Вот некоторые сведения о происходившем во время пребывания Е.П.Блаватской в Нью-Йорке, взятые из показаний Джэджа, Оллькота и пр. в книге Синнета, в журналах «Lucifer», «New-York Times» и других⁵¹.

«Мое первое знакомство с “Н.Р.В.” было зимой 1874 года. Она жила тогда в Нью-Йорке в Ирвинг-Плэс⁵², где имела ряд комнат, оригинально убранных всевозможными редкостями, индийскими шаями, идолами, набитыми животными, пальмами и разною зеленью; в них царствовал вечный беспорядок. Я пришел вечером; она была окружена, как всегда, множеством посетителей, разговаривавших на всевозможных языках. Сама она быстро и оживленно

⁴⁴ Речь идет о Тите Титыче Брускове, персонаже комедии А.Н.Островского «В чужом пиру похмелье» (1856), богатым, заносчивым и невежественным самодуром.

⁴⁵ следовательно (лат.).

⁴⁶ Мировая душа (лат.).

⁴⁷ с моими самыми искренними похвалами (англ.).

⁴⁸ См. также: Желиховская В.П. Из-за океана. Спириты и курьезный бой г-жи Е.П.Блаватской с г. Гексли // Тифлисский вестник, 1877, №42, 27 февраля; №43, 1 марта.

⁴⁹ Эдисон Томас Альва (1847–1931) – американский изобретатель и предприниматель.

⁵⁰ В 1878 г. в «Тифлисском вестнике» и одесской газете «Правда» печаталась серия статей Е.П.Блаватской «С того света» («Голос» с того света») (Тифлисский вестник, 1878, №55, 10 марта; №56, 11 марта; №58, 14 марта, №105, 13 мая; №107, 16 мая; №108, 17 мая; №204, 13 сентября; №206, 16 сентября; №208, 19 сентября; №212, 23 сентября; №216, 29 сентября) и «Из-за моря, из-за синего океана» (Правда, 1878, №45, 23 февраля; №59, 12 марта; №70, 25 марта; №110, 16 мая; №116, 23 мая; №237, 24 октября; №270, 3 декабря; №272, 6 декабря).

⁵¹ Предо мной, кроме теософических изданий, газеты тех времен и «New-York Times» от 2 января 1885 года, где по поводу статьи о прогрессе Теософического Общества автор вспоминает свое знакомство с Е.П.Блаватской в то же время в 1875 г. Ради полноты описаний я пользуюсь всеми ими, хотя рассказы сильно сокращаю. – Примечание В.П.Желиховской.

Речь идет о статье «Mme. Blavatsky's Power. Events in the Career of a Remarkable Woman. The Wonderful Tales Narrated by Her Disciples. The Theosophical Society Which She Formed» («Влияние мадам Блаватской. События на жизненном пути замечательной женщины. Удивительные истории, рассказанные ее учениками. Теософское общество, которое она создала»).

⁵² Ирвинг-Плейс (англ. Irving Place).

разговаривала по-русски с каким-то соотечественником, что не мешало ей от времени до времени оборачиваться то к одной группе, то к другой и вмешиваться в их разговоры на их языках, словно она сразу их всех слышала и знала. Она посмотрела на меня, мне улыбнулась как человеку давно ей знакомому и мною мгновенно овладело убеждение, что я точно знал ее, – знал давно и ныне вернулся к ней за потерянными временно сведениями... И она, не спрашивая, указала мне вновь наше общее дело, будто бы мы оставили его накануне, как старший брат, снисходительный к забывчивости младшего; она с силой знания и власти повела меня за собой к нашей общей цели, которой посвятила свою львиную силу, свое золотое сердце, – к неустанному труду на спасение этой *великой сироты, человечества!*.. Многое было мне открыто в тот же вечер: она знала все, что меня касалось; она отвечала на мои мысли, не спрашивая их.

Со мною пришел юноша, по-видимому, столько же заинтересованный делом, как и я, но она мало обратила на него внимания, будто зная, что ему не посвятить всей своей жизни делу, как я посвятил свою. Пред уходом она ему сказала:

– Вы скоро женитесь, получите назначение в своем отечестве и уедете ранее полугода.

Мой знакомый, который только что приехал с Сандвичевых островов учиться со мной законам, всю дорогу домой хохотал, подымая на смех пророчество. Но не прошло шести месяцев, как оно буквально исполнилось.

На другой день после первого знакомства пришло мне в голову испытать ее психические силы. У меня был редкий экземпляр каменного египетского жука. Я приказал клерку его запаковать и отправить по почте по адресу г-жи Блаватской, нарочно до него сам не дотрагиваясь. Когда я в конце недели вошел к ней вновь, она горячо меня поблагодарила за подарок, но едва я вздумал отнекиваться, она засмеялась и рассказала мне всю процедуру его отправления и моих предосторожностей...»

Рассказав о музыкальных звуках, о стуках в стены, окна, зеркала и прочих манифестациях (окружавших Е.П.Блаватскую и в шестидесятых годах, когда она была в России, с тою только разницей, что все эти явления, по свидетельству его, в Америке уже повиновались ее воле вполне, – учащались и замедлялись, переносились с места на место по ее приказу), мистер Джедж следует за ней в другое помещение на 47-ю улицу, где она прожила до самого отъезда в Индию в декабре 1878 года.

Много дней и вечеров, полных чудес, провел он с ней в течение этих трех лет. Е.П.Блаватская постоянно была окружена множеством посетителей, искавших более, нежели знаний, таинственных фактов и удивительных зрелищ, всегда ее окружавших, когда она к ним относилась пассивно. Она, бывало, сидит спокойно у письменного стола, глубоко занятая своею «Изидой», а по всем комнатам носятся огненные, сияющие шары, раздаются звуки то музыки рояля, то серебристые трели флейты, то свист, то колокольчики... «В ноябре, кажется, или декабре (1875 года) случилось мне видеть первый феномен, сознательно исполненный ею, – рассказывает далее мистер Джедж. – Полковник Оллькот получил из Бостона фотографию автора сочинений “*Art Magic*” и “*Ghost Land*”⁵³. Корреспондент его требовал немедленной отсылки портрета обратно, так что, посмотрев его, мы тут же его запаковали, и я сам его отправил на почту. Два-три дня спустя зашла речь о портрете, и г-жу Блаватскую попросили дать его дубликат в полной уверенности, что это превысит даже ее силы...

Она взяла кусок картонной бумаги, вырезала его в величину портрета; тут же положила его на стол, прикрыла листком пропускной бумаги, на минуту приложила сверх его руку и почти тотчас же сняла. Под пропускным листком бумаги *оказался портрет, верный снимок с отправленного в Бостон...*» Этого мало!.. Полковник взял портрет этот с собой, положив его в книгу: на другое утро он оказался простым белым картоном... Только имя внизу, написанное карандашом, уцелело. «Тогда мы его отнесли к Елене Петровне, – продолжал Джедж, – прося ее возобновить его, если можно, и *вновь она, повторив тот же процесс, через минуту подала нам снова появившуюся фотографию*⁵⁴, на сей раз оставшуюся навсегда».

⁵³ Речь о книгах М.Теона «*Art Magic*» («Магическое искусство») и «*Ghost Land*» («Страна духов»).

Теон Макс (наст. имя Льюис-Максимилиан Бимштайн, 1850–1927) – польский каббалист, писатель, основатель общества «Герметическое братство Луксора».

⁵⁴ «Incidents in the life of madame Blavatsky», [стр.] 189–190. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Против письменного стола Елены Петровны стояла этажерка, а на ней набитая сова с удивительно живыми глазами.

«Поистине, – заявляет рассказчик, – я бы мог об этой птице рассказать дивные дела, но повторяю лишь слова Жаколио⁵⁵: “Мы видывали вещи, которых рассказывать нельзя из боязни прослыть сумасшедшими...”» «Но мы *все же* их видели!» – добавляет он, а мы еще прибавим: «Если видели, то уж лучше замолчите и никогда никому не рассказывайте!»

«Замечательно, – говорит мистер Джедж, – что при каждом таком феномене всегда распространялся особый аромат нам всем хорошо знакомых духов или пахучей смолы, сопровождавший или предшествовавший явлениям».

Была у Блаватской письменная шкатулка или маленькое бюро с выдвижными ящиками, которое всегда стояло у нее возле письменного стола на особом столике и всегда было пусто. Она говорила, что оно дорого ей по воспоминаниям. Оллькот и Джедж, оба, рассказывали много о нем чудес: из него вынимались, бывало, вещи, которых никто не мог в него положить, и исчезали туда положенные предметы. Это простой шкафчик-шкатулка безо всяких секретных ящиков или скрытых пружин. Да, впрочем, по мнению в те времена окружавших ее людей, не было предмета в ее комнатах, с которым не было бы соединено прямо или косвенно какого-нибудь феномена. Mrs Elisabeth Thompson, известная в Америке филантропистка⁵⁶, попросила на время у Е.П.Блаватской кольцо с ее руки. Она тут же спустила его со своего пальца и надела на ее, но присутствовавшие клянутся, что кольцо «раздвоилось на два, совершенно сходные»: одно осталось на ее руке, а когда м-с Томсон принесла данное ей обратно, Блаватская, будто бы при всех, надела его на тот же палец и «два кольца слились в одно»...

– Одно из колец было *майей* – миражом, – смеясь, говорила она, – но угадайте – которое?..

Раз она подарила одной даме ожерелье, а один из посетителей воскликнул: «Хоть бы одну бусину вы мне подарили!» Она тотчас же склонилась к ожерелью, которым любовалась дама, сняла одно из его зерен *прямо*, не разорвав шнурка и нимало не испортив бусы, и у всех на виду вколола ее ему в галстук. *В руках ее зерно ожерелья превратилось в булавку*⁵⁷.

Среди таких чудотворений, что уж и помянуть о том, что все вещи, нужные ей в данную минуту, «у всех на глазах» прилетали к Е.П.Блаватской из других комнат по воздуху⁵⁸, что все, ее посещавшие, слышали у нее то и дело музыку, не просто аккорды, а целые мелодии, которые раздавались то под потолком, то из камина, то в одной, то в другой комнате, перелетая неуловимо... Некто мистер Кённингам⁵⁹ обратился к Е.П.Блаватской с просьбой избавить его от преследований медиумических стуков, которые он не умел контролировать; но когда услышал ее речи и в особенности показания ее окружавших об ок[к]ультических ее силах, то усумнился⁶⁰ и втайне помыслил о шарлатанстве и обманах. Блаватская тотчас прочла его мысль и сказала, улыбаясь, будто он ее вслух произнес: «Нет, это вы напрасно думаете, и чтобы доказать вам, что такого рода вещи производятся силой воли, я доставлю вам *непосредственно* предмет, который вы сами пожелаете получить... Подумайте о какой-нибудь вещи!..»

Кённингам оглянулся, и так как в комнате не было цветов, ему пришла на мысль *роза*. В ту же секунду он машинально поднял глаза и *увидал розу в полном цвете, которая спускалась к нему стеблем книзу и сама же остановилась у его бутоньерки*⁶¹...

Мы все видели у полковника Оллькота прекраснейший рисунок: голову факира в тюрбане с опущенными задумчиво глазами. Она, говорили они, была точно так же произведена, как и фотография. Факира, уже умершего, вспоминали и жалели, что нет портрета такого типичного лица. Блаватская выразила желание, чтоб ей могло удалиться его воспроизведение, и в присутствии

⁵⁵ Жаколио Луи (1837–1890) – французский востоковед, писатель, путешественник.

⁵⁶ Томсон Элизабет (1821–1899) – американская филантропка.

⁵⁷ Та же книга, стр. 196. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁵⁸ Я обязана признаться, что сама не раз со всем домом своим видала такие полеты предметов и слышала музыкальные аккорды, о чем в свое время и заявляла печатно. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁵⁹ Cunningham.

⁶⁰ усумнился (*устар.*).

⁶¹ Бутоньерка (*фр. boutonnière* цветок в петлице) – один или несколько цветков или бутонов (обычно гвоздики или розы) в петлице, аксессуар мужского костюма.

многих своих гостей положила руки на лист белой бумаги. Через несколько минут все были поражены чудным, вполне сходным портретом факира, и тотчас же все, видевшие феномен, дали в том свои подписи и *нотариальным порядком* засвидетельствовали подписи эти и факт. Мало этого: рисунок неоднократно был подвергаем рассмотрению живописцев и химиков-экспертов. Все официально признали, что не могут определить, каким способом и красками мог быть воспроизведен рисунок такой удивительной тонкости и силы⁶².

Как все эти чудеса (из рассказа о которых я еще множество пропускаю) ни кажутся неправдоподобными и поразительными, но есть в рассказах Оллькота, Джэджа и Синнета еще невероятнее вещи: это *сотворение* разных металлических и других предметов, не расплывавшихся *ма[й]ей* или галлюцинацией. Так, раз, она будто бы указала на розу, которую сестра Оллькота только что сорвала в саду и приколола к своей груди; она приказала ему вынуть *кольцо*, *скрывавшееся в бутоне*; кольцо оказалось гладким золотым, но когда он воскликнул: «Как жаль, что нет на нем бриллианта!» – она *провела рукой над ним, и на кольцо* (которое он и теперь носит) *оказался прекрасный бриллиант (!?)*. Много раз рассказывал он мне это происшествие с мельчайшими подробностями, но, не имея под рукой «*The Occult World*»⁶³ – книги, где это чудо описано, боюсь останавливаться на нем подробно, чтобы память мне не изменила. За одно могу ручаться, что никто не свидетельствует большего числа и более чудесных, если можно так выразиться, более *материальных* феноменов, сотворенных Е.П.Блаватской, как Г.Оллькот. По его рассказам, она то и дело *творила* вещественные предметы, размножала их и «*дезинтегрировала*»⁶⁴ (как они выражаются) по своей воле, во всякое время, у всех на виду.

Пока не стану больше говорить о таких феноменальных показаниях последователей Е.П.Блаватской, боясь утомить читателей рассказами о том, что, без сомнения, большинству покажется баснями, волшебною сказкой; и сама разделяю мнение Жаколио о том, что невозможно иногда описывать всего, что знаешь... Сам великий описатель многих невероятных деяний Е.П.Блаватской – Синнет говорит в заключение своих рассказов («*Incidents in the life of m-me B[lavatsky]*», стр. 200): «Я едва ли бы рискнул сообщать все это печатно, если бы не очевидная невозможность, издавая воспоминания о г-же Блаватской, держаться лишь тех о ней рассказов, которые вообще считаются вероятными. Без сомнения, ни одно лицо из имевших случай наблюдать феномены, происходившие в присутствии ее, не может надеяться, что сторонний мир сочтет его здравым и правдивым, когда он будет о них говорить. Но каждый свидетель, поддерживаемый свидетельством других, находит в этом единогласном свидетельстве поддержку, представляющую великое затруднение их критикам. Не могут же они утверждать, что все – близкие и родные, старые друзья или новые последователи, случайные знакомые или многолетние приятели, – все одержимы манией распространять измышления по поводу m-me Блаватской или же, что все они в разное время и в разных частях света были подвержены эпидемии галлюцинаций только в отношении ее, а во всех других отношениях не выказывали никаких ненормальностей мышления...»

Не менее искренно выражается и *W.Q.Judge* в позднейшей статье своей «*Yours till death and after H.P.B.*»⁶⁵ («*Lucifer*», June, [18]91)⁶⁶, говоря:

«Объема всей этой книги не стало бы для описания всех феноменов, ею для меня явленных во все эти годы, да я и не хочу говорить о них. Она так часто говорила, что они ничего не доказывают, а вводят лишь некоторые души в соблазн, а другие в отчаяние... К тому же я не думаю, чтоб они свершались для меня, собственно; в те ранние дни *ей было необходимо распространять токи своих сил* вокруг себя, а я находился возле, в самом центре ее энергии, а потому и был свидетелем постоянных феноменов...» Он далее заявляет, что многие тогдашние свидетели того же, что видел он, сочли разумнее, ограждая себя от недоверия и напраслин, умалчивать об этой стороне деятельности Е.П.Блаватской, но что он никогда не усумнился в

⁶² Все это дело со всеми документами и свидетельствами описано много раз и, между прочим, занимает видное место в книге Синнета на стр. 200–205. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁶³ «Оккультный мир» (англ.) – книга, написанная А.П.Синнеттом.

⁶⁴ Дезинтеграция – распад, расчленение целого на составные части.

⁶⁵ «Навеки Ваша, Е.П.Б.» (англ.) – этими словами заканчивала свои письма Е.П.Блаватская к У.К.Джэджу.

⁶⁶ «*Люцифер*», июнь, 18[91] (англ.).

чудесной силе неведомых законов природы, [преподанных] толпе, и духовной власти, достижимой для немногих избранных. «И ныне (по ее выходе из смертного тела), – утверждает он, – я чувствую близ себя вечно могущественное влияние (*ever potent magic*) ее непреборимой власти, увлекательной, как стремительный поток, и понятной тем, кто всегда доверял ей...»

VI

Когда в 1877 году вышло первое научное сочинение Е.П.Блаватской *«Isis Unveiled»*, множество газет и журналов превознесли ее как «вместилище высочайших и глубочайших познаний», что несколько нас удивило, но вместе с тем и успокоило окончательно за ее здравомыслие. Шум, поднятый прессой по ее поводу, удивил даже самого автора... Она по этому поводу писала нам, родным своим, ряд самых оживленных, довольных и вместе с тем насмешливых (над публицистами и самой собою) писем, в которых потешалась над своею «фэшинебельностью»⁶⁷ и удивительным «стадным соревнованием издателей», которые ей наперебой предлагали выгодные условия, лишь бы перетянуть ее в свои редакции.

«Хорошо, что я не тщеславна! – писала она. – Да, по правде, нет у меня и времени много писать в посторонние издания, за деньги... Наше дело растет. Мне надо работать, писать и писать, лишь бы находились издатели тому, что пишу...»

«Поверишь ли, – пишет она в одном из писем ко мне из Америки то, что впоследствии повторяла не раз, – пока я пишу, все мне кажется, что пишу я вздор и глупости, в которых никто ничего не поймет. Потом напечатаю и все кричат! Перепечатавают, восторгаются!.. Я часто думаю: уж не ослы ли все они здесь, что так восхищаются?.. Вот если бы писать по-русски, да свои похвалили, может быть, и поверила бы, что приношу честь своим предкам блаженной памяти графам Ган-Ган фон дер Роттер-Ган».

Собственно об *«Изиде»* она настойчиво постоянно утверждала, что честь авторская ей совсем не принадлежит, что она «совершенно не знала того, о чем писала»; что ей «было приказано сесть и писать» – и она *только* послушалась приказания. Писала то, что ей диктовали, что показывали ей *в чудных картинах*, которые она все время «боялась не суметь даже описать, как следует»...

«Ты вот не веришь, что я истинную правду пишу тебе о своих *учителях*. Ты считаешь их мифами... Но разве ж самой тебе не очевидно, что я сама, *без помощи*, не могла бы писать “о Байроне и материях важных”⁶⁸, как говорит дядя Ростя⁶⁹. Что мы с тобой знаем о метафизике, древних философиях и религиях? О психологии и разных премудростях?.. Кажется, вместе учились, только ты гораздо лучше меня... А теперь, посмотри: о чем я не пишу?.. И люди, да какие – профессора, ученые, читают и хвалят. Открой *“Изиду”*, где хочешь, – и сама реши. А я тебе говорю правду: *Хозяин* все это мне рассказывает и показывает... Передо мной проходят картины, древние рукописи, числа, я только списываю и так легко пишу, что это не труд, а величайшее удовольствие...»

В другом письме она писала:

«Не верь, что теософия противоречит или, тем более, что она уничтожает христианство. Она только уничтожает плевелы, а не семя истины, предрассудки, кощунственные суеверия, иезуитское ханжество... Мы слишком уважаем свободу совести и духовные стремления человека, чтобы касаться их пропагандой *религиозных* принципов. У каждого уважающего себя, мыслящего создания своя *святая святых*, к которой все мы, теософы, требуем уважения... Наше дело только философски-нравственно-научное. Мы добиваемся *правды* во всем. Мы стремимся к достижению возможного человеку духовного усовершенствования: расширения его знаний, изощрения сил душевных, всех психических сторон бытия. Все наше братство теософов должно стремиться к идеалу всеобщего братства всего человечества, к водворению всеобщего мира, к упрочению человеколюбия и бескорыстия, к уничтожению материализма, грубого безверия и эгоизма,

⁶⁷ «фешенебельностью» (*англ. fashionable*).

⁶⁸ Слова из комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума».

⁶⁹ Брат матери, Ростислав Андреевич Фадеев. – *Примечание В.П.Желиховской*.

Фадеев Ростислав Андреевич (1824–1883) – генерал-майор, военный историк, публицист, дядя Е.П.Блаватской.

заедающих наш век...»

Касательно таинственных личностей, называемых ими Гуру или Махатмами, *хозяевами* (в более широком смысле, чем *master* – учитель, именно потому, что теософы, завязанные по преимуществу буддисты, как сам Оллькот, во всем им покоряются и признают их господство), Блаватская и ее сподвижники, хотя называют их смертными людьми, однако, помимо глубокой учености, нравственной чистоты и мудрости, наделяют их долголетием и чудесными свойствами, чисто магическими. Уж одни их атрибуты вездесущности, всевидения и всеслышания превращают их в каких-то богов мифических времен. Они, а иногда и их *челы* (ученики), из тех, что уж достигли посвящения в высшие адепты ок[к]ультизма, несмотря на постоянное пребывание, когда бывали *в теле*, за Гангом, на Гималаях и в Тибете, однако, сообщаются со своими последователями везде, иногда лично, в «астральных телах своих», а не то посредством неожиданно падающих на них с неба, с потолка, с крыш вагонов и палуб, когда они путешествуют, писем особой формы с красным иероглифическим рисунком, хорошо знакомым им всем⁷⁰.

Вот как рассказывал мне лично полковник Оллькот о своем первом свидании с тем из них, которого он и Елена Петровна признают своим личным учителем и покровителем⁷¹.

«Жизнь моя до пожилых лет, пока я не бросил всего и не предался весь изучению ок[к]ультизма, а впоследствии, благодаря знакомству с вашей сестрой, пропаганде чистой философии “Познания Божества” – *теософии*, не отличалась удачами и счастьем. Я много терпел от семейных горестей, от людской несправедливости и неблагодарности, пока не убедился в их полной несостоятельности, в тщете и ничтожестве всего на земле, кроме стремления к самоусовершенствованию духа. В молодости я не имел случая узнать близко христианское учение и не имел никаких религиозных понятий... Впоследствии высоко нравственная проповедь Будды увлекла меня. Но знакомство с книгой m-me Blavatsky, с ее “*Isis Unveiled*”, было краеугольным камнем в моей жизни, и я всю душу предался делу, открывшему мне цель существования и целый мир интереса в сокровищах бытия, о которых я дотолка и не мечтал!.. Ведь она при мне была писана, эта книга, впервые открывшая человечеству древние учения Востока. Ведь я следил за ее развитием, страница за страницей, шаг за шагом!.. Для меня процесс ее рождения, то, как писалась она, вся испещренная ссылками на руководство и древние и новейшие сочинения, которых *не было* под рукой, которые я потом уж проверял по возможности и всегда находил верными, – было самым величайшим феноменом, пред которым все удивительные вещи, когда-либо сделанные “Н.Р.В.”, – вздор и ничтожество!.. Она творила множество явлений, на которые я смотрел с восторгом и уважением; но никогда не преклонялся я пред психическими силами ее так глубоко, как в те минуты, когда видел по ее бесчувственному телу, что она *ушла*, – что она *вне* его⁷²...

...Тогда я еще не был так убежден, как ныне, в духовных силах и свойствах наших

---

⁷⁰ Появлению подобных магических писем, содержание которых всегда имеет отношение к данному времени их появления, разрешая какое-нибудь недоумение или отдавая приказание, – свидетелей десятки! Уж не говоря об Оллькоте, Джедже, Синнете, об ее секретарях – братьях Китли, графине Вахтмейстер, г-же Безант и прочих близких Е.П.Блаватской людей, но предо мной печатные отзывы сравнительно посторонних лиц, их официальные свидетельства о появлении таких магических писем: семьи Гебард в Эльберфельде; издателя журнала «*Сфинкс*» в Лейпциге dr. Гюбе-Шлейдена. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Китли Бертрам (1860–1945) – английский теософ, секретарь Е.П.Блаватской.

Китли Арчибальд (1859–1930) – английский врач, теософ, двоюродный брат Б.Китли.

Вахтмейстер Констанс (1838–1910) – член Теософского общества с 1881 г., писательница, секретарь и казначей Лондонской ложи Блаватской, жена К.Вахтмейстера (1823–1871), министра иностранных дел Швеции (1868–1871).

Безант Анни (1847–1933) – английская социалистка, борец за права женщин, писательница, теософ (с 1889 г.), президент Теософского общества (с 1907 г.).

Хюббе-Шлайден Вильям (Hübbe Schleiden, 1846–1916) – немецкий ученый, писатель, юрист, путешественник, редактор журнала «*Сфинкс*», президент Теософского общества Германии.

⁷¹ Записано со слов полковника Оллькота в Париже в июне 1884 г. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁷² По смерти Е.П.Блаватской президент Теософического Общества печатно («Н.Р.В.[lavatsky]'s departure» <<Смерть Е.П.Блаватской], *англ.*>) заявляет о том, как, занимаясь рядом с ней, он «часто следил за такими полетами ее духа». Что тело ее тогда было «подобно необитаемому, темному дому без жильца; когда же душа ее возвращалась – свет загорался внутри»... В том, что дух ее улетал на свидания и беседу с Махатмами, никто *из близких ее по учению* не сомневается. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Тибетских учителей... Раз ночью сидел я в своей комнате, глубоко погруженный в размышления: не есть ли все, проповедуемое философией таинственного Востока, – преувеличением?.. Быть может, все эти чудеса раздвоений человеческого бытия, все эти явления астральных тел, живых созданий – суть лишь фантазии? Плоды разгоряченного воображения лиц, преданных до ослепления вере в могущество Махатм?.. И вот, отчаянно помышляя, что и в этом я могу ошибиться, я принялся *желать* – всем сердцем, всею силой моей воли, – чтобы мне было доказано могущество их! Их *действительное* участие в последователях, готовых отдать им всю свою жизнь, всю душу!.. И я увидал его!»

О чем они беседовали, президент Теософического Общества не рассказал нам, но на мое замечание: не сон ли то был?.. не заснул ли он среди своих размышлений?.. он нас всех поразил ответом:

– Нет! Я имею на это доказательства: вот, что он дал мне, – с чем я всю жизнь не расстанусь!

Он поспешно вынул из грудного кармана портфель, а из него завернутый в тонкую бумагу белый кашемировый, шитый золотом шарф.

– Я сам боялся, что сочту это после сном и умолял его мне что-нибудь оставить на память. Он снял со своего тюрбана вот это, сделал несколько пассивных движений над ним, чтобы материя не разинтегрировалась впоследствии, и передал мне. С тех пор, – прибавили полковник, – я всю жизнь посвятил служению им и в течение семилетних сношений с ними (этот разговор происходил шесть лет тому назад) бесповоротно убедился, что достижение высшей власти над своими земными узлами, равно как познание и господство над некоторыми таинственными силами природы, лежат более или менее в воле каждого смертного! Надо только иметь твердую решимость и много силы воли и тогда вам откроются такие тайны бытия, овладев которыми человек делается действительно царем природы.

Все это говорилось просто, спокойно, с сознанием правоты и убеждения. Полковник так глубоко верит сам истине своих показаний, что у него даже не является мысли, что другие ему не поверят, пожалуй, его заподозрят в шарлатанстве... Надо видеть это красивое, честное, умное лицо, обрамленное длинною седою бородой, надо узнать лично этого энергического и симпатичного человека, чтобы понять, как трудно ему не верить, как *невозможно* предположить, чтоб он говорил неправду!

Что ж!.. Как знать, чего не знаешь?.. Что если бы сто лет тому назад сказали, что мы в России услышим арию, пропетую в Париже? Или будем переговариваться с друзьями «по проволочке» из-за десятков и сотен верст... А то, еще проще, будем получать в несколько секунд известие из-за тысяч верст?.. Недаром же такие ученые, как профессор Hammond⁷³ (в сочин[ении] его «*Сумасшествие*») предполагает, что через несколько сотен лет «последующие поколения устыдятся своих предков в том, что они (то есть мы) *могли сомневаться в возможности человеку одновременно находиться в двух местах*», – на каком бы расстоянии эти пункты ни находились... Несколько последних десятков лет показали нам осуществление стольких чудес, которые наши деды считали волшебными невозможностями, что отрицать что-либо, пожалуй, страшно?.. Как бы ни уподобиться тому индийскому радже, который приказал отрубить голову своему подданному, побывавшему в Северной Европе и уверявшему его, что там полгода люди ездят и ходят пешком по воде, потому что она *каменеет*.

Ни на минуту не усомнилась бы я в измышлении этих удивительных созданий, одаренных какими-то нечеловеческими атрибутами, если бы не последующие свидания и долгие беседы с сестрой и даже явные доказательства *чего-то*... «не снившегося нашим мудрецам»⁷⁴... Каких-то могущественных вмешательств и помощи. Я о них упомяну ниже, но теперь приведу отрывок из одного из ее писем из Америки, в котором особенно ярко рисует она свое настроение:

«Ну, Вера, верь мне или не верь, но со мною творятся волшебства! Ты не можешь представить, в каком очарованном мире картин и ведений я живу!.. Пишу *Изиду*, – не пишу,

⁷³ Хаммонд Уильям Александр (1828–1900) – американский военный врач и невропатолог, автор медицинских трудов, среди которых «*A Treatise on Insanity in Its Medical Relations*» («Трактат о безумии в его медицинских взаимосвязях»).

⁷⁴ Перифраз реплики Гамлета: «Есть многое, мой друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам» (В.Шекспир «Гамлет», акт I, сцена 5).

скорее, списываю и рисую то, что *она сама* мне показывает. Ну, право же, мне кажется, что сама древняя красавица-богиня водит меня за собой по всем тем странам прошедших веков, которые я должна описать. Я сижу с открытыми глазами; все, кажется, вижу и слышу вокруг настоящее, действительное, но вместе с тем вижу и слышу *то, что пишу*. У меня дыхание захватывает! Я боюсь шевельнуться, чтобы не нарушить очарования... Медленно выплывают и проходят предо мною, как в волшебной панораме, века за веками, образы за образами, а я их мысленно соединяю, складывая в уме своем эпохи и года, и *верно* знаю, что ошибки *быть не может*. Расы и нации, страны и города, давно исчезнувшие во мраке доисторического прошлого, выясняются, исчезают, давая место другим, и тогда мне называют последовательные годы. Седая древность заменяется историческими периодами; мифы мне объясняют событиями и лицами действительно существовавшими; и всякое сколько-нибудь замечательное событие, каждый перевернутый лист этой расцвеченной книги жизни запечатлевается в мозгу моем с фотографической верностью. Мои соображения и выкладки мне представляются потом, как те отдельные цветные кусочки разных форм в игре, называемой *casse-tête*⁷⁵. Я тоже собираю и подбираю их один к одному, и в конце всегда выходит нечто геометрически верное... Уж, разумеется, не я это делаю, а мое его, высший принцип, живущий во мне; да и то с помощью моего *Гуру* – учителя, который во всем мне помогает. Если я забываю что-либо, мне стóит мысленно обратиться к нему или другому такому же, как он, и пред моими глазами вновь возникает забытое, иногда проходят таблицы чисел, длинные списки событий. *Они все помнят! Все знают...* Без них – откуда бы взялись мои знания?»

В начале войны я очень боялась за моего сына, который был в карсском отряде вольноопределяющимся⁷⁶. Елена Петровна постоянно меня успокаивала, *утверждая*, что она знает, что ей *сказали*, что он возвратится здоров и невредим. Тогда же она писала мне о своем приятеле князе Эмиле Витгенштейне⁷⁷, которому *шишиморы*⁷⁸, – как она по-русски называла те силы (по-английски известные под названием «shells and spooks»⁷⁹), что стучат в столы и появляются на сеансах спиритизма, – «предсказали, что он не выйдет благополучно из войны». «Витгенштейн, – писала она, – пишет мне и спрашивает, что я об этом думаю?.. А я что могу думать?.. Я спросила *хозяина*, прося ответить. Он засмеялся и говорит: “Вашего знакомого не только не убьют, но *он даже не будет ни в одном сколько-нибудь серьезном деле*”. Я ему так и написала...»

Так оно и было. По окончании войны он писал Е.П.Блаватской, что ему даже досадно, что определение ее так верно исполнилось: ему не удалось ни разу иметь случая отличиться, подвергаясь малейшей опасности... В журнале «*Spiritualist*» помещено его письмо из Вева⁸⁰, от 18 июня 1878 г., где он подробно описывает все дело – предсказание *спиритов*, опровержение его *спиритуалистами* и вполне сбывшееся определение последних, и подписывает письмо полным именем: «князь Эмил Витгенштейн», F.T.S. (*член Теософического Общества*)⁸¹. Письмо это полностью перепечатано в книге Синнета о жизни Е.П.Блаватской на стр. 209–211⁸².

VII

Незадолго до последней болезни своей Е.П.Блаватская начала было писать для русских

---

⁷⁵ головоломкой (*фр.*).

⁷⁶ Речь идет о Ростиславе Николаевиче Яхонтове (1858–1924), кавалерийском офицере, генерал-майоре (1917).

⁷⁷ Сайн-Витгенштейн-Берлебург Эмилий-Карл Людвигович (1824–1878) – генерал-лейтенант русской армии (1866), участник покорения Кавказа и Крымской войны, скончался 16 сентября 1878 г. в Германии в курортном городке Эгерне.

⁷⁸ Шишиморы (кикиморы, шелуха, элементарии) – низшие астральные двойники людей, которые в виде «духов» появляются на спиритических сеансах.

⁷⁹ «скорлупы и призраки» (*англ.*).

⁸⁰ Вева – город в Швейцарии, в XIX веке излюбленное место отдыха высшего общества со всей Европы, в том числе из России.

⁸¹
⁸² Письмо Э.Витгенштейна, о котором идет речь, было также напечатано в журнале «Теософ» (1883, март, с. 142).

журналов статью под заглавием: «*Теософическое Общество. Сказка-быль XIX века*»⁸³, посвятив ее «отечественным скептикам». К сожалению, там всего начало вступления, но и в этих нескольких страничках много интересных мыслей и фактов. Доказывая, что нынче часто убеждаешься в том, что «иной раз истина невероятнее вымысла», она, между прочим, говорит:

«Ведь общественное мнение в России, как и везде, калейдоскоп, в котором комбинации фигур меняются непрерывно по воле рук, в которых он находится. Говоря иными словами, представления об умном и глупом, вероятном и невероятном, возможном и невозможном зависят от нескольких коноводов науки и моды, которые вертят этим мнением, как флюгером... То, во что мы верили вчера, – сегодня вышло из веры, потому что ветер подул с другой стороны. Не первосвященники ли науки в Средних веках учили всему тому, что ныне их преемники отрицают? Не верим ли мы тому, над чем наши деды тогда смеялись?.. Астрология, магия, алхимия – заброшены пока на чердаки; а электричество, сила паров, система кровообращения – все, что еще так недавно слыло безумными фантазиями, – возведены на почетные места в академиях. С другой стороны, многому, преданному посмеянию и ostrакизму лет 50 лет тому назад, снова гостеприимно открываются двери ученых собраний: господа академики уж не смеют так презрительно отворачивать свои просвещенные носы от прокаженных *месмеризмов* и *магнетизмов*, процветающих под маскарадными кличками *гипнотизма* и *внушений*... Бывало, ученые – до многострадального Галилея – зрели в земном шаре плоский блин в центре мира, невзирая на то, что за две тысячи лет до Коперника древний Пифагор уж преподавал гелиоцентрическое учение. Это не мешало ученым позднейших веков верить аллегориям индусов, представлявших землю, лежащую на четырех слонах, а тех – стоящими на черепахе, которая виляет хвостиком в пустоте мирового пространства.

Теперь только наши мудрецы открыли шарообразную форму нашей планеты и тот обидный факт, что она – ничтожный шарик среди миллиардов почище ее планет!

Тогда – люди мнили в себе земных богов, для коих сотворен космос; а теперь наука убедила нас, что мы, увы! не более как родичи бесхвостой макашки и происходили, вместе с нашими убогими *кузенами*, от одного прародителя – Адама *с хвостом*... впрочем, еще не открытого антиквариями.

Давно ли, кажется, – ведь только еще вчера, по авторитетному учению Геккеля⁸⁴ и друга его Гёксли, – у корня родословного древа людского рода сидел *монерон* – пустынный океана – *желеобразный студень*, в котором дарвинисты зрели *альфу* плоти всего живущего на земле, *омегой* коего являлся человек. Этот кусочек киселя, выуженный Гёксли из морской пучины, назван им в честь германского коллеги – Bathibius Haeckelii, и дарвинисты зело хвалились своим великим открытием. Один из них, Романес⁸⁵, еще недавно мне хвастался: “Эврика! Открыто настоящее семя рода человеческого!..” И что же? Сегодня сей кандидат в людского прапрадедушку под строгим химическим исследованием превратился, родимый, в щепотку вещества, даже не органического, а просто – в осадок сернокислой известковой соли... Вот вам и прародитель!.. И вновь осиротело бедное человечество... Один-то всего был у него дозволенный академической цензурой предок, да и тот сгинул, – из Адамова папаши превратился в миниатюру Лотовой жены...

И за дело: не суйся на первое место по вызову британских да немецких профессоров!.. Но, однако, кому же верить?..

Не теософам же, родившимся, возросшим и окрепшим по мановению магического жезла их вызвавшей к жизни Радды-Бай⁸⁶?!» – восклицает сама эта чудотворица в предисловии к своей «*Сказке-были*».

---

⁸³ Речь идет о незавершенной статье Е.П.Блаватской «Теософское Общество. Сказка-быль XIX века. К материалу будущей истории психизма в эпоху дарвинизма. (Посвящается отечественным скептикам)», которая впервые была опубликована в сентябре 1961 г. в журнале «Теософист» (т. 82), а затем напечатана в русскоязычном журнале «Альба» (Бостон, 1962, №8); рукопись статьи хранится в архиве Теософского общества в Адьяре (Индия) (см. также: *Блаватская Е.П. Письма в русской прессе. Донецк, 2013. С. 283–286*).

⁸⁴ Геккель Эрнст Генрих (1834–1919) – немецкий естествоиспытатель и философ.

⁸⁵ Романес Джордж Джон (1848–1894) – английский психолог, друг и сподвижник Дарвина.

⁸⁶ Псевдоним, под которым Елена Петровна Блаватская известна в России. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Да! Все эти перемены убеждений происходят, по уверению Радды-Бай, вследствие круговерчения земли: «Наша земля, – говорит она, – крутится, а с нею вместе вертятся и мозги человеческие... Вот, разгадайте эту задачу, – обращается она с вопросом к своим родичам и критикам малоизвестного в Росси теософического движения, – разгадайте, друзья, как могла женщина весьма обыкновенная, дотоле совершенно не известная в Америке, да и нигде, – русская, да к тому же еще в летах преклонных, субъект без кола и двора, без связей, как и без денег, вдруг задумать, взять да и совершить мировое движение?.. 7 октября 1875 года кликнула она клич; а ноября 17 того же года⁸⁷, то есть ровно через пять недель, уже открывались заседания и деятельность Теософического Общества из нескольких сот человек в Америке, и образовалась первая европейская ветвь его, в Лондоне, из семидесяти трех человек. И покатила с той поры лавина под простым прикосновением моей руки!.. Обкатила она весь земной шар и ныне все катится, увеличиваясь не по дням, а по часам... Не разбить и не задержать этой лавины ни клеветам никаких психических обществ⁸⁸, ни насмешкам людским, ни преследованиям!.. В чем именно наша сила?.. Вот этой загадки не вырубить топором самой лютой критике и не замести ее следов помелом людского равнодушия, игнорирования и неверия... Как же не верить тому, что у всех на глазах?.. Что колет глаза массам недоброжелателей – материалистам и ханжам, псевдоученым психистам⁸⁹ и спиритам, равно ненавидящим нас. Нельзя отрицать существование 170 (теперь гораздо больше) лож – ветвей нашего общества, раскинутых по всему свету – в Индии, Австр[ал]ии, в обеих Америках, в Африке, на Океанских островах, в Японии и Яве и, наконец, почти во всех странах Европы. В одних сформированных ложах более 14000 человек; а на всех разбросанных по лицу земли членов-теософов с дипломами наберется до 50000 человек...»

По статистическим сведениям теософических журналов теперь более шестидесяти тысяч

---

⁸⁷ Цифра 7, во мнении теософов, самая счастливая из всех. Они ее (и отчасти 9) всегда и во всем придерживались и держатся. До такой степени, что когда оказалось невозможным перечислить № их нынешней главной квартиры в Лондоне, Елена Петровна, переходя (с 17 № в Lansdown[e] road на 19 № Avenue road), сказала: «Отсюда вы меня вынесете, – я здесь умру... Отсутствие цифры 7 в том верный знак». – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁸⁸ Речь идет об Отчете Комитета Лондонского общества психических исследований (ОПИ), созданного для исследования феноменов, связанных с Е.П.Блаватской и Теософским обществом, также называемом Отчетом Ходжсона. В этом Отчете Блаватская была объявлена мошенницей. Основой для него послужили клеветнические заявления Эммы и Алексиса Куломбов – служащих при Теософском обществе в Адыре (Мадрас, Индия). Эмма работала экономкой, Алексис – разнорабочим, плотником, механиком. Весной 1884 г. Правление общества исключило их из членов этой организации. Им было предъявлено обвинение в вымогательстве, шантаже, клевете и злоупотреблении денежными средствами общества. Через несколько месяцев Куломбы открыто заявили, что феномены, производимые Блаватской, были поддельны и что они сами помогали ей совершать их. Для этого они представили письма, по их утверждению написанные Блаватской, в которых она якобы признавалась в обманах. Также Куломбы обвинили Блаватскую в том, что она подделала Письма Махатм.

В 1986 году ОПИ выпустило пресс-коммюнике, в котором говорилось, что Вернон Харрисон, бывший президент Королевского фотографического общества, эксперт по исследованию и выявлению подделок документов, заново проверил все обстоятельства дела и пришел к заключению, что «письма, уличающие мадам Блаватскую в мошенничестве, являются фальшивкой, состряпанной бывшими служащими [Куломбами] из мести, тогда как корпус Писем Махатм, хранящихся ныне в Британской библиотеке, написан почерком, явно не отвечающим характерным особенностям почерка мадам Блаватской, даже если бы она и попыталась его изменить» (Пресс-коммюнике Общества психических исследований. 1986 г. // Вестник Космической эволюции. Тверь, 2012. С. 355).

В отношении Отчета Ходжсона В.Харрисон считает, что «по мере тщательного анализа обвинений, выдвинутых в этом Отчете, становится все более очевидным, что в то время как д-р Ходжсон был готов ухватиться за любое, даже самое пустяковое и сомнительное свидетельство, направленное против мадам Блаватской, он совершенно проигнорировал все то, что могло бы свидетельствовать в ее пользу. Его Отчет нашпигован предвзятыми суждениями, предположениями, выдаваемыми за установленный или возможный факт, ничем не подтвержденными показаниями безмянных свидетелей, избирательным отношением к отбору свидетельских показаний и откровенной ложью. Как следователь д-р Ходжсон не выдерживает никакой критики. Его дело против мадам Е.П.Блаватской абсолютно бездоказательно» (Там же). Харрисон делает вывод, что «Отчет Ходжсона отнюдь не является, как это повсюду считалось в течение более ста лет, образцом беспристрастного и тщательного научного исследования. В действительности это работа человека, который сделал выводы еще до своего исследования и который впоследствии, предвзято отбирая и искажая факты, не колеблясь принимает ложные аргументы в поддержку своего предположения» (Харрисон В. Е.П.Блаватская и Общество психических исследований. Проверка Отчета Ходжсона 1885 года (фрагмент) // Вестник Космической эволюции. Тверь, 2012. С. 361).

⁸⁹ Речь идет о членах Лондонского Общества психических исследований.

членов дипломированных. Движение чрезвычайно усилилось в последнее время, в особенности после смерти Е.П.Блаватской. Несколько новых деятельных центров, лож, открыто в Америке и Англии. «Сказку-быль» о своем деле Радда-Бай задумала писать ради верного о нем извещения «русской публики, смешивавшей донине», как она думала, «в представлениях своих теософов не то со спиритами Аллана Кардека⁹⁰, не то с прыгающими пророками Ваала и чернокнижниками»... Весьма печально, что она его не докончила и не рассказала нам сама, как собиралась, – «в чем именно состоит сила теософии» и «как мало феномены», столько осмеянные и воздвигнувшие на общество, и в особенности на нее самую, такие гонения, «могли способствовать росту ее учения»...

«Они, напротив, могли бы повредить ему, *если бы что-либо в мире могло повредить тому, чему пробил его предназначенный час!*» – подчеркивает она свое заключение, убежденно заявляя, что в теософии – вечная истина, что безо всяких феноменов, в проявлении которых она век свой клялась, в философии, которой она учит, – великая сила: *сила правды!*

Не более как через два года по прибытии в Америку возникла мысль нового переселения. Как только Радда-Бай, по характерному ее выражению, «кликнула клич», так стали вокруг нее собираться жаждавшие и алкавшие отвлеченных знаний и пищи духовной без спиритических бредней и медиумических волхований (вначале Теософическое Общество даже прозвали *société des malcontents du spiritisme*⁹¹; а впоследствии, в Индии, их наградили прозвищем – общество ориенталистов *plus*⁹² филантропов). И тотчас большинством их, с президентом во главе, почувствовалось влечение к тем странам, где не переводились феномены, где жили и процветали ученые, глубоко изведавшие все тайны природы и все силы духа человеческого, не заражаясь материализмом от естественных наук или духопоклонением от психических знаний. Потянуло их на Дальний Восток; туда, где «великий учитель древней Индии», основатель величайшей философии ее, *Патанджали*⁹³, учредил свою мистическую *школу Йогов*; где многие тысячелетия тайные знания передаются Радж-Йогами (великими мудрецами) своим *челам* (ученикам), анакоретам Бхадринатских⁹⁴ горных пещер и других им подобных заоблачных высот, где скрываются в вечном созерцании никогда там не переводившиеся маги – Махатмы. Потянуло их в ламазерии⁹⁵ (монастыри) к изучению «премудрых Вед», к царству буддизма, одним словом, к которому многие теософы примкнули по примеру своего главы⁹⁶.

Помимо их «учителей», этих полумифов, у многих американских теософов были сношения с Индией и Цейлоном. Некоторые из них сами там бывали; другие были присяжные⁹⁷ санскритисты, поклонники философий индусов. Полковник сам состоял в деятельной переписке с выдающимся в то время индусским ученым-патриотом и пророком-ведантистом, с Дайянандом Сарасвати⁹⁸,

⁹⁰ Кардек Аллан (1804–1869) – французский теоретик спиритизма.

⁹¹ обществом недовольных спиритизмом (*фр.*).

⁹² плюс (*англ.*).

⁹³ Патанджали (II в. до н.э) – древнеиндийский философ и филолог, основатель йоги и философско-религиозной школы.

⁹⁴ Бадринатх (*англ.* Badrinath) – священный индуистский город. По преданию именно здесь были записаны Веды и сложены многие пураны.

⁹⁵ ламасерий (*англ.* lamasery).

⁹⁶ Во время пребывания на Цейлоне 25 мая 1880 г. Е.П.Блаватская и Г.Олькотт официально стали буддистами, пройдя обряд принятия веры в одном из буддистских храмов.

⁹⁷ постоянные (*разг.*).

⁹⁸ Сарасвати Дайянанда (Saraswati Dayananda, 1824–1883) – индийский религиозный реформатор и просветитель.

В.В.Джонстон в своем письме к В.П.Желиховской сделала замечание об ошибках в этом абзаце: «Да и кроме того ты постоянно говоришь о буддистах в Индии, когда, кроме полк[овника] Олькота, там таковых уже около тысячи лет не имеется. Даянанд Сарасвати Свами никогда не был буддистом, а ты его несколько раз так называешь. Он был Ведантист, Веда – книга старинная, постарше браманизма, джайнизма, а тем более буддизма, который только немного старше христианства. Радж-Йога не принадлежит ни к какой религии, но Веды, как и некоторые другие древние книги, уважают. Даянанд же был учеником философии Радж-Йогов. Браманизм и другие более стойкие секты уже давно вытеснили буддистов из Индии на север за Гималайские горы, на юг и восток за море. На Цейлоне (Цейлон не есть Индия, как Англия не есть Франция, хотя и находится по соседству), в Бирме, Тибете, Китае и Японии есть буддисты, а в Индии нет. Даже и полк[овник] О[лькот] буддист не совсем настоящий, т.к. имеет и носит иногда браманскую священную нитку, а в глазах истого буддиста эта нитка есть мерзость и соблазн лукавого. Будда, который

которого народ прозвал «суами»⁹⁹ – святым, англо-индийцы – Лютером¹⁰⁰ Индии¹⁰¹. Этот пандит (ученый) – великий санскритолог и лингвист – тоже до зрелых лет скрывался, поучаясь в одном из ламазерий, и вдруг проявился, проповедуя единобожие, «по первобытному, чистому учению Вед, этих священных книг, заветов Будды», смысл которых был в течение веков до того искажен жрецами-браминами, проповедниками монотеизма, что они почти утратили свое значение.

Еще до выезда из Нью-Йорка Е.П.Блаватская писала мне, что их теософическое братство, «в сущности, есть только ветвь братства *Ария-Самадж*, возникшего в Ост-Индии по инициативе проповедника Веданты суами Дайянанда Сарасвати, которому она вполне подчинена»... В 1877 году явился проект изучать Веды и пр. индусские премудрости на месте под руководством Дайянанда; а для успешнейшего изучения «сокровищ арийской литературы», распространение которой было одною из трех главных задач Теософического Общества, и прежде всего для лучшего ознакомления с санскритским языком – ехать основателям и главным деятелям его в Индию.

Сказано – сделано!

«В ноябре 1878 года Н.Р.В., покончив дело с издателем своей книги *“Isis Unveiled”*, – рассказывает президент Нью-Йоркского Теософического Общества, – сказала мне, подписав контракт: “Теперь прощайте! *Мне надо ехать в Индию...* Пусть эта книга послужит к преуспеянию целей, для которых основано наше Братство...” В том же месяце она оставила Америку, но продолжала в Индии и всюду работать для общества и более всех помогать его распространению повсеместно...»

Никто не может лучше описать ее приезда в Бомбей (в феврале 1879), ее интереснейших передвижений и приключений в Индии и поселения в прелестном уголке – Адияре¹⁰², возле Мадраса, как описала она их сама в *«Письмах на Родину»*, в *«Пещерах и дебрях Индостана»*, в *«Дурбаре в Лагоре»* и в *«Загадочных племенах Голубых гор»*¹⁰³... Желаящим легко перечитать эти оригинальные, талантливые рассказы, полные знаний, юмора, свежести и силы описаний, подобных которым в русской литературе немного.

Впоследствии сторонним людям, да и самим деятелям теософического движения, выяснились многие их ошибки, сильно вредившие их репутации и первоначальному распространению учения в тех средах, которые, быть может, дали бы Блаватской менее

был родом Кшатрий, а не брамин, а убеждениями демократ, проповедывающий спасение для всех сословий одинаково, уже, конечно, не одобрил бы этой браминской вывески, означающей гордыню и фарисейство. Уж верь или не верь, а я правду говорю, и ты лучше обрати на это внимание, если когда будешь писать еще про Теософию. Общая невежественная публика таких оплошностей с твоей стороны не заметит, но ведь в П[е]т[ер]б[ур]ге немало ученых-санскритистов, имена которых известны в Европе. Они могут прочесть твои статьи и заключить, что Е[лена] П[етровна], бравшаяся проповедовать стародавние философии, не умела отличить буддиста от брамина или ведантиста. Тетя, ведь, и сама только в самом начале увлекалась и называла себя Буддисткой, в сущности, ее широкий размах не мог вместиться в Буддизм, как бы он ни нравился ей. Самое разделение человека на 7 элементов: атма, будди и т.д. – нельзя найти в Буддизме. Это есть философия, а буддисты не философствуют, их учение чисто этическое, нравственное, говорящее сердцу, а не уму. Штулу шарину и К^о можно целиком найти только в Упанишадах и отчасти в Ведах, т.е. в книгах таких древних, во времена которых ни браминами, ни буддистами еще и не пахло. А чем пахло, то никому не известно. Господь Бог знает, да не говорит» (ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 68б. Л. 54об–55об).

⁹⁸ Джонстон Вера Владимировна (урожд. Желиховская, ок. 1862–1921) – писательница, дочь В.П.Желиховской, с 14 октября 1888 г. жена ирландского санскритолога, востоковеда и теософа Чарльза Джонстона (1867–1931).

⁹⁹ сваами (англ. swami).

¹⁰⁰ Лютер Мартин (1483–1546) – немецкий церковный реформатор, основатель евангелическо-лютеранской церкви, христианский богослов.

¹⁰¹ Подробности об этом интересном человеке можно найти в книге Е.П.Блаватской (Радды-Бай) *«Из пещер и дебрей Индостана»*. – Примечание В.П.Желиховской.

¹⁰² Адьяр (англ. Adyar) – город в Индии, недалеко от Ченнаи (до 1996 г. – Мадрас), в котором с 1882 г. расположена штаб-квартира Международного Теософского общества.

¹⁰³ Первая часть книги Е.П.Блаватской *«Из пещер и дебрей Индостана. Письма на Родину»* была опубликована на страницах газеты *«Московские ведомости»* (1879–1883) и журнала *«Русский вестник»* (1883, №1–7) и опубликована отдельным изданием в Москве в 1883 г., вторая часть – в *«Русском вестнике»* (1885, №11; 1886, №2, 3, 8); повести *«Дурбар в Лахоре»* и *«Загадочные племена. Три месяца на “Голубых горах” Мадраса»* были опубликованы в журнале *«Русский вестник»* (1881, №5–7; 1884, №12, 1885, №1–4) и изданы отдельным изданием в Петербурге в 1893 г.

восторженных поклонников, но лучше бы упрочили ее дело, в особенности в Англо-Индии. Первою ошибкой было злоупотребление «чудесами» и волшебным соучастием Махатм, о них говорилось и писалось вкривь и вкось, а показать первых и доказать существование вторых всему миру было невозможно, а потому естественно, что многие, даже готовые следовать собственно доктринам теософии, им не верили и отступались от нее; громадное же большинство общества и прессы кричало, что это шарлатанство, обман, насмешка над легковерием людским, и все дело подымало на смех.

Репутация Оллькота и в особенности Блаватской их опережала. Первый был свой человек, англичанин, да к тому же *не он* творил феномены (по мнению большинства, «делал фокусы и обманные шарлатанства!»). Он только претендовал на излечение многих недугов человеческих магнетическими пассами. Ну магнетизму-то кто ж в Англии не верил?.. Понятно, что как в Америке, так и в Индии, президент общества внушал более симпатии и доверия, чем его основательница, тем более что и по наружности, и по обходительным манерам он был представительнее и гораздо приятнее своей отставшей от света наставницы и сотоварища.

Тут ею сделана вторичная, впрочем, совместная с представителем их дела, крупная ошибка: они сразу поставили себя в неприязненные отношения с властями и английским обществом. На сей раз вся вина лежала на Оллькоте: он должен был противодействовать ее предубеждениям, вдвойне опасным для нее как для русской, да еще имевшей литературные сношения со своею отечественною прессой, известною патриоткой; а он как американец, сам не любя британских властей, да к тому глубокий филантроп, всегда сочувствовавший интересам угнетаемых рас – неграм и темнокожим племенам, напротив, подстрекал ее исключительно держаться туземного населения, первым утверждая в ней убеждение в жестокости, чванстве и несправедливости англичан. Их горячая защита народных прав и интересов, их дружеские сношения исключительно с туземцами, без сомнения, расположили к ним местных влиятельных лиц и позволили в течение пяти-шестилетнего пребывания в Индии узнать ее так, как другие не узнают в продолжение десятков лет настоящей жизни коренных ее жителей. Елена Петровна ни на йоту не была повинна в политических замыслах; но действовала она так, что возбудила в них подозрение и не только простые нарекания, но серьезное¹⁰⁴ недоверие властей. За ними был учрежден полицейский надзор, что окончательно испортило отношения их к администрации. Оно, конечно, было со стороны властей глупо: какие же заговорщики, «шпионы на жаловании у русского правительства», как называли там Е.П.Блаватскую, вели бы себя так откровенно, будто нарочно вызывая недружелюбие англичан?.. Надзор, положим, скоро сняли¹⁰⁵; но не прежде, чем Елена Петровна, никогда не останавливавшаяся за метким словом, успела окончательно рассердить полицейские власти своими над ними громкими насмешками... Бедный полицейский, обязанный следить за ее прогулками в кварталы старого города в Бомбее, – терпел горькую долю! Она не давала ему покоя, требуя, чтоб он осматривал все, что она покупала, слушал чтение писем, в которых потешались над его начальством, и оплакивала его горькую необходимость изображать из себя «дурака и осла», преследуя по пятам «старую бабу, которая годилась бы ему в бабушки, если бы могли у нее быть внуки на такой *подлой* службе!»...

Письма ее того времени пылали негодованием и были переполнены рассказами самых невероятных жестокостей и глупостей англичан в Индии.

VIII

С течением времени, однако, недоразумения и враждебные чувства улеглись и правительство, и общество поняли свои заблуждения; но все же отношения последнего к представителям нового «гуманитарного братства ориенталистов-спиритуалистов», как их

---

¹⁰⁴ серьезное (*устар.*).

¹⁰⁵ Первые полтора года пребывания в Индии Е.П.Блаватская находилась под демонстративным полицейским надзором, поскольку британские власти подозревали ее в шпионаже в пользу России. Эти полицейские меры были отменены 20 октября 1880 г. (см.: *Olcott H.S. Old Diary Leaves. The Only Authentic History of the Theosophical Society. Second Series, 1878–1883. – London: The Theosophical Publishing Society; Madras: Theosophist Office, 1900. P. 229–231, 245–248.*)

называли, не особенно поправились. Предубеждение оставалось в силе даже тогда, когда *единицы* из среды служащих и в англо-индийской прессе начали обращаться в прозелитов и в восторженных друзей Блаватской.

Бывший издатель в Бомбее газеты «*The Pioneer*» А.Р.Синнетт и жена его, полковник англо-индийской службы Гордон с женой и еще двое-трое людей из британского общества были первыми их знакомыми и остались неизменными друзьями Елены Петровны в Англии до последней минуты. Все они печатно рассказывают с полным единодушием о печалях, оскорблениях и наветах, которым она подвергалась в стране, «куда приехала с самыми благими целями нравственно-отвлеченного характера» и где ее то выдавали за шпиона и агента *русской политики захвата* (?!), нечто вроде *agent provocateur*¹⁰⁶ туземного населения против правительства императрицы Виктории¹⁰⁷; то, успокоенные насчет этого свыше из Лондона и Петербурга, провозглашали самозванкой – «служанкой настоящей г-жи Блаватской», будто бы умершей по дороге из Европы; «обманщицей, и пьяницей, и воровкой, приехавшей переодетую в павлиньи перья» с тем, чтобы дурачить все население¹⁰⁸. Когда и эти выдумки были опровергнуты рядом ее блестящих статей в местных журналах, высшее общество все же не угомонилось, в особенности подстрекаемое католическими и протестантскими миссионерами против «кощунственной пропаганды теософического учения».

В декабре 1879 г. Е.П.Блаватская поехала провести холодный сезон в гостях у мистера и миссис Синнет в Аллагабаде¹⁰⁹, и там-то и произошел тот новый ряд феноменов, рассказами о которых Синнет наполнил целую книгу: «*The Occult World*». Рассказывать о них я не буду, дав достаточный им образчик в менее известных рассказах Джэджа и Оллькота об ее нью-йоркских чудесах. Скажу лишь, что они в Аллагабаде были разнообразнее и, если возможно, еще замечательнее тем, что подвергались тщательному контролю хозяина дома и многочисленных гостей его, которые впоследствии засвидетельствовали их «подлинность».

Вот несколько извлечений из статьи м-с Гордон «*Воспоминания о m-me Blavatsky*».

«...Восточные философии теперь справедливо заняли главное место в занятиях Теософического Общества, и всеконечно имя Блаватской перейдет к потомству, как надлежит ему по праву, лучшей в свете и главной распорядительницы этих доктрин; но в те времена, я должна сознаться, нас привлекали к ней ее чудотворения несравненно более, чем учение и философия. Но я обязана заявить вместе с тем, что она всегда осуждала стремление окружавших ее к *знаменьям* и презрительно называла свои феномены “психологическими фокусами”. Тем не менее, наши просьбы, а может быть отчасти и собственное желание ее доказать свое чудесное могущество, подвигали ее показывать нам часто эти не объяснимые никаким искусством *фокусы*, хотя в то же время она нас убеждала, что они ровно ничего не сто́ят в сравнении с знаниями, лежащими за ними... Все происходившее во время раннего знакомства нашего с “Н.Р.В.” описано верно и последовательно мистером Синнетом; я себя только чувствую обязанною ввиду клевет, которые обрушились на нее при жизни и после смерти, заявить, что *все, что я видела и слышала вокруг нее, ни на секунду не могло возбуждать ни самомаleastшего сомнения*. Я также обязана заявить, что, хотя она была самую умную женщиной, какую довелось мне знать, но, по убеждению моему, она

¹⁰⁶ агента-provokatora (*фр.*).

¹⁰⁷ Виктория (1819–1901) – королева Великобритании с 1837 г.

¹⁰⁸ «Стали ходить, кроме басни об агитации в пользу России, другие клеветы на Блаватскую. Одной из нелепейших было обвинение в самозванстве. Сочинили, что настоящая Е.П.Б[лаватская] умерла и похоронена в Адене, а что это ее *горничная*... Пришлось ей прибегнуть к свидетельству властей и родных: к дяде ее, генералу Ростиславу Андреевичу Фадееву, и князю А.М.Дондукову-Корсакову, тогда главноначальствующему на Кавказе. Последний ей выслал свидетельство, гласившее, что муж ее был вице-губернатором в Эривани, и, кроме того, написал дружеское письмо как к старой знакомой <См. ответное письмо Е.П.Блаватской А.М.Дондукову-Корсакову от 5.12.1881 г.: *Блаватская Е.П.* Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 217–234>» (*Желиховская В.П.* Радда-Бай. Биографический очерк // *Блаватская Е.П.* Загадочные племена на «Голубых горах» в дебрях Индии. Дурбар в Лагоре. Из дневника русской. СПб., 1893).

Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820–1893) – генерал от кавалерии, член Государственного совета, генерал-губернатор Одессы и командующий войсками Одесского военного округа (1881), главноначальствующий на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа (1882–1890).

¹⁰⁹ Аллахабад (*англ.* Allahabad).

самую природой так была создана, что систематичный обман для нее был немислим. В ней не было ни достаточнo хитрости, ни власти над собой, необходимых для скрытности, а тем более для составления преднамеренных обманов. Она всегда жила до такой степени просто, открыто и нараспашку со своими многочисленными друзьями, что для нас, – часто живших под одним кровом с этой женщиной, столько терпевшей от злорадных клевет, лжи, на нее возводимой, – просто нелепы!..»

М-с Алиса Гордон, восхваляя горячо великодушные и доброту Елены Петровны, с удивлением останавливается на ее слишком большой готовности всем доверять, всех считать друзьями и честными людьми; на ее изумительном (при таких способностях ясновидения, которыми она обладала) неумении распознавать людей и выражает предположение, что, вследствие своего усиленного благожелания ко всем, она допускала к себе даже тех, которых втайне считала не совсем достойными того, в чаянии повлиять на них доверием и добротой... Когда эти недостойные потом обращались против нее же, стараясь повредить ей, она так глубоко и горько чувствовала эти оскорбления, что нам было больно за нее... «Сколько раз, – говорит м-с Гордон, – я старалась повлиять на нее, чтоб успокоить и заставить смотреть равнодушнее на неблагодарность и клеветы людей, ее совсем не знавших; но дело в том, что она ими трогалась не столько за себя, как за вред, который они могли нанести ее делу, для которого она так работала, как никто никогда не работал, на мой взгляд!.. Нельзя было не изумляться ее безустанной энергии! Совсем больная, изнемогая от страданий, она шла к своему столу и писала, и работала... Мы, знающие, что за удивительная женщина она была, как глубока философия, которую она возродила к свету, знаем также, что придет день, когда и весь мир вместе с нами ее признает великою женщиной!..»

Так заканчивает м-с Гордон свое слово в память Е.П.Блаватской, близко ей знакомой двенадцать лет.

Синнет, описывая первое знакомство свое с ней, тоже говорит о сильном предубеждении всех их аллагабадских друзей против женщины, которая сама себя описывала в письмах к нему (он ранее личного знакомства с ней был в переписке по-своему издательскому делу) «старым, грубым *гиппотамом*, непригодным для цивилизованного общества»... «Но мы не нашли в ней ничего такого страшного, – рассказывает он далее, – хотя мы все очень смеялись, когда полковник Оллькот объявил во всеуслышание, что “*madame is under great self restraint sofa*” ([мадам] сильно сдерживается)... Мы совсем этого не замечали!.. Сознаваясь, что англо-индийское общество очень натянуто и подвержено формалистике еще больше, чем в Англии: что поэтому ему трудно было примириться с таким вопиющим исключением из общего уровня цивилизованных женщин, которым доступны их гостиные, – Синнет все же заявляет, что, помимо интереса научного и таинственно феноменального в общении с Е.П.Блаватской, к ней скоро все, ее узнававшие, бывали привлекаемы ее блестящим остроумием и добродушным юмором, оживлявшим самое чопорное и скучное собрание. Вскоре все, кто были достаточно развиты, чтоб оценить ее достоинства, из предубежденных недругов обратились, если не в последователей ее учения, то в личных ее благожелателей, громко восторгавшимися ее блестящими дарованиями. Всем «сколько-нибудь дальнoзорким и понимающим людям», по свидетельству Синнета, становилось ясно, что ее невнимание ко всем условиям света, ее резкость в словах и непритязательная простота в обращении, совсем не были следствием незнания светских требований и непривычки к ним, а скорее наоборот: вследствие решительного к ним отвращения и пренебрежения ими. В сложной ее натуре и в характере, способном являть самые противоположные разносторонности, было, без сомнения, много загадочного... «Как могла она при таком необыкновенном философском уме и таком глубоком духовном развитии быть такою неразумно впечатлительною, вспыльчивою, несдержанною и чувствительною к самым мелочным неудовольствиям, – для нас было долго непроницаемою загадкой», – дивится Синнет, находя разрешение своих недоумений в каких-то (для нашего простого разума совсем непонятных) «*психологических законах*, которым при таких условиях, в какие была поставлена она, неизбежно подвержены посвященные в мистерии ок[к]ультизма»... Какие это «любопытные психологические законы»? Он не объясняет¹¹⁰... Очень

¹¹⁰ «Incid[ents] in the life of m-me B[lavatsky]», «Established in India» <«Признанная в Индии», англ.>, стр. 225 и

мало объясняет и дальнейшее его указание, что «никто не мог постигнуть Блаватскую, кто не изучал ее, руководствуясь светом гипотезы, что она была лишь видимым агентом высших и неведомых ок[к]ультных сил...

...Раз признав в ней легкомысленное и далеко не совершенное, хотя вполне верное, преданное делу и блестяще одаренное орудие тайных властей, представительницу ок[к]ультистов, стоящих за ней во всеоружии знаний и силы, производящих с ее помощью опыты над духовными индукциями мира, в котором она вращалась, – загадка разрешена! Видимые несостоятельности, противоречия ее поступков и характера объяснены и ее собственные достоинства оценены по заслугам...»

Очевидно, английский биограф Е.П.Блаватской увлекается своею верой в могущество *учителей*, воздавая ей честь лишь за отрицательную заслугу, что она привлекла их благоволение, была способна воспринимать их внушения и творить их волю с достою преданностью делу. Но для *не* теософистов, для обыкновенных смертных, не имеющих оснований даже верить в существование этих великих наставников, тайных основателей теософизма, это объяснение весьма несостоятельное и у большинства лишь вызовет улыбку.

Как бы то ни было, ни Синнетт и никто из знакомых с тем, как шли дела в первые годы в Индии, не отымет у Е.П.Блаватской прямой заслуги ее заработков на нужды общества. Он сам (равно как и Олькот) сознает, что учредителям Теософического Общества положительно нечем было бы питаться, если бы не ее неустанная работа. «M-me Blavatsky с утра до ночи сидела у письменного стола, *рабствуя* (slaving) над своими статьями, – говорит Синнетт. – Ее *русские* корреспонденции, которые она писала с единою целью небольших выручек, доставлявшихся ими гораздо более, чем какие-либо другие доходы членов общества, поддерживали движение и содержали *главную квартиру их...*»

Мало того, что она всех кормила сторонними статьями, но в первые же месяцы своего пребывания в Бомбее Е.П.Блаватская начала издавать «*Теософист*», ежемесячный журнал, посвященный изучению ок[к]ультизма и психологии. Знатоки довольно скоро оценили действительные заслуги его. «*Теософист*» приобрел быстро популярность; в следующем же году он уж приносил маленький доход, а года через три стал почти главным источником доходов, на которые и поныне поддерживается дело в Индии. Пока основательница общества неустанно писала, его президент ездил по краю, читал лекции о теософии, всюду проповедуя учение ее и пропагандируя между туземцами нравственное пробуждение Индии, возрождение ее литературы и древних верований во всей первобытной их чистоте. Они очень скоро отделились от своего прежнего приятеля и соумышленника во многих отношениях – от пандита Дайянанда Сарасвати. Этот ученый и энергичный реформатор, оказался, ошибся в них, как и они в нем: ярый буддист, он был уверен, что все члены нового общества, которое он считал лишь отпрыском своего *Ария-Самадж* (Братства Ариан), такие же, как сам он, убежденные поклонники Будды¹¹¹, и что все они едут в Индию принять его главенство и во всем ему подчиняться как духовному отцу и единому господину дела. Узнав, что одно из главных правил Теософического Общества – невмешательство в совесть ближнего, взаимное уважение всех верований и не касательство религии и политики, он ужаснулся такой терпимости как худшей из ересей и не только отшатнулся от теософистов, но решительно примкнул к сонму их противников. Пришлось им действовать самостоятельно и поплатиться многими неприятностями за недоразумение. Впрочем, буддистский суами не много успел повредить им: он скоро умер; а искренний и ревностный буддизм полковника Олькота скоро приобрел ему много сторонников в числе прежних последователей Сарасвати и рьяного

далее.

¹¹¹ Буддизм президента общества ввел Дайянанда в заблуждение. Олькот действительно его единовец и такой глубокий знаток буддизма, что написал «Буддийский катехизис», одобренный их духовенством для школ. – *Примечание В.П.Желиховской.*

«Буддийский катехизис» был написан Г.С.Олькоттом в 1881 г., впервые издан в том же году, утвержден и рекомендован для использования в буддийских школах преподобным Сумангалой; почти сразу же был переведен на русский язык (см.: Русская мысль, 1887, №8, пер. с англ. А.С.Петрункевич; Вера и разум, 1887, №20, 21, 23, пер. с англ. Т.И.Буткевича).

друга в лице самого *Сумангалы*¹¹² – папы буддизма, главного первосвященника на острове Цейлоне, куда они ездили зимой с 1880 на 1881 год.

Хотя внешние обряды и многие верования индусов и буддистов совсем не сходны, даже враждебны (благодаря суевериям, вкравшимся в господствующую в Индии религию, извращенную браминами, утверждают последние), однако же, их основания и эзотерическое учение (для посвященных в тайный смысл их) тождественны. Задача теософов-буддистов клонится в Индии к тому же отвержению многобожия и признанию единого, отвлеченного Божества, к которому стремился и Дайянанд Сарасвати. Оллькот и Блаватская были приняты сингалезцами с великим почетом и радостью. Их чествовали на Цейлоне народными празднествами, почетными встречами духовенства; жрецы в честь их назначали экстраординарные служения и водили показывать *зуб Будды* и всякие другие священные предметы в своих храмах, куда никогда не проникали европейцы. Письма, которые оттуда писала Елена Петровна, были переполнены оригинальными сценами, описаниями местных картин и нравов и дышали живым интересом. Ее, очевидно, забавляло демонстративное поклонение, которого она была предметом, и занимала необычайная остановка, тропическая природа и все цветистые подробности их пребывания в Коломбо, Канди и других местностях.

IX

Вернувшись в Бомбей, они снова поселились в своем *бенглоу*¹¹³ в туземной части города в старых его кварталах, где никогда не живут европейцы. *Head quarter* (главная квартира), как Е.П.Блаватская и Оллькотт громко называли нескольких своих прямых помощников, с намерением избрала своею резиденцией этот пункт, пользовавшийся весьма нехорошею репутацией. Живописный, открытый всем ветрам домик их стоял на вершине пригорка и, хотя красиво тонул весь в вьющихся розах и зелени, однако носил непривлекательное название «*Воронье гнездо*» и несколько лет пустовал... О нем ходила дурная слава: на холме водилось много змей и ядовитых пресмыкающихся, но в самом бенглоу еще хуже того – прогуливались привидения...

Теософы первых не боялись, а вторых презирали; а потому поселились в «*Grow's Nest*», пользуясь тем, что его отдали дешево. Тут их постоянно окружали туземцы, жаждавшие возрождения «старой Индии», и шла кипучая работа...

В этом домишке на курьих ножках Радда-Бай писала свои «*Письма на родину из пещер и дебрей Индостана*», и чуть ли не половину статей в каждом месячном номере¹¹⁴ «*Теософиста*». Отсюда же этот индийский орган заморских язычников, издаваемый русскою отщепенкой, вышел весь в траурной обложке раннею весной 1881 года и разразился несколькими громоносными, отчаянными статьями по поводу ужасов 1 марта¹¹⁵, горя и страха его издательницы за свое далекое, покинутое, но незабытое отечество¹¹⁶!.. Этот траур и статьи вновь заставили властей нахмуриться и вновь привлекли на Елену Петровну недоброжелательное, подозрительное внимание.

В том же году они много путешествовали по краю (эти передвижения все были описаны в «*Русском вестнике*») и вновь провели несколько времени под гостеприимным кровом Синнетов в Симле. В это посещение гораздо менее было обращено внимания на забавы феноменами, чем на серьезные занятия... После этого посещения Синнетт пишет, что его знания настолько подвинулись, что, возвратившись в Аллагабад, он приступил к своему первому ок[к]ультическому сочинению («*Esoteric Buddhisme*»¹¹⁷), которое положило основание его известности как писателя и знатока ок[к]ультизма.

В это время, осенью 1882 года, Е.П.Блаватская серьезно заболела, и произошло с нею

¹¹² Сумангала Тхера Хиккадуве Шри (1827–1911) – цейлонский буддийский монах и ученый.

¹¹³ бунгало (англ. bungalow) – тип одноэтажного дома, который возник в Индии.

¹¹⁴ номере (устар.).

¹¹⁵ Речь идет об убийстве 1 марта 1881 г. российского императора Александра II.

¹¹⁶ Е.П.Блаватская опубликовала в газете «*The Pioneer*» статьи об Александре II «Цареубийство» (9 апреля) и «Состояние России» (4 и 18 мая).

¹¹⁷ «Эзотерический буддизм» (англ.).

замечательное происшествие, которого вполне ясно и последовательно она никогда не хотела, думается мне, даже – *не могла* описать ни биографу своему Синнету, ни своим родным. В письмах ее ко мне произошел довольно продолжительный перерыв, после которого я получила несколько строк из Дарджилинга¹¹⁸, из Северной Индии, в которых она извещала, что едва не умерла; что ее достоверно уж не было бы в живых, если бы не чудотворное вмешательство ее *хозяина*, Махатмы Мории, который ее «взял к себе в свои горы» и там «несколькими пассами вернул к жизни», когда она «уж была почти трупом», и в несколько дней ее поставил на ноги. Впоследствии я много раз ее расспрашивала об этом таинственном эпизоде ее жизни в Индии: как очутилась она в бесчувствии и беспомощности в каких-то неприступных, совершенно не проездных горах на границе Гималаев? Кто ее повез туда? Как и где пробыла она время своего выздоровления и как снова очутилась в местах обитаемых?.. Она всегда отвечала, что не может всего припомнить, что ей не позволено всего рассказывать... Как бы то ни было тогда или ранее, достоверно, что она бывала и в Лассах¹¹⁹, столице Тибета, и в главном его религиозном центре Чикадзе¹²⁰, где живет среди нескольких сот лам Тешулама¹²¹, духовный глава буддистов, которого они считают реинкарнацией Будды, и на Каракор[у]мских горах в Куэнлуэ¹²². Ее живые о них рассказы много раз мне это доказывали... Она всегда говорила, что те двое Махатм, которых она лично знает, очень разнятся по характерам и образу жизни. Что Махатма Кут-Хуми гораздо доступнее; живет с сестрой своей и с племянником в Куэнлуэ; а Махатма Мория, собственно ее гуру (учитель), постоянного жилища не имеет, гораздо серьезнее и строже и в вечных передвижениях, находясь там, где в данную минуту он нужнее. Первый иногда просто разговаривает и даже смеется; второй – никогда! Редко даже говорит... Он старше Кут-Хуми (на портретах оба они далеко не старые, красавцы, каких в свете немного. Кут-Хуми светлее, с чудными голубыми глазами, а Мория – сильный брюнет с глубокими, пронизательными черными глазами, с удивительно правильными и строгими чертами).

Пред своим исчезновением Елена Петровна писала Синнетам, прощаясь с ними, уверенная, что должна умереть. Бомбейские доктора признавали в ней смертельную болезнь, расстройство почек, и печени, и сердца – всего организма, одним словом.

«...Кровь моя превратилась в воду, – пишет она, – просачивается наружу, образуя мешки *à la kangaroo*¹²³. Все это мне доставил, *primo*¹²⁴: бомбейский жар и сырость; а *secundo*¹²⁵: вечные мои раздражения, беспокойства и волнения. Я стала такая нервная, что легкая поступь босых ног Бабулы (ее туземный слуга) производит сердцебиение. Я *заставила* Дэдле (доктора)¹²⁶ признаться, что могу умереть в каждую секунду от каждой тревоги, а без них могу протянуть год, два... Возможно ли это при моей жизни? Да у меня в день двадцать тревог, а не одна!.. Передаю все дело учителям... М. (Блаватская и ее последователи избегают произносить и писать полностью имена Махатм) хочет, чтоб я ехала в конце сентября... Он прислал за мною с Нильгирийских гор своего *челу*, чтоб он меня доставил... Куда – я не знаю! Но, вероятно, куда-нибудь в Гималаи...»

Один восторженный кандидат на поступление в челы, некто Рамасвами¹²⁷, уверенный, что основательница Теософического Общества отправляется на свидание с кем-либо из самых высших адептов, пытался за нею следовать и поместил в «*Теософисте*» (декабря 1882 г.) очень интересное письмо, повествующее, как он и другие ярые теософы-буддисты гонялись за Е.П.Блаватской в чаянии догнать ее и умолить взять их с собою¹²⁸.

В письме Рамасвами заявляет, что, сидя за чтением в своей комнате в Тинневелли в

¹¹⁸ Дарджилинга (англ. Darjeeling).

¹¹⁹ Лхасе (англ. Lhasa), в английском варианте «h» не читается.

¹²⁰ Шигадзе (англ. Shigatse).

¹²¹ Таши-лама

¹²² Кунь-Луэ (англ. Kunlun).

¹²³ как у кенгуру (фр.).

¹²⁴ во-первых (итал.).

¹²⁵ во-вторых (итал.).

¹²⁶ Дадли Дэвид (Dudley) – президент Бомбейского Теософского общества.

¹²⁷ Рамасвами (Ramaswami) – член Теософского общества.

¹²⁸ *Ramaswami S. How a «Chela» found his «Guru» // Theosophist, 1882, V. 4, №3, December <Рамасвами С. Как «чела» нашел своего «гуру» // Theosophist, 1882, т. 4, №3, декабрь>.*

сентябре месяце, он вдруг услышал голос своего «благословенного Гуру», повелевший ему оставить все и ехать в Бомбей, дабы следовать за основательницей Теософического Общества, куда бы она ни двинулась. Он, разумеется, все бросил, «ибо звуки этого голоса для слуха моего божественны и приказания непреложны», говорит он... В Бомбее он, однако, уж не застал Блаватской, но узнал, что она, очень больная, выехала по известному направлению со своим слугой и не известным в этих местах *челой*, явившемся за ней. Он, сам не зная, куда именно направляется, взял долгосрочный билет в Калькутту, но в Аллагабаде услышал вновь хорошо знакомый голос, призывающий его направиться в Бергампор¹²⁹. Тут он неожиданно встретился в вагоне с другими бабу (дворянами-землевладельцами), тоже членами Теософического Общества, как и он разыскивавшими Е.П.Блаватскую. Некоторые из них только что вернулись, проследив ее до Динапура, но там потеряв ее след... Они только знали, что она направлялась в Тибет, и думали «броситься к ногам Махатм, умоляя их позволить и им за нею следовать»... Тут они получили записку от нее, в которой она извещала их, что и сама вряд ли будет в Тибете, что ее призывают лишь на границу Сиккима, что она там, где-нибудь за Дарджелингом, свидится с *братьями*, но что им, вероятно, за нею следовать будет нельзя... Один из них, бабу Нобин, представитель местных теософов, этим не унялся, а отправился вместе с Рамасвамиией в Чандернагор, и тут они страшно обрадовались, узнав, что Блаватская на станции – сейчас трогается далее. Они бросились к вагонам, но были остановлены «высоким, очень *темным*, с длинными и густыми волосами, неизвестным им человеком, который остановил их сурово, назвавшись *челой* и заявив, что они опоздали, – что она уже виделась с Махатмами и что он получил приказание ее довести до следующей станции и там ее оставить. Это, очевидно, была выдумка... Чела боялся без приказа взять их на свой страх, как они его о том ни спрашивали.

Однако двое из бенгальцев с Рамасвамиией решили не слушаться сурового проводника г-жи Блаватской, не допуская их до нее. Зная, что через станцию будет остановка на переправе через реку, они их там настигли вновь в ожидании другого поезда. Рамасвамия едва успел прыгнуть в последний вагон поезда, где ему мелькнул проводник-чела, как вдруг, пишет он, «против всех правил – *раньше времени* – поезд тронулся и полетел», оставив за собой его товарищей, и слугу Елены Петровны, и все ее вещи, «кроме шкатулки с бумагами и корреспонденцией общества, которую держал *чела*»... Ревностный преследователь Е.П.Блаватской упокоился было, думая, что достиг своей цели; но, вероятно, его *гуру*, посылая его за ней, только хотел над ним пошутить, потому что сам он не знает, как, но его последний вагон чем-то задержался, его *почему-то* отцепили и бедный Рамасвамия достиг до Дарджелинга тогда, когда следы ее и челы-провожаемого давно простыли...

Тут он опомнился и пришел к заключению, что все эти задержки и препятствия доказывают, что «m-me Blavatsky ехала именно на свидание с *благословенными братьями*, – но что им не было угодно, чтобы кто-либо за ней следил и видел их»... «Я достоверно узнал, – заключает он свое сообщение, – что двоих Махатм только что видели на британской территории и один из них признан носителем реликвий¹³⁰ при Тешуламе...»

Не знаю, сколько времени Е.П.Блаватская пробыла за границей британской Индии и где именно; но факт тот, что она возвратилась – на диво всем и смущение бомбейских докторов – сравнительно совершенно здоровою и ревностнее, чем когда-либо, принялась за дело и свои письменные работы.

17 декабря того же года¹³¹ произошло переселение Блаватской, президента Теософического Общества и их «исполнительного совета» в Адиар, в приобретенное ими здание и землю возле Мадраса, их новую постоянную главную квартиру, где полковник Оллькот проживает и поныне. Это прелестное место с чудным видом на океан; дом с обширною террасой скрывается в тени разнообразных пальм; возле протекает живописная речка, которую Елена Петровна окрестила

¹²⁹ Берхампур (англ. Berhampur).

¹³⁰ Е.П.Блаватская говорила мне не раз, что ее гуру Мория – высокое должностное лицо при Тешуламе в Тибете – «чутукту», или *носитель святыни*. – *Примечание В.П.Желиховской*.

Хутухта или Кутукту (*монг.* хутагт святой) – титул, который жалуются в Монголии буддийским хубилганам («перерожденцам»).

¹³¹ В 1882 г.

русским именем Адьярки. Здесь ей было несравненно удобнее и безопаснее от сырости и жара; она жила во втором этаже не бенглоу на курьих ножках, недаром прозванного «Вороньим гнездом», но каменного дома, сухого и закрытого от непогод. Рядом с ней терраса и библиотека, светлая, тихая, прекрасная комната, где вечно где-нибудь в уголку торчал на корточках какой-нибудь индус или буддист, склонившись над санскритским фолиантом.

«Здесь мне чудо как хорошо! – писала она оттуда родным. – Какой здесь воздух! Какие ночи!.. И какая чудная тишина. Нет городского треску и уличных криков. Сижусь себе, пишу и смотрю на океан, блестящий, безбрежный, словно живой, – право! Мне часто кажется, что он дышит, что сердится, рычит и бьется в гнев!.. Зато, когда он тих и ласков, не может быть в мире красоты обаятельнее!.. Особенно в лунную ночь. Луна здесь на глубоком темно-синем небе кажется вдвое больше и вдесятеро блестящей вашего европейского перламутрового шарика...»

Накануне их отъезда из Бомбея в этот дом-виллу, приобретенную для них по подписке всех теософов, им дан был прощальный праздник, на котором был прочитан адрес¹³², перепечатанный в нескольких газетах. В нем Бомбейское Теософическое Общество благодарило их за великую пользу, принесенную всему «народонаселению президентства и им в особенности ознакомлением их с родными учениями, религиями и философиями древней Индии, которых никто до них не популяризировал и не объяснял; за пробуждение в среде их гуманных интересов и добрых к ним чувств европейцев [с] помощью распространения своего “всемирного братства” и за борьбу их учения с равнодушием к вопросам духовным, с атеизмом и материализмом, нашедшим путь в высшие слои местного общества из европейских университетов, где воспитывается их молодежь».

«Вы по всей земле нашей проповедуете духовное развитие, воздержание и всеобщее братство! – гласил адрес. – Как действительна оказалась ваша всего четырехлетняя проповедь, доказало последнее общее собрание общества, где под знамена теософии собрались представители из Лагора¹³³ и Симлы до Цейлона, из Калькутты до Катиявара¹³⁴, из Гуджерата¹³⁵ до Аллагабада, – парсийцы, индусы, буддисты, европейцы, магометане и евреи и все единодушно провозглашали возрождение Индии...»

Такой союз и единство различных народностей, такое устранение всех предрассудков сект, каст и верований ради общей гармонии целого, такой великий национальный союз, одним словом, был необходим для нравственного воскрешения Индостана, и вы его нам дали!.. Ваши неподкупные, самоотреченные, гуманные труды обязывают нас чувствовать к вам величайшую благодарность, уважение и преданность...» и т.д.

Надо отдать справедливость туземным последователям учения полковника Оллькота и Е.П.Блаватской; они не одними словами доказывали, что ценят неустанные труды их им на благо: приобретение Адиара о том свидетельствует, как и многие доказательства преданности впоследствии.

Х

Не удалось, однако, Елене Петровне «спокойно дожить жизнь» в этом красивом и спокойном уголке на берегах Бенгальского залива, как она надеялась. Много еще предстояло ей путешествий, горестей и волнений в предназначенное прожить десятилетие... Но все же она провела в Адияре два года, воспоминание о которых, несмотря на то, что было сильно отравлено делом с Майерсом¹³⁶ (психического лондонского общества), следствием, наряженным в отсутствие хозяев их заклятыми врагами, перевернувшими все вверх дном в ее комнатах и вещах, – все же осталось ей дорого навсегда. Здесь, пока Елена Петровна гостила в Отакамунде¹³⁷, на даче генерала Моргана, произошел феномен, засвидетельствованный уж не присяжными сторонниками ее чудес

¹³² Адрес – письменное приветствие.

¹³³ Лахора (англ. Lahore).

¹³⁴ Катхиявара (англ. Kathiawar).

¹³⁵ Гуджарата (англ. Gujarat).

¹³⁶ Майерс Фредерик (1843–1901) – английский поэт, эссеист, филолог, один из основателей Общества психических исследований.

¹³⁷ Утакаманде (англ. Ootacamund).

(Олькотом, Синнетом или Джеджем), а хозяевами дома и другою их гостьей, г-жой Сарой Кармайкль¹³⁸, по просьбе которой дать ей что-нибудь на память, Елена Петровна *сотворила* кольцо¹³⁹ из золота с сапфиром...

Кольцо осталось у этой дамы и ныне у нее находится...

Я далеко не скептик, как думаю, ясно всем, кто прочтет эту биографию, но я не могу не сознаться, что такого рода происшествия *должны были* возбуждать недоверие и мысль о подлогах...

Как было уже мною сказано, мы – близкие Е.П.Блаватской – видывали много ее чудес, удивительных и оставшихся необъяснимыми фактами; но все они больше принадлежали к области ясновидения, несомненно ей самой присущего, и затем явлений однородных с медиумическими, хотя для нее не нужно было никаких трансов, ни даже какого-либо с ее стороны деятельного участия. За исключением, впрочем, единичного случая, многими засвидетельствованного (в июне 1884 года в Париже), когда она прочла письмо, не распечатывая его, а лишь приложив ко лбу, и в доказательство, что *видит* в нем написанное, а не говорит наугад, *написала на отдельной бумаге фразу из него и, взяв красный карандаш, подчеркнула эту фразу, сказав:*

– Вот эта самая фраза *и в письме окажется подчеркнутой* красным карандашом и помеченную теософическою звездой, как здесь.

И она быстро, одним махом, начертила под *своею* фразой шестиугольную звезду. Когда же открыли письмо, *в нем точно оказалась и та фраза, и под ней точно такой росчерк, и звезда тем же красным карандашом.* Этот факт кажется единичным, в моем присутствии, такого феномена, от которого остались *вещественные следы*¹⁴⁰. Но никогда никакого *сотворения материального предмета* я не видывала и всегда прямо говорила сестре, что им не верю.

– Ну и не верь! – обыкновенно отвечала она мне очень хладнокровно. – Я очень мало забочусь о вере в эти вздоры.

Мне случалось ей сердито доказывать, что это далеко не вздоры! Что если она так легко *творит* золото и драгоценности, то пусть обогатит меня.

В ответ на такие речи она только смеялась, говоря, что этого она не может, потому что это было бы колдовство, *черная магия*, которая всем принесла бы один вред.

– Наша *карма*¹⁴¹ с тобою быть бедными и мы должны ее нести. Если б я попробовала себя или тебя таким путем обогатить, то погубила бы нас обоих, не в здешней, минутной жизни, а на долгие, может, на вечные века, – объясняла она мне.

А на вопросы: «Зачем же ты одаривала других такими губительными подарками, если они приносят вред?» – она уверяла, что те вздорные вещи, которые ей было *дано* сделать ради убеждения людей в том, как могущественны духовные дары и сила воли человека, ничего не значили, никакого влияния иметь не могли ни на кого и ни на что, кроме разве убеждения «тупоголовых материалистов, которые ничего не возьмут в толк, *если им не поставит точек над i*».

Суть ее речей всегда была одинакова: дело совсем не в феноменах – они только *иллюстрации* для профанов, которые не в состоянии без них понять величия истинных задач и пользы теософии в средах, заеденных материализмом и *буквой*, суевериями и обрядностями вместо веры в вечность духа человеческого и в духовные силы и задачи человечества. Феномены, будь их реальность доказана, как $2 \times 2 = 4$, будь они очевидны, как солнце на небе, – не более как детская забава, ничтожная иллюзия или умение повелевать вещественными атомами, сосредотачивать их воедино; во всяком случае, феномены эти ни в проблеме жизни, ни в вечной загадке смерти и

¹³⁸ Вероятно, эта миссис Sara Carmichael была лицо известное в среде англо-индийского общества, жена какого-нибудь сановника в иерархии служащих. – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹³⁹ Это кольцо хорошо известно всем знавшим Е.П.Блаватскую, как и тот факт, что не раз она им излечивала страдания многих, особенно нервные, прикладывая его и делая им пассы. – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹⁴⁰ Этот феномен описан В.П.Желиховской в очерке «Е.П.Блаватская и теософисты» (Одесский вестник, 1884, №123, 5 июня; перепечатано в: Ребус, 1884, №28, 15 июля; №29, 22 июля).

¹⁴¹ Закон возмездия, воздаяния, вырабатываемого самим человеком. Наказание и награда каждого в его руках: в настоящем или будущем существованиях (учат буддисты), но все творимое нами, добро и зло, на нас же возвратится и падет; непреложный закон этот и называется *карма*. – *Примечание В.П.Желиховской.*

существования посмертного сами по себе ничего не доказывают...

XI

В начале 1884 года было решено, что основатели Теософического Общества поедут этим летом в Европу. Полковник должен был выяснить какой-то вопрос, касавшийся цейлонских буддистов в министерстве колоний; он думал было ехать один, но доктора посоветовали временную перемену климата и морское путешествие Елене Петровне, а потому было решено, что она с ним отправится в Южную Европу. Она, вероятно, докторов бы не послушалась, но крепко захотелось ей повидаться со своими близкими. Теток своих, сестер матери¹⁴², она не видала с семьдесят четвертого года¹⁴³, меня же более двадцати лет. Она мне писала в Одессу: «Если бы не надежда с вами свидеться, я бы не тронулась с места... Не все ли равно, где умирать?.. Здесь даже лучше: у меня в саду костер сандалового дерева стоит готовый для сожжения моего поношенного, расплзающегося грешного тела; спасибо, один добрый Раджа не поскупился на дорогой материал для моего *auto da fé*¹⁴⁴ преподнести мне в презент! А в Европе, пожалуй, и сжечь своих жиров мне после смерти не позволят?.. Но уж так и быть – рискну! Ведь наши каждое лето за границу ездят?.. Уж так бы хотелось хоть раз еще в жизни свидеться с тобой, с Надеждой Андреевной¹⁴⁵. То-то бы радость была!..»

Отъезд их из Индии был назначен в конце января. Зная это, мы с декабря перестали ей писать, так как письма в Мадрас шли от трех до четырех недель. В это самое время дядя наш, Р.А.Фадеев, болел своею предсмертною болезнью. 29 декабря (1883 года) он скончался, а во второй половине января мы получили от Е.П.Блаватской отчаянное письмо, которым она просила подробностей о смерти его, говоря, что она видела его при переезде из Мадраса в Бомбей, на пути в Европу. Этот факт меня не особенно удивил, так как был не первым¹⁴⁶. Елена Петровна часто нас предупреждала о смерти людей, живших с нами в России, из-за больших расстояний. Последний такого рода факт случился летом 1886 года, когда, живя в Петергофе, мы получили от нее письмо из Остенде, где она извещала нас о кончине А.М.Бутлерова¹⁴⁷ ранее, чем это известие появилось в наших газетах. Елена Петровна очень любила профессора Бутлерова и была с ним в постоянной переписке. Она писала:

«Пожалуйста, соберите все, что появится в русских газетах о смерти А.М.Бутлерова. Он умер, я знаю: я его видела, но хотела бы знать подробности о болезни его и смерти».

Я очень тогда удивилась и недоумевала: «С чего ей вздумалось похоронить Александра Михайловича?!», никак не предполагая, что в тот же день, открыв газету, на первом же столбце увижу об этом объявление.

7 февраля основатели Теософического Общества оставили Бомбей и в начале марта высадились в Марселе, где их уже встретили депутации английских и французских членов их

¹⁴² Речь идет о Н.А.Фадеевой и Е.А.Витте.

Фадеева Надежда Андреевна (1829–1919) – теть Е.П.Блаватской, руководитель первого в России отделения Теософического общества, созданного в Одессе в 1883 г.

¹⁴³ В.П.Желиховская ошиблась, Е.П.Блаватская уехала из Одессы в 1873 г., где проживали Н.А.Фадеева и Е.А.Витте.

¹⁴⁴ Аутодафе (*португ.* *auto da fé*, букв. акт веры) – в Средние века первоначально – оглашение, а впоследствии и приведение в исполнение приговоров инквизиции, в частности публичное сожжение на костре еретиков, еретических сочинений.

¹⁴⁵ Надежда Андреевна Фадеева, меньшая сестра матери нашей, – тетка, с которой Елена Петровна с детства была особенно дружна. – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹⁴⁶ Целый ряд таких явлений из загробного мира Е.П.Блаватская видела в моем деревенском доме, когда возвратилась в шестидесятом году после десятилетнего отсутствия. Она описывала разных лиц, живших когда-либо в этом, вновь купленном мною имении, и старые дворовые люди узнавали их по описаниям нашим. Все это и многое другое в таком роде мною описано в брошюре «*Правда о Е.П.Блаватской*», журнал «*Ребус*» конца 1883 года. – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹⁴⁷ Бутлеров Александр Михайлович (1828–1886) – основатель органической химии, профессор Московского университета, президент Русского физико-химического общества, исследователь спиритуализма и парапсихологии с естественнонаучной точки зрения; в 1871 г. организовал в С.-Петербурге первый научный комитет по исследованию феноменов медиумизма; постоянный сотрудник спиритического журнала «*Ребус*».

братства и целые вороха писем и телеграмм, нарасхват умолявших Елену Петровну приехать гостить в Париж, в Ниццу, в Италию и в Англию, пока президент общества будет занят в Лондоне. Туда она вначале ни за что не хотела ехать. На море она себя лучше чувствовала, а высадившись, оказалась совсем больною и приняла ближайшее приглашение – в Ниццу к леди Кэтнесс, герцогине де Помар¹⁴⁸, представительнице парижской ветви «Société Theosophique d’Orient et d’Occident»¹⁴⁹. Она рада была отдаться в распоряжение автора «Изиды», основательницы движения, пред которой восторженно преклонялась и действительно делала все, что было возможно для спокойствия и удовольствия Елены Петровны. В Ницце оказалось, разумеется, несколько русских дам, из которых две-три прежде были знакомы с Блаватской, знали ее еще как m-lle Gahn¹⁵⁰ и теперь восторженно с нею носились. Полковнику Оллькоту удалось излечить одну или двух из этих российских дам: одну от глухоты, другую от ревматизма магнетическими пассами. Это еще более прибавило им престижа и популярности... Парижские газеты заговорили о них гораздо ранее, чем было решено, что они туда переедут.

Но Е.П.Блаватская только и думала о свидании со своими, и ввиду этого, усиленно упрашивая нас приехать, не хотела принимать никаких приглашений, а наняла в Париже помещение в пять комнат, куда в начале мая я с Н.А.Фадеевой приехали и прожили с ней шесть недель.

Звуковые и другие феномены¹⁵¹, происходившие в это время, были мною описаны по просьбе одесских редакций в «Новороссийском телеграфе»¹⁵² и в «Одесском вестнике» (июнь и июль 1884 года). Повторять их не стану, но остановлюсь несколько на пестром обществе, вечно окружавшем нас в маленьком домике улицы Notre Dame des Champs, 46.

Под одним кровом с нами жили, кроме Елены Петровны и полковника Оллькота (когда он возвращался из постоянных поездок), представитель американских теософов mr. William Q. Judge, прилетевший из Нью-Йорка для свидания со своими друзьями и соглашения по некоторым теософическим вопросам. Некто mr. Bertram Keightley, юный лондонец, впоследствии один из секретарей Елены Петровны и преданнейший ученик ее и друг. Наконец, двое индусов, молодой брамин Могини Чаттерджи¹⁵³, смутивший своими газельими бархатно-черными глазами не одно сердце молодых парижанок и даже англичанок за время своего пребывания в Европе, и Бабула – слуга Елены Петровны, преданный, услужливый, вместе с тем веселый и большой юморист, говоривший по-английски и по-французски и очень гордившийся необычайным эффектом, который производили его тюрбаны из розового газа или газета, когда он прохаживался по Парижу.

Посетителей бывали ежедневно массы. Елена Петровна успевала заниматься лишь ранним утром от 6 часов утра до полуденного завтрака, а день весь проходил в приемах и суете. Общество осаждало ее разнообразное, но все из интеллигентных классов. Множество французско-легитимистов¹⁵⁴ и империалистов льнули к ней почему-то в то время; очень многие ученые, доктора, профессора, психиатры, магнетизеры, приезжие со всех стран света и местные. Доктора Шарко¹⁵⁵ тогда в Париже не было, но Рише и Комбре¹⁵⁶, его помощники, были своими людьми. Фламарион¹⁵⁷ бывал очень часто; Леймари¹⁵⁸ – издатель «Revue spirite»; старичок-магнетизер

¹⁴⁸ Кейтнесс Мария (Caithness, 1830–1895) – французская писательница.

¹⁴⁹ «Теософского общества Востока и Запада» (фр.).

¹⁵⁰ мадмуазель Ган (фр.).

¹⁵¹ Между прочим, и только что рассказанный – с письмом. – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹⁵² В.П.Желиховская ошибается, в ее статьях в «Новороссийском телеграфе» под названием «Письма из заграницы» (1884, №2774, 17 мая; №2778, 23 мая; №2785, 1 июня; №2789, 6 июня; №2793, 10 июня) и «Письма из Парижа» (№2802, 21 июня) имя Е.П.Блаватской не упоминалось и только в одном из номеров рассказывалось о заседании теософов в Париже (№2789, 6 июня).

¹⁵³ Чаттерджи Мохини (Chatterji Mohini, 1858–1936) – индийский адвокат, писатель, член Теософского общества с 1882 г.; в 1886 г. выступил против Е.П.Блаватской с клеветническими обвинениями.

¹⁵⁴ Легитимист (фр. légitimiste) – сторонник законной правящей династии, свергнутой революцией.

¹⁵⁵ Шарко Жан-Мартен (1825–1893) – французский врач-психиатр.

¹⁵⁶ Комбре Раймонд – врач, ассистент доктора Ж.М.Шарко.

¹⁵⁷ Фламарион Камиль (1842–1925) – французский астроном, писатель; интересовался сверхординарными явлениями природы и парапсихологией, собрал много феноменальных случаев в своей книге «Неведомое»; автор широко известных книг «Множественность обитаемых миров», «Обитатели иных миров» и др.; автор романов

Эвет[т], друг барона Дюпоте¹⁵⁹, постоянно конкурировал с Оллькотом в излечениях присутствовавших больных. Русских бывало множество, мужчин и дам, и все это усиленно напрашивалось в дружбу и в последователи учения.

В квартире Елены Петровны собственно происходили, за малостью ее, лишь деловые заседания лиц, непосредственно причастных к делу; экзотерические же собрания, ради пропаганды, происходили больше у герцогини де Помар, у графа и графини де Барро¹⁶⁰ и у других парижан оседлых, если можно так выразиться. Граф и графиня d'Adhémar¹⁶¹ приезжали очень часто из своего имения возле Enghien; и мы ездили к ним и провели двое суток в их прелестной вилле, где все еще было полно дивования по поводу чудес, происходивших во время двухнедельного здесь пребывания сестры, ранее нашего приезда¹⁶²...

ХИ

Очень много тогда говорили тоже о внезапном, неожиданном появлении Елены Петровны, недели за три до нашего приезда в Париж, в Лондоне на митинге. Она еле двигалась тогда, еле переступала больными, опухшими ногами и положительно одна никуда не могла двинуться: не могла ни сойти или взойти на лестницу, ни сесть в экипаж без величайшего труда и сторонней помощи. Оллькот никак не мог один справиться в Лондоне, где вначале была неурядица и большие несогласия между членами общества. Митинги происходили там бурные; все требовали постоянно ее присутствия, но она не могла решиться, ожидая нас и боясь снова заболеть. Погода стояла дурная, холодная...

Вдруг в одно утро она исчезла, и никто не знал куда. Никому и в голову не приходило, чтоб ей вздумалось одной пуститься в путь, за Ламанш, на одни сутки. Но она действительно уехала одна с тем, чтобы на другой же день вернуться, никого не предупредив о своем намерении.

– Зачем же так рисковать? Отчего не взять с собой провожатого? Не телеграфировать, чтобы вас в Дувре встретили? – дивились все на ее странный, казалось, без нужды рискованный поступок.

Но она уверяла, что это было необходимо, что она предупредила много неприятностей, приехав на этот вечер прямо на митинг и разрешив многое своим вмешательством.

– Я была не одна! – утверждала она. – Одной бы мне ни в вагон, ни на пароход не влезть.

Но Оллькот и все уверяли, что не знают, кто мог ее провожать, и главное, кто мог ей указать адрес той улицы, той нанятой случайно залы, где они в тот вечер держали митинг?.. Очевидно было, что проводы и напутствие – все приписывалось «всесильным братьям»...

Доктор Китли, не тот, что с нами жил в Париже, а другой, двоюродный брат его¹⁶³, – тоже все ради теософии оставивший и все состояние свое отдавший на теософическую общину, – описывает¹⁶⁴ это посещение Блаватской Лондона так, будто это было чудесное доказательство ее ясновидящих способностей, что она «последовала внушениям своего ок[к]ультического инстинкта и благодаря только ему нашла и прямо явилась на митинг в дом, адреса которого не знала»... Другие же, присутствовавшие на митинге, положительно уверяли, что видели «рядом с ней вышедшего учителя»; что узнали его те, кто видал, но «не посмели подать и виду», а когда все заметили присутствие Блаватской и «гурьбой бросились к ней, чтобы посадить на почетное место, то его уж не было возле нее»...

Попад впервые тогда в среду этих не то фантазеров, не то полоумных, я помню, что была

«Стелла», «Урания», «Конец мира», «Люмен»; член Теософского общества, часто и продолжительно общался с Е.П.Блаватской.

¹⁵⁸ Леймари Пьер Гаэтан (1817–1910) – издатель журнала «Le Revue Spirite».

¹⁵⁹ Дюпоте Жюль Денис (Du Potet, 1796–1881) – французский магнетизер, писатель, автор трудов о лечении магнетизмом.

¹⁶⁰ Барро Каролина (1828–1888) – французская писательница, педагог, благотворительница, теософ.

¹⁶¹ Д'Адемар Гастон – издательница журнала «Revue Théosophique».

¹⁶² Подтверждение этих чудес самою графиней Адемар желающие могут найти в журнале «Lucifer», July, 1891 <«Люцифер», июль, 1891>. – Примечание В.П.Желиховской.

¹⁶³ Арчибальд Китли.

¹⁶⁴ «Lucifer», July, [1891], [p.] 362. – Примечание В.П.Желиховской.

совсем сбита с толку и даже будто под гнетом сознания чуждой, языческой, полуколдовской атмосферы. Это «язычество» удручало меня за сестру, сколько она ни уверяла, что я ошибаюсь: что она более чтит заветы Христа, чем многие христиане...

В успокоение мое она не раз принималась мне рассказывать, как ее *хозяин* (она упорно так называла его, хотя я ей много раз замечала, что это название русским народом определено *домовому*) почитает учение христианское и как чтит самого Христа высочайшим «Аватаром», воплощением Божества, – Учителем человечества и «Сыном Божиим», – конечно, не в том прямом смысле, как мы, а в более отвлеченном – образно.

Я спрашивала: как же и чем объяснить, – раз допустив существование этих, для нас невообразимых, полуволшебных созданий, – их внезапное желание поделиться со всем миром своею премудростью, столь ревностно ими донныне хранимую?

– А потому что пришла пора!.. Долее сохранять в тайне все, им известное, они сочли бы преступлением, недостатком любви к человечеству! – объяснила Елена Петровна. – Материализм псевдонауки, тысячи противуречивых сектанств, буква и обрядность, везде заменившие духовную, *умную* веру, как называли ее отцы церкви, – расшатали верования, подорвали основы истины и нравственности. В довершение хаоса явления из низших стадий мира невидимого вторглись чрез тысячи спиритских центров, окончательно сбивая человечество со здорового, прямого пути. Обезверившемуся Западу нужны *научные* данные, чтобы нравственно воспрянуть из грязного болота материализма, в котором его еще грозят затопить несколько не более чистые суеверия, распространяемые медиумами. Ну вот и даны ему основные знания эзотерической философии древних!.. Может быть хоть ими проймутся. «Изиду» я писала слишком спешно, слишком поверхностно! «*Secret Doctrine*»¹⁶⁵ будет поглубже и гораздо полнее и последовательнее.

Я выразила сомнение в том, чтобы достаточно были сильны и убедительны доводы, приводимые ею в старом и будущем ее сочинении, чтобы повлиять на убеждение людей, утративших все идеалы...

– On fait se qu'on peut¹⁶⁶! – пожалала она плечами. – Дурацкая «Армия Спасения» и та имеет влияние!

– Ну, а скажи, пожалуйста, по совести, правду: кто тебя провожал в Лондон? – настаивала я.

Она только засмеялась.

– Ну не все ли равно?.. Провожал добрый человек!

Этот разговор, еще несколько странных явлений, необъяснимых обыкновенными, естественными путями; многолюдный вечер – заседание теософов у m-me de Romar, где Елена Петровна говорила блистательно, да один вечер у графини де Барро, где Могини говорил о законе *кармы*¹⁶⁷ – праведном воздаянии судьбы каждому по заслугам его, – вот черты, выдающиеся в моей памяти из этого первого шестинедельного свидания моего с сестрой после ее нравственной метаморфозы. Из числа *странных* явлений (в свое время мною рассказанных печатно, за подписью других свидетелей) самыми выдающимися были *письма* в особых каких-то китайских конвертах и бумаге, отмеченных красными иероглифами, которые, *по свидетельству получавших их*, «сваливались неизвестно откуда».

Так полковник Оллькот показывал мне и другим подобное письмо, *упавшее на него в вагоне* по пути в Англию. Справедливость заставляет меня сказать, что в этом письме его предупреждали о воровской измене благодетельствованных ими мужа и жены Coulomb¹⁶⁸ в Адьяре; о том, что там идут предательские дела в собственных комнатах Е.П.Блаватской и что «это им грозит большими неприятностями впоследствии»¹⁶⁹. Тогда на это предупреждение мало обратили

¹⁶⁵ «Тайная Доктрина» (англ.).

¹⁶⁶ Делаем, что можем (фр.).

¹⁶⁷ Карма – закон высшей, непреложной справедливости; одно из основных понятий буддизма, а за ним и теософов, суть которого прекрасно выражается изречениями: «каждый сам кует свою судьбу» и «что посеешь – то пожнешь». – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹⁶⁸ Куломбов (англ.).

¹⁶⁹ В письме к Г.Олькотту от 5 апреля 1884 г. Учитель М. предупреждал его и Е.П.Блаватскую о заговоре Эммы и Алексиса Куломбов в Штаб-квартире Теософского общества в Адьяре (Индия): «Не удивляйтесь ничему, что вы можете услышать из Адьяра, и не расхолаживайтесь. Возможно, хотя мы стараемся предотвратить это в границах кармы, что вы будете иметь крупные домашние неприятности, через которые вам нужно пройти. Под своей крышей

внимания; но предсказание оправдалось вполне, когда месяца через два разразились последствия скверного дела экономки Кулон¹⁷⁰ и ее мужа, в отсутствие господ подкупленных, чтобы предать их лицам, подосланным поверенными Патерсона¹⁷¹, миссионера-иезуита, в самые комнаты оставленного на их попечение дома в Адияре, заранее все в них предательски подготовив¹⁷².

Скажу здесь сразу, чтобы покончить с этими письмами, что предо мною еще два заявления о таковых со всеми официальными засвидетельствованиями присутствовавших, а также и экспертов-каллиграфов, которым они даны были на рассмотрение в подтверждение их доподлинности. Это рассказ др. Гюббе-Шлейдена, издателя лейпцигского журнала «*Sphinx*», о письме Махатмы Кут-Хуми, найденного им возле себя при переезде из Лейпцига в Дрезден. В нем др. Гюббе-Шлейден нашел прямые и ясные ответы, как он сам пишет, на задававшиеся им полковнику Оллькоту (с которым он ехал) *именно в ту самую минуту* вопросы. Другое письмо было адресовано Густаву Гебгарду¹⁷³, хозяину дома, где два года спустя я снова гостила у Е.П.Блаватской. Вся семья Гебгард[ов] неоднократно мне рассказывала, как они раз вечером сидели со многими гостями в их большой гостиной, разговаривая об ок[к]ультизме и об «учителях», когда Елена Петровна заметила, что она чувствует *обычное присутствие их* и предложила всему обществу пожелать совершения какого-либо феномена и быть внимательными... Решили сразу, чтоб явилось *письмо* на имя хозяина дома, в котором находился

вы дали на годы приют предателю и врагу, а миссионеры более чем готовы извлечь выгоду из любого шага, к которому они могут ее [Эмму Куломб] принудить. Постоянный заговор в ходу. Она [Эмма Куломб] раздражена появлением м-ра Лейна Фокса и полномочиями, которые вы дали Контрольному Совету». (Письмо 18 // Письма Мастеров Мудрости (1870–1888). М., 1998. С. 57).

Е.П.Блаватская и Г.Олькотт уехали из Бомбея в Европу 20 февраля 1884 г. Днем ранее Г.Олькотт назначил Контрольный Совет. В него вошли Ф.Гартман, Сент-Джордж Лейн Фокс, У.Т.Браун, Т.Субба Роу и др.

Более подробное письмо о предательских действиях Куломбов было получено Ф.Гартманом от Учителя М. 26 апреля 1884 г.: «Эта женщина [Эмма Куломб] уже давно ведет переговоры, настоящий дипломатический диалог с противниками нашего дела – некоторыми падре. Она рассчитывает получить от них 2000 рупий за помощь в уничтожении или, по крайней мере, дискредитации Общества через дискредитацию его основателей. Отсюда и намеки на “потайные дверцы” и фокусы. Более того, когда *понадобится*, потайные дверцы, как это можно ожидать, действительно *найдутся*. Теперь только они раскручивают всю эту историю. Они могут входить куда захотят, так что весь дом – в их распоряжении.

“Месье” [Алексис Куломб] умен и мастерства ему не занимать – хороший механик и плотник, так что справиться со стенами ему ничего не стоит. *Помните об этом, вы, теософы*. Они ненавидят вас лютой ненавистью – ненавистью неудачников, завидующих чужому успеху, – Общество, Генри [Олькотта], Е.П.Б[лаватскую], теософов и само имя теософии и готовы выложить кругленькую сумму за уничтожение ненавистного им Общества...

...Более того, индийские и [езуиты] сговорились со своими собратьями в Лондоне и Париже.

...Все вышесказанное вы должны хранить в секрете, если хотите оказаться сильнее. Пусть она [Эмма Куломб] не подозревает о том, что вы все знаете: но послушайте моего совета, будьте осторожны. Действуйте, однако же, незамедлительно. М.» (Цирков Б.М. Франц Гартман // Дельфис, 2012, №2. С. 71–72).

¹⁷⁰ Куломб.

¹⁷¹ Паттерсон Джордж (Patterson) – шотландский священник, профессор истории Мадрасского христианского коллежа, главный редактор «The Madras Christian College Magazine». Именно Паттерсон в своей статье «Крах Кут-Хуми» (The Madras Christian College Magazine, 1884, сентябрь, октябрь) обвинил Е.П.Блаватскую в том, что она с помощью Куломбов фальсифицировала феномены, выдумала Махатму и подделывала их письма. В подтверждение этого он привел в статье подложные письма, якобы написанные Блаватской Куломбам, в которых она признавалась в своих махинациях.

¹⁷² На собрании Генерального совета Теософского общества 14 мая 1884 г. Куломбы были исключены из общества. Ф.Гартман выступил с обвинениями Куломбов по 10 пунктам в том, что они заявляли, что Теософское общество имеет целью свержение британского правления в Индии и что оккультные явления, происходящие в Штаб-квартире, были махинациями; что они вымогали деньги у членов общества, тратили впустую деньги общества, лгали, злословили, не повиновались приказам совета и т.д. 18 мая 1884 г. комитет в составе Ф.Гартмана, Дамодара и др. обнаружил в комнате Блаватской перестройки, сделанные Алексисом Куломбом с тем, чтобы подтвердить обвинения Блаватской в мошенничестве и фальсификации феноменов. 25 мая 1884 г. Куломбы покинули Штаб-квартиру Теософского общества в Адьяре. Более подробное освещение этих событий см.: *Hartmann F. Report of Observations Made during a Nine Months Stay at the ad quarters of The Theosophical Society at Adyar (Madras), India. – Madras: The Scottish Press, by Graves, Cookson and Co., 1884. – 60 p. (Гартман Ф. Отчет о наблюдениях, сделанных в течение девятимесячного пребывания в Штаб-квартире Теософского общества в Адьяре (Мадрас), Индия. – Мадрас: The Scottish Press, by Graves, Cookson and Co., 1884. – 60 с.)*

¹⁷³ Гебхард Густав (Gebhard, 1828–1900) – немецкий банкир, консул в Персии, владелец фабрики по производству шелка, теософ; Е.П.Блаватская дважды гостила в его имении в Эльберфельде.

бы ответ на вопросы, о которых только что рассуждали. Немедленно хозяйка дома, m-me Gebhard¹⁷⁴, и некоторые из ее гостей увидели необыкновенный свет на противоположной стене над большою картиной, висевшею над роялем, и на него оттуда свалилось письмо, обычного вида и формы. Один из сыновей хозяина дома, Рудольф¹⁷⁵, схватил его и, прочтя громко адрес своего отца «Herrn Consul G.Gebhard»¹⁷⁶, – передал его по принадлежности. И в этом письме Махатмы тоже оказались ответы, именно касавшиеся данной беседы маленького общества, собравшегося там.

В книге Синнета, где приведены эти заявления Гебхардов и Гюббе-Шлейдена со всеми документами, нахожу рядом письмо и нашей соотечественницы, Ольги Алексеевны Новиковой¹⁷⁷, о слуховом феномене, которому она была свидетельницей. Привожу его целиком.

Holloway's Hotel.
48 Dover Street, Piccadilly, London.
August 9¹⁷⁸. 1884.

«My dear mr. ***¹⁷⁹, я не нахожу решительно никакого затруднения рассказать вам о том, что случилось в моем присутствии несколько дней тому назад в доме mrs. Arundale¹⁸⁰, где я обедала с m-me Blavatsky.

Среди разговоров о различных предметах m-me Blavatsky вдруг умолкла, и мы все ясно услышали звук, который можно сравнить со звоном серебряного колокольчика. То же самое произошло еще раз, позже, в гостиной, возле столовой...

Я, разумеется, удивилась этому явлению, но еще более следующему. Я только что пропела русскую песню, ноты которой привезла в тот вечер с собою; она очень понравилась всем, а когда утих отзвук последнего аккорда в аккомпанементе, m-me Blavatsky сказала: “Слушайте!”... Подняла вверх руку, и все мы ясно услышали финальный, полный аккорд из пяти нот, повторенный посреди нас.

Я, конечно, не имею ни малейшей возможности давать этому какое бы то ни было объяснение, но факты были таковы, как я это заявляю.

(подписано) Ольга Новикова, рожденная Киреева».

Еще должна передать, в заключение, не предполагая более говорить об этом предмете, что впоследствии Е.П.Блаватская присылала мне много статей в различных журналах, *не* теософических, где существование этих обителей адептов современной *белой* магии и их собственное существование, а равно и ок[к]ультические знания их и силы, свидетельствовались как научные факты.

XIII

После отъезда нашего из Парижа в конце июня Елена Петровна, склонившись на

¹⁷⁴ Гебхард Мэри (1832–1892) – жена Г.Гебхарда, теософ.

¹⁷⁵ Гебхард Рудольф Эрнст (1857–1935) – сын Г.Гебхарда, член Теософского общества.

¹⁷⁶ «Господину консулу Г.Гебхарду» (*нем.*).

¹⁷⁷ Новикова Ольга Алексеевна (урожд. Киреева, 1840–1925) – писательница, публицист; с 1868 г. часто и продолжительно проживала в Англии, имела свой салон в Лондоне, который посещали многие видные британские интеллектуалы, религиозные и политические деятели, дипломаты и журналисты, активно печаталась в английской прессе, приобрела репутацию «русского агента» – негласной представительницы России перед английской публикой. Сохранились письма Е.П.Блаватской к О.А.Новиковой (1884–1891).

¹⁷⁸ 9 августа (*англ.*).

¹⁷⁹ Мой дорогой мистер *** (*англ.*).

Письмо адресовалось Ф.Майерсу (см.: Appendix XVI // First Report of the Committee of the Society for Psychical Research Appointed to Investigate the Evidence for Marvellous Phenomena Offered by certain Members of The Theosophical Society. London, 1884 <Приложение XVI // Первый Отчет Комитета Общества психических исследований, назначенного для расследования доказательств чудесных феноменов, представленных некоторыми членами Теософского общества. Лондон, 1884>).

¹⁸⁰ Арундейл Франческа (Arundale, 1847–1924) – член Теософского общества, писательница.

неотступные мольбы лондонских теософистов, поехала в Англию, где и пробыла до начала августа. Об ее прибытии прошел скоро слух, и там она была осаждаема посетителями, поклонниками и просто любопытными еще более, чем в Париже, хотя жившие с нею свидетельствуют, что все старания ее были обращены на устранение утренних посещений ради дела. Она работала от раннего утра до вечера над «*Тайною Доктриной*», выходя из своей комнаты лишь к семи часам, и после обеда уж отдавала себя на растерзание посетителей.

«Хотя ее осаждали сильно члены Психологического Общества и другие охотники собственно до феноменов, но они составляли лишь часть постоянно окружавшей нас толпы», – пишет хозяйка дома, где она гостила, мистрис Арэндэль¹⁸¹. – Многие множества серьезных умов, занятых глубокими соображениями, изучением философии, которые ей так хорошо были знакомы, приходили поучаться день за днем, привлеченные силой ума, ясностью изложений ее по всем вопросам, с которыми к ней обращались». Кто из друзей и учеников Е.П.Блаватской не помнит ее оригинальной, высокой, крупной фигуры, с детски добродушным, юмористически или ласково улыбающимся лицом, одетую в широкие складки своих вечных хламид, не сменяемых ни ради самого избранного общества; погруженную в спокойное кресло со своею непременно табачною корзинкой возле нее на столе и с постоянною сигареткой, которые она и себе, и гостям своим любила сама скручивать?.. Такою единодушно описывают ее все ее знавшие; такую поминает ее и мистрис Арэндэль, повествуя о времени, когда Блаватская у них гостила. С нею был слуга ее, Бабула, возведенный ею из париев в члены Теософического Общества. Он, обыкновенно одетый в свое национальное платье и тюрбан, торжественно вносил и ставил на стол *русский самовар*. Чашки чая ходили вокруг стола, а во главе его, окруженная штатом седовласых профессоров из Кэмбриджа и Оксфорда, писателями, докторами, духовными лицами, путешественниками, мужчинами и женщинами, собравшимися со всех концов света, чтобы видеть ее и слышать ее речи, сидела Елена Петровна, спокойно покуривая и будто шутя отвечая на глубокие ученые вопросы о законах, управляющих материей, о теориях космогонии и происхождения человечества...

– В те дни №77 Эльгин-Крессента¹⁸² (дом г-жи Арэндэль) был не таков, как бывал прежде, и никогда более таким не бывать ему! – горестно восклицает она¹⁸³.

В течение этого лета во время пребывания основателей Теософического Общества в Европе, как ранее было сказано, разыгрался в Адияре заговор, который до того измучил своими последствиями Елену Петровну, что она вновь заболела так тяжело, что едва не умерла. «И умерла бы *непременно*, если бы выздоровление ее зависело от обыкновенных докторов и лекарств!» – говорят единогласно все, окружавшие ее в то время. – Но *тогда*, не окончив своей миссии, не написав еще «*Тайной Доктрины*», ей умереть было *нельзя*! Она была задержана в отказывавшемся служить теле... В нем жизнь единственно поддерживалась волей, мощью ее необычайного духа, возбуждавшегося энергией *учителей*, вливавших в нее силы своего магнетизма каждый раз, когда являлась опасность».

Так загадочно пишут и говорят теософы... Но факты таковы, что она не знала покоя от физических и нравственных страданий, влиявших на нее так разрушительно, что одно время она решила отказаться от деятельности официальной, от своего звания Corresponding Secretary¹⁸⁴, которого формально держалась, будучи на деле *всем* в своем обществе: его душой, головой и правую рукой.

Взбрело ей на ум, что оно будет благополучнее процветать, если она, «ненавидимая *лично* множеством врагов, посрамляемая наветами Психического Общества, навлекающая на него напраслины и подозрения, – уйдет!...». Она серьезно писала о том своим близким; известила официально о своем намерении Олькота и Джеджа, уверяя их, что своим уходом она, предоставив деятельную власть им одним, – спасет их общее дело.

«Позвольте мне избавить вас от моей беспокойной, разрушающейся, навлекающей на вас одни нарекания и беды особы, – писала она им. – Удалившись от деятельной службы Обществу, я

¹⁸¹ Арундейл.

¹⁸² Эльгин-Крессента (англ. Elgin Crescent)

¹⁸³ «*Lucifer*», July, 1891. – Примечание В.П.Желховской.

¹⁸⁴ секретаря-корреспондента (англ.).

лучшую услугу ему сослужу: займусь “Доктриной” и скорее ее окончу!..»

Однако ее до этого не допустили: все теософическое братство, как один человек, восстало против ее замысла и не позволило ей его исполнить¹⁸⁵.

В начале ноября они отправились обратно в Индию через Суэцкий¹⁸⁶ канал. С Еленой Петровной поехали друзья ее – мистер и мистрис Купер-Оклей¹⁸⁷. Проездом они побывали в Египте. Спутники ее, описывая пребывание их в Каире, удивлялись ее глубоким и подробным знаниям местностей и связанных с ними исторических преданий.

«Известный египтолог Масперо¹⁸⁸ провел с нами целый день в Булакском музее; он был поражен ее знаниями! – рассказывает мистрис Купер-Оклей. – С величайшим интересом слушал он ее эзотерические объяснения значения сказаний о королях, мимо изображений которых мы проходили, ее указания различных степеней их посвящения в таинства религии Озириса и Изиды...»

Рассказывая о дальнейшем плавании, г-жа Купер-Оклей делает замечание, что ей стыдно было за своих соотечественников, так пошло и грубо большинство их вело себя на пароходе в отношении Е.П.Блаватской. Дело в том, что несколько «обличительных» статей фабрикации англо-индийских миссионеров против Теософического Общества и в особенности «обманов, фокусов и шарлатанства его основательницы» в брошюрах, нарочно разосланных этими представителями христианства на все пароходы А[нгло]-И[ндийской] К^о, ходили между пассажирами и возбуждали «в общем нерасположение и злорадство»... Исключений было мало... Зато, когда они высадились сначала в Коломбо, а потом в Мадрасе, восторженные встречи и приветы местных жителей вознаградили ее за незаслуженные оскорбления европейцев. На Цейлоне они пробыли два дня. Там их встретил президент Общества с некоторыми местными представителями ветвей и с первосвященником Сумангалой во главе. Они посетили храмы и несколько интересных мест в Коломбо, потом направились далее...

На мадрасском берегу туземцы всех классов, студенты и седобородые раджи устроили Блаватской такую овацию, что все их спутники и городские власти были поражены. Начать с того, что, завидев пароход, несколько лодок с музыкантами отплыли навстречу им и таким образом при громе духового оркестра и восторженных криках нескольких сот человек Елену Петровну усадили на разукрашенные цветами носилки и на руках снесли с палубы на пристань; оттуда «окруженную радостными темными лицами, улыбавшимися ей, теснившимися со всех сторон, чтобы поймать ее взгляд, пожать ей руку», ее принесли в какой-то «Racheappah's Hall» (вероятно гостиницу), рассказывает ее спутница¹⁸⁹, где тоже все было разукрашено цветами...

Там их буквально окутали гирляндами роз, опрыскали духами и розовой водой; а студенты мадрасской коллегии преподнесли Е.П.Блаватской адрес за подписью более 800 человек¹⁹⁰. В нем они приветствовали возвращение ее из Европы, свидетельствуя «свое бессилие передать ей в достаточно красноречивых словах сознание громадности своего долга ей, бесконечной, сердечной благодарности» за труды ее для возрождения Индии, для ознакомления Запада с ее философией и классической литературой.

После торжественного чтения адреса их проводили и усадили в открытую коляску, присланную одним раджей, членом Теософического Общества, и доставили в Адияр, где опять ожидала их торжественная встреча многочисленных представителей различных ветвей Теософического Общества, уже начавших съезжаться туда со всех стран света на обычную

---

¹⁸⁵ 27 сентября 1884 г.

¹⁸⁶ Суэцкий (англ. Suez).

¹⁸⁷ Купер-Оукли Альфред (Cooper-Oakley, 1853–1899) – магистр гуманитарных наук, окончил Кембриджский университет, присоединился к Теософскому обществу в 1884 г., в 1885–1887 гг. референт Г.Олкотта.

Купер-Оукли Изабель (1854–1914) – член Теософского общества с 1889 г., писательница, автор книги «Граф Сен-Жермен. Тайна королей».

¹⁸⁸ Масперо Гастон (1846–1916) – французский египтолог.

¹⁸⁹ «Lucifer», June, 1891. – *Примечание В.П.Желиховской.*

См. статью И.Купер-Оукли «В Каире и Мадрасе» в этом номере журнала.

¹⁹⁰ Подлинник этого восторженного адреса хранится в библиотеке Адияра, подписанный 320 студентами Мадрасской Христианской коллегии и 474 воспитанниками других высших учебных заведений в Индии. Копии разосланы всем теософическим центрам. – *Примечание В.П.Желиховской.*

ежегодную конвенцию.

Здесь вскоре выяснилось дерзкое коварство, жертвой которого сделалась добрая слава Е.П.Блаватской и столько потерпело ее здоровье.

Едва она вошла в свои комнаты верхнего этажа, где за долгое отсутствие позволила жить экономке Кулон, мужу которой поручила, в то же время, сделать некоторые поправки и деревянные работы в своей спальне и рабочем кабинете, так как он был столяр по ремеслу, как в изумлении начала призывать всех посмотреть, что за удивительные сооружения наделаны им. В кабинете оказались *потайные двери* в спальню, о которых она никогда не помышляла, а в стенном шкафу *двойное дно на шалнерах*¹⁹¹, но так грубо и неловко устроенное, что сейчас бросалось в глаза каждому. Оказалось, впрочем, что работы еще не были кончены, и ни шалнеры, ни раздвижные двери не действовали и действовать в таком виде не могли бы...

Вот что произошло.

Люди, в выгоды которых входило обезглавить Блаватскую и ее дело, заплатили экономке и мужу ее, чтоб они выдали, если что знают, какими способами она «морочит людей, показывая фокусы, которые называет *феноменами*, и заставляя появляться каких-то волшебных кудесников, выдуманных ею Махатм!». На первый раз они с негодованием отказались, уверяя, что никаких фокусов не знают. Но тут поднялись неприятности с заведовавшими во время отсутствия хозяев в Адияре лицами и экономкой, и в предвидении лишения места она переменяла тон: в ее распоряжении оказались старые письма Елены Петровны Блаватской, в которых говорилось о каких-то таинственных заговорах и приспособлениях, где была необходима помощь искусного столяра... За эти письма, подписанные именем Блаватской (*но которые ни ей и никому из знавших почерк ее и требовавших, чтоб им позволили взглянуть на них, не были никогда показаны*), миссионер Патерсон заплатил очень дорого, он сам этого не скрывал: сам рассказал об этом, нисколько не стыдясь. Это и были те улики, напечатанные почтенным иезуитом, рядом с заявлением, что Блаватская обокрала кассу общества, что она никогда не посмеет более вернуться в Индию и т.п. клеветами, которые взбудоражили общественное мнение и восстановили Майерса и все психическое общество против нее и ее дела. Когда об этих *письмах* узнали в Европе президент и Е.П.Блаватская, они немедленно потребовали следствия; в Адияре же заведовавший делами главной квартиры некто м-р Сент-Джордж Лэн Фокс¹⁹² (занимавший видный пост в англо-индийской администрации¹⁹³), прослышав, откуда взялись «обличительные» письма, напечатанные миссионерами, тотчас же приказал Кулон[ам] уходить. Но они оба еще промедлили несколько дней, и в это-то время столярные работы самого Coulomb, на необходимости окончить которых он настаивал, из простой перегородки и стенного шкафа и обратились в «*обличительные*» сооружения. Этим он рассчитывал подтвердить подложные письма своей жены...

«Каждый разумный человек мог сразу убедиться, что раздвижные двери и шкаф на шалнерах только что сделаны, совершенно нового дерева; до того нового, что были *неподвижны*, ненося ни малейших следов раздвижения и *не поддаваясь никаким усилиям* моим и мужа моего вместе, – пишет мистрис Купер-Оклей. – Если мы вдвоем не могли столкнуть с места потайной двери, что могла бы с ней поделаться m-me Blavatsky, если бы даже захотела ее употреблять?.. Тем не менее, m-r Hodgson¹⁹⁴ так желал “отличиться”, что не захотел обратить внимания на эти указания простого здравого смысла...»

М-р Ходжсон был очень юный следователь, присланный от психического общества для

¹⁹¹ Шалнер (*устар.*) – шарнир.

¹⁹² Лэйн Фокс-Питт Сент-Джордж Уильям (Lane Fox-Pitt Saint George William, 1856–1932) – английский инженер-электрик, изобретатель, теософ, член Общества психических исследований.

¹⁹³ Mr. St. George Lane Fox, бывший секретарь министерства по делам Индии, лично опровергнул наветы миссионеров и лондонского психического общества на Е.П.Блаватскую письмом в газ[ету] «Times» от 9 окт[ября] 1884 г. Там же и письмо самой Е.П.Блаватской. – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹⁹⁴ мистер Ходжсон (*англ.*).

Ходжсон Ричард (1855–1905) – британский преподаватель философии и литературы в Кембриджском университете, член Лондонского Общества психических исследований, подготовил клеветнический Отчет о Е.П.Блаватской и деятельности Теософского общества в Индии: SPR Report on Mme. Blavatsky & the Theosophical Society // Proceedings of the Society for Psychical Research, 1885, V. III, December <Отчет ОПИ о мадам Блаватской и Теософском обществе // Труды Общества психических исследований, 1885, т. III, декабрь>.

расследования дела по обвинению Блаватской в фокусах и обманах. Она и Оллькот сами просили о том... М-р Ходжсон нашел все англо-индийское общество вооруженным против Е.П.Блаватской по двум пунктам: 1) потому, что ее считали шпионом России, и 2) потому, что она была явную сторонницею туземцев-индусов против англичан, защищая печатно первых всегда, когда считала их обиженными, мужественно заявляя свои убеждения. Понятно, что положение светского юноши, которому очень хотелось ладить с высшим британским обществом и властями, было весьма в этом деле затруднительно; а ряд празднеств и обедов, в который он попал и где постоянно слышал одни наветы и насмешки над m-me Blavatsky, никак не могли подействовать для него благотворно?!

Такими мягкими осуждениями мистрис Оклея старается выгородить своего соотечественника; но по нашему разумению, уж один факт, ею заявляемый, *что никакие просьбы не могли подвинуть* этого «неподкупного следователя» *показать* Блаватской или друзьям ее *письма, проданные m-me Coulomb миссионеру Патерсону*, служит очень веским доказательством его предвзятой недобросовестности. Впрочем, и мистрис Куп[ер]-Оклея сознается, что «никто, не бывший на месте с m-me Blavatsky, и представить себе не может, до чего скандальна была несправедливость к ней англо-индийского общества!».

Разумеется, последствием всех этих волнений была новая сильная болезнь Елены Петровны¹⁹⁵. Три недели она боролась с одолевавшим ее недугом и, наконец, слегла в состоянии полного бессилия. Сердце еле билось, болезненные припадки учащались каждый раз, оставляя ее в более и более безнадежном состоянии... Наконец, мадрасские доктора объявили, что надежды нет никакой, что вопрос в нескольких днях страданий.

Но мистрис Оклея пишет, что почему-то не могла этому верить! Что, хотя полк[овника] Оллькота не было в Адьяре, он должен был выехать вскоре по возвращении из Европы в Бурму¹⁹⁶ и ничего не знал об опасности, в которой была Е.П.Блаватская¹⁹⁷, при которой единственным ответственным лицом оставалась эта дама.

«Ужасно тоскливы были дни и в особенности ночи, которые мне одной пришлось проводить над больной, но таково было ее успокоительно влияние (?) даже в болезни, что я нимало ничего не боялась, уверенная, что хотя она лежит недвижима, но что опасности нет. Даже в последнюю ночь, когда доктор заявил, что она более в себя не придет; когда она уже несколько часов была в полном беспамятстве, и я, говоря по-человечески, должна была сознавать, что все кончено, я не переставала надеяться!.. Никогда не забуду этой ночи, но *не могу* входить в подробности... Одно скажу: в восемь часов утра Н.Р.В. открыла глаза и совершенно спокойно, голосом, которого мы много дней у нее не слышали, попросила позавтракать... Когда приехал доктор, я вышла ему навстречу: изумление его было велико!.. Н.Р.В. встретила его словами: “Ах! Доктор, вы не верите нашим великим учителям”. С этого дня она стала быстро оправляться, а врачи (отменив смертный приговор) начали усиленно посылать ее в Европу... Но я за ней уж не могла тотчас ехать; все эти волнения осилили меня, я сама с ног свалилась!»

Мр-с Купер-Оклея кончает свой рассказ, как оканчиваются все статьи, писанные о Елене Петровне после смерти ее, хвалебным ей словом; поминая ее доброту к самым заклятым врагам ее, ласковую простоту ее обхождения, она обращает внимание на одну исключительную черту, замечавшуюся, впрочем, многими:

«Говорят, будто бы фамильярность порождает небрежение; но замечательно, что с ней чем ближе и интимнее мы сходились, чем неразлучней становились в повседневной жизни, тем большее уважение мы к ней чувствовали, тем глубже научались почитать ее!.. Удивительная, таинственная демаркационная черта всегда ее окружала, ограждая внутреннюю, духовную жизнь ее от внешнего, обыденного существования...»

XIV

¹⁹⁵ В январе-марте 1885 г.

¹⁹⁶ Бирму (англ. Burma).

¹⁹⁷ Г.Олькотт вернулся в Адьяр из Бирмы 5 февраля 1885 г.

Едва оправившись от тяжкого недуга, Блаватская тотчас же потребовала законного расследования этого вопиющего заговора и обвинения, основанного на подкупе слуг, на подложных письмах, которых ни ей, никому из ее поверенных не хотели показать, и на устройстве ловушек... Но на нее поднялся весь ареопаг, съехавшийся на конвенцию, и не допустили ее до суда.

«Мне пришлось заявить, что я тотчас же оставляю общество и выйду в отставку, чтоб удержать ее от процесса! – рассказывает Олькотт¹⁹⁸. – Но комитет, составленный из опытных законников (членов теософической конвенции), единогласно решил, *что в этом случае обращаться к закону – безумие!*.. Во-первых, потому, что *никогда присяжные в англо-индийском суде не разрешат в пользу туземцев дела*, в которых замешаны вопросы о восточных верованиях, о существовании недостижимых для судей и адвокатов Радж-йогов; а во-вторых, потому, что каково бы ни было решение их – оно не изменит мнений о ней ее врагов и друзей: первые оправданию ее не поверят, вторые – в нем не нуждаются, зная истинную силу ее духовных даров. А между тем судебное разбирательство, касаясь столь священных для них (туземцев) предметов, наверное, оскорбит их чувство и может иметь плачевные последствия... Я ей напомнил, что мы принадлежим не себе, а делу и своему обществу, и она должна была покориться необходимости! – заявляет представитель теософического братства в своих воспоминаниях о многострадальных физических и нравственных последних лет жизни Е.П.Блаватской. – Она так волновалась грубыми клеветами, взводимыми на нее, несправедливостью и неблагодарностью людскими, часто ее поражавшими, проявляясь в людях, которых она считала друзьями самыми преданными, что не будь даже у нее хронического расстройства сердца, она под влиянием таких непрерывных тревог могла бы умереть; а тут еще этот убийственный климат Индии, удесятеривший опасность... Консилиум докторов определил, что только немедленное переселение в более умеренные страны, куда-либо в Южную Европу, может спасти ее от немедленной смерти.

И вот, когда Е.П.Блаватскую перенесли на носилках и в бесчувствии подняли на пароход¹⁹⁹, – господи Патерсон-Ходжсон и К^о сочли благоприятным пустить вслед ей, умирающей, еще одну клевету: сочинили, что она, *обокрав кассу общества*, убежала в Европу, испугавшись преследования полиции и тюрьмы вследствие того, что *открылось достоверно, что она агент и шпион на жаловании у русского правительства (!?!).*...»

И во главе этой нелепой лжи в нехристианской стороне, которую они старались *просветить*, стояли гг. миссионеры, – да будет им стыдно вдвойне!..

Горькие письма писала в то время в промежутки тяжких страданий Блаватская родным своим и знакомым из Неаполя раннею весной²⁰⁰, а позже из Вюрцбурга в Германии, куда переселилась на довольно долгое время.

С первой же минуты ее вторичного появления в Европе на нее вновь посыпались приглашения; но она хотела уединения, тихой жизни; хотела заняться новым делом, писать новую книгу, для которой *была оставлена еще на время*, – так она была уверена.

«...Я больше добра могу сделать, оставаясь в тени, чем опять выдвигаясь на аван-посты²⁰¹ движения! – писала она Синнету, звавшему ее в Лондон. – Позвольте мне прятаться в неведомых уголках и писать, писать, писать, – учить всех, кто пожелает учиться... Уж если *он заставил меня вновь ожить*, дайте хоть относительное спокойствие... Очевидно, *он* находит, что я еще должна работать для теософического общества... Но представьте только отвратительную клевету *Журнала Христианской Коллегии!* Обвинять *меня* – в воровстве! Я – обокрала общество?! Я – десять лет работавшая на него, отдавшая ему не только все свои заработки, но и самую жизнь! Я – принужденная оставить Индию нищей, зависящей от милостыни “*Теософиста*”, моего собственного журнала, основанного и созданного на мои деньги! Я – “продажная обманщица”, я – лгуныя наживы ради, когда все, что получала я из России и из Америки (за “*Изиду*”) я отдавала делу, не считая даже свою плату за мои русские статьи...»

¹⁹⁸ «Н.Р.В[kavatsky]’s Death». «The Theosophist», July, [1891]. – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹⁹⁹ 31 марта 1885 г.

²⁰⁰ 1885 года.

²⁰¹ аванпосты (*фр.* avant-poste).

В начале декабря графиня Вахтмейстер²⁰², жившая с Е.П.Блаватской в Вюрцбурге, писала Синнету: «Я считаю себя чрезвычайно счастливою, что мне позволено быть свидетельницей изумительного способа, которым пишется это сочинение («Secret Doctrine»)). В то же время она писала и мне, прося моего содействия для книги, которую Синнетт тогда готовился писать о жизни сестры моей.

Письма графини Вахтмейстер, где она описывает неустанные занятия Елены Петровны над новым ее сочинением, ее самоотвержение и преданность делу, *которое она, Елена Петровна, как и все они, считают истиной и благом человечества*; где графиня свидетельствует также свое личное, *совершенно не зависимое общение с Махатмами*, – у меня хранятся, так как в них же она дает мне полное право пользоваться ими для печати. Впрочем, в июньском «*Люцифере*»²⁰³ есть ее статья об этом времени под заглавием «*At Wurzburg and Ostende*»²⁰⁴, в которой она указывает на факты.

«Каждое утро она вставала в шесть часов (пишет графиня об Е.П.Блаватской) и добрый час работала до утреннего завтрака, за которым до восьми читала письма и газеты, и снова садилась за письменный стол. Тут она иногда призывала меня, говоря, что указания на различные книги и рукописи даны ей “хозяйном” с обозначением глав и страниц для точных ссылок в ее сочинении, но что так как она читает их в астральном свете, запечатленными *наоборот*, то очень боится перепутать цифры, а потому и просит, чтоб я написала различным друзьям, чтоб они проверяли их в разных публичных библиотеках. И это опасение раза два оправдалось, например: ее ссылка на страницу двадцать третью оказывалась подтвержденною на странице тридцать второй и т.д. Обед ей подавали между часом и двумя, сообразуясь с возможностью ей оторваться от работы, за которую она принималась тотчас же после обеда и продолжала до шести вечера, когда подавался чай. По вечерам она развлекалась, раскладывая свои всегдашние пасьянсы, а я читала ей письма или что-нибудь из журналов, что считала для нее интересным. Около десяти часов Н.Р.В. уходила, ложилась, в постели читая русские газеты и книги до полночи, после чего тушила огонь и успокаивалась до раннего утра. И так день за днем... Порядок нашей жизни лишь нарушался, когда какой-нибудь злой человек присылал злорадный пасквиль вроде донесения Ходжсона. Тогда подымалась буря волнений и негодования, смущавшая жизнь нашу на несколько дней...

Раз вечером Н.Р.В. сказал мне:

– Вы не можете себе представить, как тяжело чувствовать множество противных течений, недобрых мыслей, против вас направленных! Точно будто вас колют тысячи игл!.. Я постоянно должна (силой воли) воздвигать вокруг себя стену для ограждения от этих токов.

Я спрашивала ее, знает ли она, откуда шли эти недружелюбные помыслы, и она отвечала:

– К несчастью – да! Я стараюсь не видеть и не знать, но это трудно.

И в доказательство она часто заранее говорила мне, кто что о ней пишет, цитируя целые фразы и пассажи, которые я впоследствии целиком находила в получаемых мною письмах.

Все, кто знали, как я, Н.Р.В., знают, до чего она была достойна любви; какое очарование доброты, ласки, веселости, остроумия разливалось от ее детски-веселого, порой, лица!»

Графиня Вахтмейстер говорит, что никогда она не видала, чтоб Елена Петровна относилась безразлично к людям: для каждого человека у нее была особая манера, хотя всегда ласковая, но прямо бившая на слабые стороны данного лица, которые ей, очевидно, были известны. Эти слабости в общении с ней выступали так, чтобы становиться более заметными и ему самому. Таким образом, каждому она давала возможность лучше познать самого себя и пользоваться ее практическим способом учить ближних самоусовершенствованию... Разумеется, «многим этот способ исправления был не по вкусу и многие оставляли ее; но те, которых тщеславие выдерживало искуc, оставаясь ей верными, скоро начинали замечать в себе развивающийся внутренний рост, – *единый верный путь к познанию ок[к]ультизма*... Вернее и преданнее друга

---

²⁰² Бывшая фрейлина нашей императрицы при датском дворе, вдова министра иностранных дел в Стокгольме. Она отдала всю жизнь свою и все состояние делу теософии, была неразлучна с Е.П.Блаватской и постоянно, и ныне работает в лондонской конторе Теософического Общества в Сити (7 Duke Street), заведывая ею. – *Примечание В.П.Желиховской.*

²⁰³ За 1891 год.

²⁰⁴ «В Вюрцбурге и Остенде» (англ.).

нельзя было найти! Я считаю величайшим благом своей жизни время, проведенное в такой близости к Н.Р.В. и по смерти буду работать, стараясь распространять благородное дело, которому она пожертвовала жизнью и за которое столько страдала!»

О феноменах, которые, заявляет она, «случались ежедневно», – графиня рассказывать не хочет, ибо они казались ей *обычными явлениями жизни*, так она привыкла к их проявлениям, живя под одним кровом с Еленой Петровной.

Здесь я должна обратить внимание тех, кто пожелал бы ближе познакомиться с делом, на замечательно веские письма графини Вахтмейстер и доктора Гартмана в книге Синнета о Е.П.Блаватской (стр[аницы] 317–321). Графиня в своем письме кается искренно в сильнейших предубеждениях своих против Блаватской, которую до пребывания в Вюрцбурге она очень мало знала и «не поехала бы за ней ухаживать в болезни, если бы не считала себя все же обязанною быть ей признательною за то, что чрез сочинения ее познакомилась с теософическим учением. Но проведя с ней несколько месяцев не только под одним кровом, но почти в одной комнате, днем и ночью имея доступ к ней, ко всем ее вещам, письмам и малейшим подробностям жизни; видя *постоянно проявлявшиеся доказательства особых сил, ей присущих*, для которых нет на языке человечества другого определения, как «чудо» или «феномен», – она винится и открыто, искренно заявляет, что *стыдится самой себя*, своих прежних подозрений. Она убедилась, что Блаватская – «честная, правдивая, преданная делу, даже до смерти, женщина, оскорбляемая и оклеветанная поверхностными профанами... Она несчастная – судя по житейскому; но с высшей точки зрения она необыкновенно счастлива, благодаря своим глубоким знаниям и необычайно развитым духовным дарам, которых не могут отнять у нее никакие враги, завистники или невежды»...

XV

Летом 1886 года я снова навестила сестру в Германии, в Эльберфельде, где она гостила у друзей своих Гебгардов. Она собственно ехала лечиться морскими ваннами в Остенде, но была задержана на два месяца в пути вывихом ноги, уложившим ее на несколько недель неподвижно. Она, как всегда, была окружена множеством лиц, приезжавших со специальною целью видеть ее, кто – вновь познакомится, кто – возобновить старую дружбу; но здесь у нее было, казалось, гораздо более добрых друзей, расположенных лично к ней безо всяких скрытых целей и расчетов. Вначале Елена Петровна не могла ничем заниматься; но когда ей стало лучше, то время проходило очень занимательно в оживленных беседах на террасе или в саду, а иногда в чтении приготовительных материалов для «*Тайной Доктрины*». Тогда обыкновенно все, желавшие слушать, переходили в отдельную «восточную» комнату, так названную по ее убранству. Во время этих чтений, которым благоговейно внимали разные ученые, меня поражали две особенности, а именно: удивительная образность и подробность описаний, в которые устно входила Елена Петровна, вдаваясь в разъяснения по разным вопросам, ей предлагаемым специалистами, и полнейшее неумение ее строго держаться научных доказательств и формул. Она рассказывала увлекательно, но едва доходило дело до каких-нибудь математических данных, то она очень часто сама не умела прочесть ею же написанных алгебраических или геометрических выводов... Возле нее обыкновенно сидел профессор Стокгольмского университета Берген или кто другой из представителей присяжной науки и помогали ей формулировать выкладки, всегда верные, но в которых она при чтении путалась и справиться устно не умела...

Когда я, оставаясь наедине с ней, дивилась этому: «Как же-де ты сама высчитала и написала, а прочесть не умеешь?!» – сестра мне всегда отвечала со смехом:

– Да откуда ж мне задачи высшей математики знать, матушка моя?.. Это твои дочери, *bas bleus*²⁰⁵, всё в нынешних премудрых женских гимназиях проходили. А мы с тобой, сама знаешь, рядом учились! Едва четыре правила одолели.

– Да как же ты писала об этом, если сама не знаешь?!

– Ну, вот! Мало о чем я пишу, чего прежде и во сне не видала!.. Не я пишу, – а я только с

---

²⁰⁵ синие чулки (*фр.*) – название женщин-интеллектуалок, всецело поглощенных научными, литературными и тому подобными интересами.

готового списываю... Хотя ты никогда мне не верила, а вот тебе и еще доказательство, что я только орудие, а не мастер.

– Но описываешь ты мастерски!.. Будто все это сама видела, сама везде была.

– Бывать не бывала, а видеть – видала! Постоянно вижу, когда пишу то, что описываю.

Таковы всегда были ее неизменные ответы.

В конце июля мы переселились в Остенде, где я скоро оставила Елену Петровну, окруженную наехавшими из Англии, Швеции и Франции друзьями. Раньше всех приехал Синнет с кипой корректурных листов печатавшейся книги его «*Incidents in the life of m-me Blavatsky*». В том, что в ней приписывалось сведениям, от меня полученным, я нашла некоторые неточности, которые исправила, но, к удивлению моему, эта корректура не пошла впрок, так что я не могу в книге признать очень многого из того, что *будто бы* я сама рассказывала... В особенности касательно детства сестры моей. Остальные же лица, на которых Синнет ссылается, сколько я знаю, признают все ссылки его вполне верными²⁰⁶.

Е.П.Блаватская оставалась в Остенде до весны 1887 года. Хотя одну ее никогда не оставляли, но когда в октябре²⁰⁷ приехала к ней вновь графиня Вахтмейстер, мы стали спокойней, зная, что никто, в случае осложнения болезни, которые вообще ее не оставляли, не присмотрит за нею, как она.

И правы мы были! К концу зимы она захватила бронхит и хроническая болезнь почек – милое наследие Индии – до того ухудшилась, что бельгийские доктора объявили ее безнадежно... Пусть она сама за себя расскажет все дело, болезнь свою и спасение.

«Милая ты моя, не бойся, – еще раз надула я *курносую*²⁰⁸: выходили меня!.. Удивительные казусы со мной все творятся. Ты пишешь: “Можно ли быть такою неосторожною!” – Да разве же я по неосторожности простудилась?.. С кресла не вставала, из комнаты не выходила, как прикованная сидя над своею *Доктриной*; всем работы с нею задала: и графине, и доктору Китлею, двоюродному брату того, что ты в Париже видала; он приехал из Лондона депутатом, звал меня к ним туда, – а я его за работу!.. Видишь ли, дней за десять до болезни стало Лондонское общество усиленно меня призывать: нужна-де я им! Без меня ничего не поделают, учиться ок[к]ультизму хотят, а потому сторают желанием лишить Остенде моего благотворного присутствия... Прежде все вороха писем умоляющих получала и отмалчивалась... Ну-де, вас, совсем! думала. – Дайте вы мне покойно книгу свою писать. Не тут-то было: депутацию прислали! Keightley уверяет: “И дом чудесный в саду наняли, и все приготовили, и на руках вас на место доставим – только согласитесь!” Я, было, и решилась. Графиня уж укладываться начала, хотела меня упаковать, съездить в Швецию, продать там свое имение, чтобы жить при мне неотлучно, и вдруг я свалилась!.. Такая, видно, моя *планида*!.. Да еще какой тут *пассаж* вышел. 27 марта назначено было нам выехать, а 17 я ни с того, ни с сего, сидя в кресле после обеда, заснула. Ты же знаешь, что со мной никогда этого не бывало!.. Заснула я крепко и вдруг говорю ей, как она рассказывает, я-то ничего не помню совершенно:

“Хозяин говорит – вы не должны ехать, потому что я буду смертельно больна...” Она как закричит: “Что вы говорите?!” Я проснулась и тоже кричу в удивлении: “Чего вы кричите? Что случилось?!” Tableau²⁰⁹!.. Дня через два мы, было, и забыли об этом, как получаю я еще одно письмо из Лондона от некоего члена, которого я и в глаза не видала, Easton Ellis²¹⁰ – доктор при Вестминстерской больнице, мистик, вагнерист, великий музыкант, еще молодой человек... Тоже умоляет меня не переезжать на том, вишь, основании, что *видал меня перед собой*, – по портретам, говорит, узнал... Стою я, говорит, через стол его, на котором он писал, и смотрю на него... Мы с Constance²¹¹ (графиней) еще смеялись над его восторженными уверениями: “My life seems

²⁰⁶ Особенно на страницах от 30 до 52 много небывальщины; насколько я знаю, в детстве никогда сестра не поминала ни о реинкарнации, ни об «учителях», ни о чем подобном. – *Примечание В.П.Желиховской.*

²⁰⁷ 1886 года.

²⁰⁸ Курносая (*разг.*) – смерть.

²⁰⁹ Ну и зрелище (*англ.*).

²¹⁰ Эллис Уильям Эштон (1852–1919) – английский врач, вагнерист, писатель.

²¹¹ Констанс (*англ.*).

strangely linked with yours²¹²!.. Моя жизнь связана, пишет, с вами и Теософическим Обществом. Я знаю, – *я скоро должен вас увидеть!*..” Посмеялись и об этом забыли... Тут я горло простудила, сама не понимаю как, а потом – еще хуже! Как слегла я да на пятый день остендские доктора объявили, что надежды нет, потому что началось отравление крови от бездействия почек, а я все дремала, да так и должна была заснуть навеки в этой дремоте, – графиня и вспомнила, что ведь этот Аштон Эллис – доктор известный. И телеграфировала ему, прося прислать хорошего специалиста.

Вдруг этот, доселе чужой человек, телеграфирует: “Еду сам, прибуду ночью”. – Я, как во сне, еле помню, что кто-то в самом деле ночью пришел, взял мою руку, поцеловал ее, давал мне что-то глотать; присел на кровати и начал массировать мне спину. Представь себе, что этот человек три ночи и три дня не ложился и каждый час растирал меня и массажировал...»

Далее Елена Петровна рассказывает, как она слышала говор присутствовавших о том, что если умрет она, не подписав своей воли, то без завещания не позволят сжечь ее тела...

«Тут проснулось во мне сознание всего ужаса быть похороненною, лежать здесь с католиками, а не в Адияре... Я позвала их и говорю: “Скорей, скорей нотариуса!”, и, поверишь ли, – *встала!*.. Артур Гебарт²¹³, только что вернувшийся из Америки и приехавший с матерью, прослышав о моей болезни, побежал, привез нотариуса и американского консула; а у меня – откуда силы взялись? – Сама диктовала и подписала завещание... Покончив, чувствую – не могу больше! Опять в постель и говорю себе: “Теперь – до свидания! Помирать буду!..” Но Easton тут из себя вышел: целую ту ночь он опять меня массажировал и поил какою-то дрянью. Но я уж видела, что у меня тело сделалось серым и в сине-желтых темных пятнах и, впадая в беспамятство, только с вами мысленно прощалась...»

Массаж, однако, подействовал; проспав целые сутки, Елена Петровна проснулась вне опасности. Рассказывая впоследствии об уходе за ней этих «посторонних людей» – графини, m-me Gebhard и в особенности совсем незнакомого, светского, модного доктора, поплатившегося сильно своею службой за то, что самовольно, без отпуска, уехал в ту же минуту, как получил телеграмму, – вспоминая их «неустанные, самоотверженные услуги, заботы их, усталость и тревоги ради спасения нескольких лет, быть может, нескольких месяцев жизни чужой им старухи», сестра мне далее пишет:

«... Не знаю, что и думать! Что я им?.. За что графиня так привязана ко мне, что готова жизнь отдать для меня? Что я такое для Эллиса, никогда меня не выдавшего, чтоб он, не задумываясь, рискнул, без позволения, бросить для меня госпиталь на *семь* дней; теперь потерял место с прекрасным содержанием и квартирой при Westminster Dispensary²¹⁴, съездил туда, вернулся и смеется: совсем, говорит, не жалеет! Больше времени будет для теософии работать с одною практикой... Ну, что это значит? Что им во мне?.. Что за судьба моя так влиять на судьбу других людей?.. Я тебе говорю серьезно: *мне страшно!*.. Я перестаю понимать причины и теряюсь! Знаю только одно: я вызвала какую-то неведомую силу, которая связывает судьбы людей с моею судьбой и моею жизнью... Знаю также, к своему счастью, что многие между преданными мне людьми считают меня своею спасительницей. Многие были бессердечными эгоистами, материалистами безверными, светскими, легкомысленными сластолюбцами и превратились в серьезных, работающих без усталости людей, всем пожертвовали делу: положением, временем, достоянием и только об одном помышляют: о своем духовном и умственном развитии. Они поделались какими-то жертвами искупления, живут только для блага других; во мне видят свое спасение и просвещение, а я что?.. Я сама та же... что и была. По крайней мере, в отношении их, право!.. Я готова отдать последнюю каплю крови за теософическое дело, но теософов – почти никого не люблю!.. Не могу я лично никого любить, – кроме вас, родных моих... Что я за слепое орудие в руках – надо правду сказать – того, кого я зову *он, Master?*.. Не знаю! *Не знаю!* И *не знаю!*.. Для меня, как и для всех, феноменальное возникновение, по *моей* инициативе, нашего общества; его рост не по дням, а по часам; его несокрушимость ни под какими ударами врагов –

²¹² Моя жизнь кажется странно связанной с вашей (англ.).

²¹³ Гебхард Артур (1855–1844) – сын Г.Гебхарда, член Теософского общества.

²¹⁴ Вестминстерском диспансере (англ.).

неразгаданная загадка! Не знаю, какова тому логическая причина, но вижу, знаю, что ему, теософическому обществу, суждено иметь мировое значение. Оно станет мировым событием!.. В нем заключается нравственная и психическая сила, под давлением которой оно, как девятый вал, зальет, сметет и затопит с берегов все то, что меньшие волны человеческого мышления выкинули на них чуждых осадков, обрывков систем и философий. Я – слепой его двигатель, но в нем – зрячая, великая сила!»

«Великая сила» эта, вероятно, поддержала и в сей раз столько раз уже спасенное ею от окончательного крушения тело, из которого сотворила себе орудие. В бельгийском медицинском журнале появилась статья о редком, почти небывалом случае выздоровления Е.П.Блаватской. Передо мной статья д-ра медицины А.Китлея, подтверждающая то же. Он сам через месяц вернулся в Остенде, чтобы перевезти чрез Ламанш Елену Петровну на пароходе и с парохода ее, разумеется, перенесли на носилках, но, в общем, она довольно благополучно достигла Англии, где и прошли последние четыре года ее кипучей, необыкновенной деятельности.

XVI

«Ну, вот я и в Альбионских туманах поселена! – писала она мне на первых порах. – Именно поселена, а не сама поселилась! Перетащили меня мои адмираторы²¹⁵, – чуть не на кровати все время везли и на руках переносили. Далась я им!.. Решили, что без меня и дороги в Царство Небесное не найдут: прислали депутацию с петицией в 72 имени теософов, твердо решившихся лишиться бедное Остенде моего “облагораживающего” присутствия и “благодетельных магнетических токов”, – excusez du реу²¹⁶!.. Я ли на них не ворчу? Не гоню от себя, не запираюсь от этих мистических вампиров, высасывающих из меня все силы духовные, – нет! льнут, как мухи к меду! “Восчувствовали мы, говорят, дух святости и духовного усовершенствования в вашей атмосфере. Вы одни можете просветить нас и оживить впадающее в спячку и бездействие лондонское общество!” Ну вот, я приехала и поддала жару, – пусть не пеняют... Я сижу у стола и пишу, а они все у меня ходенем ходят и под мои песенки пляшут. Вчера был митинг, сформировали новую ветвь теософического общества и, вообрази, назвали единодушно – Blavatsky Lodge of the T[heosophical] S[ociety]²¹⁷!!.

Это уж прямо в глаз, а не в бровь психическому обществу – знай наших!.. Основываем свой журнал, *Lucifer*. Ты не пугайся: это не черт, в которого переврали католики это священное всему миру название звезды утренней – “носителя света”, по латыни, *Eosphoros*²¹⁸, как часто называли Римляне Божью Матерь и Христа. Да и сам Иисус в Откровении св. Иоанна разве не называет себя – я, Иисус, звезда утренняя (XXII, ст. 16)? Хоть бы этим вразумились!.. Быть может до падения мятежного ангела и звали Люцифером, но по его превращению его нельзя так называть... Дела у меня – страх!.. Из Парижа пишут: там общество разделилось. Не хотят признавать ту ветвь, где президентом lady Caithnes, герцогиня Помар; а требуют тоже моего представительства, как и здешние, ведь также Синнета не захотели, а чтоб я была... Разорвись я для них! Изображай вездесущего генерала Бута²¹⁹, с его армией спасения!.. Благодарю покорно, и тоже новый журнал *le Lotus*²²⁰ затевают и как я наотрез отказалась от редакторства, так посмотри на заглавие, – посылаю тебе проект, – *Sous l'inspiration de M-me H.P.Blavatsky*²²¹. Как тебе нравится? Как это я буду их инспирировать?.. Электрические токи буду посылать на Габорио²²², его издателя, и сотрудников, что ли?.. Твоя сестра в моду, очевидно, и в Европе входит: смотри посвящение книги

²¹⁵ поклонники (фр. admirateur).

²¹⁶ вот это да (фр.).

²¹⁷ Ложа Блаватской Т[еософского] О[бщества] (англ.).

²¹⁸ Люцифер (греч.).

²¹⁹ Бут Уильям (1829–1912) – английский проповедник, основатель Армии спасения и ее первый генерал.

²²⁰ Впоследствии, когда парижский журнал «*Lotus*» перешел под другую редакцию под заглавием «*Le Lotus Bleu*», его издатель-таки вытребовал право поставить имя *H.P.Blavatsky* как *rédacteur en chef* <главного редактора, фр.>. – Примечание В.П.Желиховской.

²²¹ вдохновляемый мадам Блаватской (фр.).

²²² Габорио Феликс (1861–1911) – французский писатель, переводчик, редактор журнала «*Le Lotus*».

Гартмана “моему гению”²²³. И как я всюду поспею? – журналы, уроки ок[к]ультизма, “Доктрина”, которой еще и первая часть не готова, – сама не знаю!»

Позже, осенью 1887 года, когда «Lucifer» обратил внимание прессы, а контора в City, и своя типография, Theosophical Publishing Co²²⁴, и еженедельные брошюры под общим названием *T.P.S.* (Theosophical Published Siftings)²²⁵ были в полном ходу и шли уже толки о сформировании особой эзотерической (отвлеченной или тайной) секции, собственно для мистических занятий Елене Петровне с некоторыми избранными (для изучения ок[к]ультизма), на Теософическое Общество снова, было, поднялись гонения, но они уж были бессильны.

Елена Петровна мне тогда писала:

«Здесь составилось целое общество католического духовенства и *High Church*²²⁶ фанатиков против твоей сестры. Было уж три митинга... В первом они доказывали, что я – ни много, ни мало – сам черт в юбке; но мои теософы восстали и протестовали, попросив право голоса там же, на месте, и отлично доказали, что сами они иезуиты и нехристи, поклонники Ваала и Маммоны²²⁷. Во втором поднята была старая канитель: она-де шпионка, агент русского правительства и опасна для британских интересов... Тут поднялись Lane Fox, Sinnett и Sir W.Grove²²⁸ и превосходно убедили публику, что боящиеся моего русофильства противники теософии – ближайшие родственники Валаамовой ослицы, но несколько тупей ее, ибо та, по крайности, видала ангела и говорить умела, а они от ханжества всюду видят лишь чертиков и вдобавок говорить не умеют!.. На третьем митинге возбужден был вопрос: антихрист ли я?.. Тогда молодой лорд Портманн встал и громко прочел им мой ответ, где я коротко и ясно поведала свету, что ежели $2 \times 2 = 4$, то они круглые невежды и клеветники!.. Эффект превысил даже мои ожидания, – как увидишь из отчетов, какой был энтузиазм моих друзей... Теперь еще громче заплачут: “Lucifer” убьет наших противников! Даже личные враги мои – все его хвалят... А все-таки скучно и скучно!.. Эх, кабы увидеться нам...»

По поводу успехов ее я упрекала сестру за вечную ее хандру, постоянно высказывавшуюся в письмах, в ее горячих призывах «чего-нибудь *своего*, кого-нибудь *русского*»; она всегда рада бывала истратить все свои личные деньги, все небольшие экономии, чтобы выписать меня и детей моих к себе, не имея возможности сама к нам приехать из-за дела и постоянных болезней. Привязанности к родным и к родине не могло в ней искоренить никакое отсутствие.

Зная ее желание сношений с русскими людьми, я предложила ей написать в Лондон Е.К.Смирнову²²⁹, нашему посольскому священнику, с которым сама была знакома прежде. На это она отвечала, что «рада бы была радешенька, да захочет ли он?».

«Может быть, и он меня за антихриста считает?.. А я совсем старая дура, непоследовательная: для меня между пасторами, патерами и нашим духовенством – бездна!.. Не странно ли, что я, язычница, ненавидящая протестантство и католичество, как только дело дойдет до православия, так душу и тянет к русской церкви?.. Ведь я – отщепенка! неверующая космополитка, все так думают и я сама. А за торжество православной России, нашей церкви и всего русского отдала бы кровь последнюю... Господи! Хоть бы перед смертью увидеть Россию торжествующею над врагами!.. Знаешь, я бросила даже читать про славянские дела, про

---

²²³ В сочинении д-ра Гартмана «*Paracelsus*» <«*Парацельс*»> такое посвящение: «To the genius of Helena Petrovna Blavatsky, the Martyr of a great cause and defender of the rights of Humanity, this work is rebpestlully delicated» <«Гению Елены Петровны Блаватской, мученице за великое дело и защитнице прав человека, настоящая работа посвящается», *англ.*>. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Сохранилась также открытка, посланная Ф.Гартманом к Е.П.Блаватской из Вены 3 января 1889 г. с такими словами: «Ваша “Тайная Доктрина” будет “Библией” наступающего тысячелетия» (*Блаватская Е.П. Письма в русской прессе. Донецк, 2013. С. 277.*)

²²⁴ Theosophical Publishing Company (*англ.*) – Теософская издательская компания.

²²⁵ Теософские опубликованные исследования (*англ.*).

²²⁶ Высокой Церкви (*англ.*) – направление в англиканской церкви, тяготеющее к католицизму.

²²⁷ *Фр., англ. mammon.*

²²⁸ Грове Уильям Роберт (1811–1896) – английский физик и химик.

²²⁹ Смирнов Евгений Константинович (1845–1923) – протоирей, настоятель императорской посольской церкви в Лондоне, писатель.

несчастную Болгарию, которую теперь окатоличивают²³⁰... Сердце кровью обливается за Русь родную! Дрались за Палестину; дрались за православие, а теперь... Стыд и позор! Хорошо дядя²³¹ сделал, что умер. Каково бы ему было смотреть на такие дела...»

Весной следующего года в моей семье случилось великое горе²³². Когда все было кончено, сестра, все время относившаяся ко мне с горячим участием, начала неотступно призывать меня с старшей дочерью²³³ к себе, и когда я отвечала согласием, она радостно откликнулась:

«Ради Бога, не передумай! Надежда на твой приезд оживила меня. Это первая радость; первый свет во тьме горя и страдания, моего *одиночного*, несказуемого за себя страдания!.. Приезжай, родная...»

Мы с дочерью выехали в начале июля и пробыли в Лондоне все лето. Здесь я застала Елену Петровну, основательно устроившуюся в довольно большом доме Вест-Энда. С нею жили графиня Вахтмейстер, двое секретарей ее; тогдашняя соиздательница «*Люцифера*» мистрис Кук, предпочитавшая называть себя девичьим своим именем Мэбль Коллинз²³⁴, жила тут же, через сад. Толпы народа посещали этот центр теософического учения ежедневно. Ждали из Мадраса президента, а потому в Лондон уж начинали съезжаться отовсюду представители ветвей в разных странах. Заметно было, более чем когда-либо, в числе посетителей Лэндсдаун Род²³⁵ множество людей, стоящих во главе западной науки, а сама Елена Петровна никогда не была так окружена всеобщим вниманием и уважением. Занята она была непрерывно, от раннего утра до поздней ночи, разумеется, но казалась бодрее и здоровее, чем прежде.

Как было ей не заниматься по восемнадцать часов в сутки, когда, кроме поглощающих работ над вторым томом «*Secret Doctrine*», она сама держала корректуры печатавшегося первого тома ее и ежемесячно изготовляла для своего журнала по три, по четыре статьи за подписью, как передовые и беллетристические, так и без подписей, скрытые различными псевдонимами. Сотрудница ее, М.Коллинз, была в то время больна при смерти, и Блаватской приходилось работать за двоих. Она оставляла перо ранее по четвергам и по субботам, когда бывали ее «*at home*»²³⁶. Зато единодушные отзывы одобрения о первой части «*Доктрины*» вознаграждали ее труды.

Я помню еще некоторых из них. Профессор Оксфордского университета Эйтон²³⁷, например, утверждал, что «впервые разоблаченные миру в этой книге тайные учения из области космографии и философских систем древней Индии *должны свершить переворот в науке*»... Прочтя первые главы в корректурных листах, он писал ей: «Ваши откровения (revelations) поразительны неопровержимою ясностью и логикой, столько же как и неожиданною новизной теорий».

Профессор Крукс²³⁸ заявил, что это сочинение будет «смертью (le coup de grâce) научного материализма»...

Доктор Бёк²³⁹, профессор университета в Цинциннати, тоже по прочтении корректур еще не изданной книги, написал целую брошюру о них, которую и прислал Е.П.Блаватской. Говоря в ней об авторе и первом сочинении ее «Изиде», профессор Вукс предрекал ей чрез них великую славу, которая осветит вечным светом «память их многострадального автора, когда он, оклеветанный и не оцененный современниками, сойдет с лица земли»... «Трудно представить, что вытерпела эта

²³⁰ Е.П.Блаватская по всей видимости имела в виду то, что в 1887 г. князем Болгарии был избран уроженец Австро-Венгрии католик Фердинанд I Кобург (1861–1948).

²³¹ Рост[ислав] Андр[еевич] Фадеев. – *Примечание В.П.Желиховской*.

²³² 20 мая 1888 г. скончался 22-летний сын В.П.Желиховской Валериан.

²³³ В.В.Джонстон.

²³⁴ Коллинз Мейбл (1851–1927) – английская писательница, член Теософского общества.

²³⁵ Лэндсдаун Роуд (*англ.* Lansdowne Road).

²³⁶ приемы (*англ.*).

²³⁷ Эйтон Уильям Александр (1816–1909) – священник англиканской церкви, интересовался трудами Е.П.Блаватской.

²³⁸ Крукс Уильям (1832–1919) – английский физик и химик, президент Лондонского королевского общества (1913–1915), член совета Лондонской ложи Теософского общества, президент Общества психических исследований с 1897 г.

²³⁹ Бак Джерах Дьюи (Buck, 1838–1916) – американский врач, писатель, теософ.

благородная женщина, – говорит он, – преследуя свои высокие задачи. Она умеет знать, трудиться, твердо желать, молчать и прощать» как истинный посвященный... «Много бывает Иуд, предателей истины! – восклицает он в заключение. – Еще более последователей Фомы неверного... Мало только последователей Павла», этого посвященного в великие таинства просветителя, желавшего поделиться с человечеством светом истины, даже вопреки своей безопасности.

Мудрено было сказать бóльшую похвалу в честь основательницы общества «Всемирного братства», цели и задач ее научных трудов. Она была очень утешена такими отзывами, и все, ее любившие, в особенности убежденные теософы, радовались за нее и за общее дело.

Когда в августе приехал из Адияра полковник Оллькот, начались деловые заседания, митинги, экстренные собрания то в доме на Лэнсдаун Род, то в деловом Office, в конторе в Сити, то в наемных залах, и дела прибавилось столько, что, несмотря на множество добровольных помощников, весь состав главных деятелей сбился с ног и переболел от утомления и беспокойств. Разумеется, прежде всего, здоровье Елены Петровны расстроилось... Хорошо, что она могла себя избавлять от официального представительства.

Дело в том, что как в Америке при начале основания Теософического Общества она отказалась от всякого официального звания, кроме весьма неопределенного и скромного секретарства, так и в Лондоне, не желая обидеть своего друга Синнета, она отказалась от звания президента, которое он носил, ссылаясь на массу письменных занятий.

Тогда ее личные приверженцы согласились между собой *неофициально* примкнуть к ней с тем, чтоб учиться у нее и во всем ей содействовать как главе теософического движения, «в присутствии которой ревностным членам общества смешно признавать чьи-либо другие авторитет и представительство»... Образовалась секция, члены которой, не отделяясь *de jure* от лондонской ветви, *de facto* устранились от Синнета и образовали *ложу*, именно *Blavatsky Lodge*, к которой примыкали все теософисты, желавшие работать под ее руководством собственно.

Вскоре, прослышав об этой секции, к ней пожелали присоединиться многие теософические центры других стран, выражая желание, чтобы прямому авторитету президента подчинялась Индия, Австралия и к ним прилегающие страны, а чтоб Е.П.Блаватская приняла звание почетного президента европейских и американских теософов.

Америка-то первая и клич на то кликнула.

С величайшим трудом удалось основателям Теософического Общества, благодаря испытанной дружбе и уважению друг к другу, а равно и дипломатическим способностям полковника Оллькота, мирно уладить возникший раскол. Блаватская не согласилась отделиться от общего, главного представительства полковника; но он как президент дал ей полномочие действовать во всем, что касалось бы европейских и американских ветвей общества, самостоятельно.

«Уж если вы, друзья мои, желаете непременно группироваться под моим знаменем исключительно, – заявила Е.П.Блаватская на первом же собрании своей *Blavatsky Lodge*, – то знайте, что я от членов своей ложи потребую более строгих, исключительных обязательств, которых не налагает обыкновенное членство».

Тотчас же были составлены правила и устав *Эзотерической секции* Теософического Общества. Все обязательства, которые принимали на себя вступающие в него, были напечатаны, дабы каждый желающий вступить в этот отдел знал заранее требования и особые условия, которые он принимал на себя и не вступал в него необдуманно.

Сказать по истине, нового в этих условиях было мало. Усилены лишь обеты преданности общему делу; обязательства духовной работы над собой с целью совершенствования своего «Higher Self», *высшего духа*, своего обязательства; сохранения в тайне всех *знаков* или *паролей*, которые всем членам общества не передаются. Одно существенное обязательство было в этой эзотерической секции (ныне не существующей за смертью Е.П.Блаватской) – это беспрекословное повиновение во всем ее главе...

Но, несмотря на это несколько рискованное условие, число членов новой секции возрастало до последнего часа Е.П.Блаватской так усиленно, что она начинала сильно смущаться этим ростом, боясь за свое время и силы. Теперь, когда не к кому им обращаться за устными

немедленными разрешениями их недоумений и незнаний, недостаток научного авторитета составляет главнейшее затруднение ревностных деятелей теософического общества. Многие лондонские теософы начали усердно изучать санскритский язык; некоторые собираются в Индию в надежде добраться до тех сокровенных от «э[к]зотерического» (внешнего) мира источников, у которых черпала свои глубокие знания Елена Петровна. За смертью «единой посвященной на Западе» прекратились «эзотерические» занятия в главной квартире и *occult chamber*²⁴⁰ (таинственная комната, освещенная куполом из голубого стекла, нарочно выстроенная с особыми приспособлениями для занятия ок[к]ультизмом) стоит без употребления...

Я не была в этом «приюте белой магии», как шутя называла эту чудодейственную комнатку в разговорах с глазу на глаз с сестрой; она терпеливо сносила мое скептическое отношение к ее предназначению и не предлагала мне входить в нее; да она в мое последнее с нею свидание летом 1890 года еще не совсем была окончена в их новых, блестящих Head Quarters²⁴¹ на Avenue Road; в прежнем же, временном их помещении на Lansdowne Road, такой таинственной комнаты и вовсе не было... Не было, но несмотря на отсутствие присяжного пункта для проявлений чудесных сил и ок[к]ультических дарований людей, свыше одаренных; несмотря даже на мой всегдашний, бесправный, собственно говоря, скептицизм к этим исключительным свойствам духа человеческого даже в Елене Петровне, столько раз мне доказывавшей их существование, она в это предпоследнее мое посещение еще раз доказала мне на деле свое изумительное ясновидение. Ни в 1888 году, ни в 1890 я не видывала от нее более никаких феноменов, кроме этого последнего, которым она меня избавила от тяжелых нравственных страданий.

Дело было такое. Я получила из России, из дому, известие, телеграмму, которой существенный смысл радикально был изменен ошибкой, перемещением телеграфистами одного слова... Эта ошибка возвещала мне еще одно несчастье – *смерть*, которой, в сущности, не было... Я в ту же минуту собралась уезжать. Но сестра, видя мое отчаяние, вскричала:

– Да нет же! Нет!.. Не может быть этого!.. Бога ради, успокойся!.. Сейчас я объясню, я увижу... Я скажу тебе *верно*, в чем дело.

И тут же она опустила на стул, закрыла руками лицо и так, в полном молчании, пробыла неподвижно минуты две-три... И встала с просиявшим лицом.

– Вера! Это ошибка! Он совершенно здоров!.. Телеграмму переврали: дай мне ее! Вот в чем дело.

И она переставила буквы, восстановила настоящий смысл известия и рассказала мне все происшедшее накануне, за тысячи верст от нас в Москве, с такими подробностями, как будто сама там была.

Ответы на наши запросные телеграммы домой и на московскую телеграфную станцию, а дней через пять и письма оттуда вполне подтвердили неожиданные происшествия, случившиеся в моей семье и *вполне верно* объясненные мне сестрой. Этот *факт*, известный многим, и который я сочла себя обязанною, в память сестры, заявить здесь.

Съезд представителей теософического движения из Америки и Европы еще был в полном разгаре, когда я в сентябре рассталась с сестрой.

XVII

В последние два года своей жизни Блаватская, кроме трех больших томов «*Тайной Доктрины*»²⁴² и множества статей в «*Lucifer*» и др. теософических журналах, издала еще две книги, весьма ценимые ее последователями. Одна «*Ключ к теософии*», объясняющая всю суть учения и многое, что не всем понятно в ее сочинениях; потом «*Глас Молчания*» («*Voice of the Silence*», extracts from the book of the «*Golden Precepts*»)²⁴³, выдержки из древней книги «*Золотых Правил*», мистического сочинения, никогда доньше не переведенного ни на какой язык, ибо Гуру (учителя) различных философических систем держали ее в тайне. И наконец, маленькая книга

²⁴⁰ оккультной комнате (англ.).

²⁴¹ штаб-квартирах (англ.).

²⁴² III том оставлен ее в рукописях и ныне печатается. – *Примечание В.П.Желиховской.*

²⁴³ Принятое название – «Голос Безмолвия», извлечение из книги «Золотых Правил» (англ.).

стансов, пословиц, стихотворений, тоже переведенных ею из разных восточных творений, под заглавием «*Gems from the East*» («*Перлы Востока*»)²⁴⁴.

Во всех научных, капитальных трудах Е.П.Блаватской всего более поразительна масса ссылок. При выходе «*Изиды*» и «*Секретной Доктрины*» множество оппонентов ее сейчас же обращали на них свое критическое внимание; но как ни разыскивали неточностей, должны были отступить²⁴⁵... Их безошибочность, при невозможности иметь под рукой и десятой доли источников, на которые они указывают, служит всегдашним поводом верующим в ее доктрины указывать на их вдохновение свыше; для неверующих они всегда были и будут камнем преткновения и великою задачей для всех! Правду сказал мне архиепископ армян на Кавказе, преосвященный Айвазовский²⁴⁶, прочтя первое сочинение Елены Петровны «*Isis Unveiled*» и вместе книгу Олькотта «*People from the other World*»:

– Зачем все эти бессмысленные, медиумические проявления?.. *Они ничто пред феноменом осмысленным и неопровержимым этих двух томов со всеми их ссылками!*.. В них заключается труд, который мог бы поглотить целую жизнь ученого; а их в *семь месяцев* написала женщина!

Я часто впоследствии вспоминала это верное определение преосвященного архиепископа.

Вскоре по возвращении моем из Англии случилась страшная катастрофа 17 октября, крушение царского поезда²⁴⁷. Она, как и все касавшееся России, отразилась и в журналах Е.П.Блаватской, и тем более в письмах ее. Она радовалась вместе с нами такому действительно знаменательному чуду благоволения Божия к России, и первую мысль ее было, как она писала, «утереть нос западникам»... С этою целью она через О.А.Новикову отослала целиком мое письмо с описанием всего этого потрясающего события в «*Pall Mall Gazette*», где оно тотчас же было напечатано.

«Ты простишь меня, душа, за такое самовольное распоряжение твоим письмом? – писала она, присылая мне вырезку из английской газеты. – Но нам с моею приятельницей О.К.²⁴⁸ так понравился твой рассказ, что мы не могли воздержаться от желания показать Англичанам, какие письма частные люди пишут об этом из России. Ведь лондонские газеты пользуются официальными материалами, только, разумеется, и думают *que tout y est forgé*²⁴⁹!.. Так пусть же знают, как искренни и неподдельны чувства русских людей к Царю православному... – Да! Чудо спасло Царя. Видно, один Бог православных людей – Русский Бог – такие чудеса и делает!.. Посади в тот поезд Викторину либо Вильгельма²⁵⁰, так и протестантское, “ограниченное” небесное правление и не оглянулось бы, раздавило бы сердечных, как мух, всю семью... А уж это именно молитвы миллионов ограждают нашего Царя магнетическою, непроницаемою стеной благоволения. Господи!.. Аж дрожь меня проняла!.. *Чтоб это было?!?* Слава Богу! Спасена еще раз Россия. Уж правда, такого Богом любимого Царя не найти другого...»

²⁴⁴ Принятое название – «Жемчужины Востока» (англ.).

²⁴⁵ Недавно я слышала, будто такие неточности нашлись в ее русском сочинении «*Из пещер и дебрей Индостана*». Это, вероятно, потому, что Елена Петровна более небрежно относилась к этому беллетристическому произведению, безо всякого серьезного значения, чем к своим научным трудам. – *Примечание В.П.Желиховской.*

²⁴⁶ Айвазовский Гавриил Константинович (1812–1879) – армянский архиепископ, историк, брат художника И.К.Айвазовского.

Н.В.Брусилова вспоминала: «А еще большее впечатление было у меня от поездки в Эчмиадзин, резиденцию армянского патриарха. Необычайная библиотека и вообще много редкостей в музее было там еще со времен чуть ли не Ноева ковчега. В то время там жил патриарх армян-григорианцев, старший брат нашего знаменитого художника-мартиниста Айвазовского. Это был глубокий старик, необычайного ума, знаний и образования. Я знаю это от моей матери, которая с ним переписывалась по поводу того, что он через нее выписывал английские теософические книги Е.П.Блаватской, а также какие-то очень древние книги на санскритском языке, которые она для него разыскивала в Индии, а мама, с помощью своих добрых знакомых в иностранной цензуре, переправляла их ему в Эчмиадзин. Ведь в то время духовная цензура в России была очень строга» (*Брусилова Н.В. Мои воспоминания и записки с детства // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, ед. хр. 19а. Л. 6–60б.*).

Брусилова Надежда Владимировна (урожд. Желиховская, 1864–1938) – писательница, общественная деятельница, дочь В.П.Желиховской, жена военачальника А.А.Брусилова (1853–1926).

²⁴⁷ Речь идет о катастрофе, случившейся с поездом российского императора Александра III 17 октября 1888 г. недалеко от Харькова, в результате которой ни император, ни его семья не пострадали.

²⁴⁸ Речь идет об О.А.Новиковой, писавшей под псевдонимом «О.К.».

²⁴⁹ что тут все выдуманно (*фр.*).

²⁵⁰ Вильгельм II (1859–1941) – германский император (1888–1918).

К этому времени принадлежит знакомство Е.П.Блаватской с некоторыми членами Общества Свободомыслителей (freethinkers) и важное приобретение Теософическим Обществом нового энергического, преданного ему члена, несравненно более знающего, способного, влиятельного и полезного для дела, нежели большинство его членов, – я говорю о мистрис Анни Безант. Эта энергическая, умная, в высшей степени красноречивая женщина имеет огромную известность в Англии. Она стояла во главе социалистических движений в пользу рабочего люда, в особенности за право женщин-работниц против эксплуататоров-фабрикантов и заводчиков. Она была видным деятелем во всех благотворительных учреждениях, в народных школах, ассоциациях рабочих; известною лекторшей, кассиршей, учительницей; она всю жизнь свою отдала энергической деятельности на пользу беднейших классов лондонского населения и вообще чернорабочего люда, за которого ратовала печатно и устно, который признает ее одною из своих преданнейших благодетельниц и боготворит ее. В прошлом году умерший известный деятель в пользу демократии, атеист и вечный противник консерваторов и аристократии Брэдлоу²⁵¹, в сущности, добрейший человек, который всегда был готов последним поделиться с неимущими, был первейшим другом миссис Безант. Пятнадцать лет они вместе работали для народа, вместе отстаивали права его в печати и на митингах; вместе читали лекции, пропагандируя *свободу совести*, то есть полное безверие и материализм, – и вдруг такой испытанный соучастник в пропаганде делает бедному главе британских социал-демократов *volte-face*²⁵² и переходит в лагерь, – чей же? Верх оскорбления и печали – теософов! Каких-то «полоумных мечтателей, упразднивших реальную жизнь со всеми ее благами в пользу проблематического загробного существования, верующих в колдунов и феномены, последователей какой-то русской, обесславленной шарлатанки!». Пресса долго и громко кричала по этому поводу. Клерикалы торжествовали, сатирические журналы потешались, прежние единомышленники мистрис Безант негодовали; Брэдлоу приходил в отчаяние, жестоко пораженный; но она с удивительным хладнокровием и мужеством выносила насмешки и упрёки. Она прочла две-три лекции, где объяснила свою перемену не легкомыслием, не «изменой убеждениям всей жизни», как ее ославляли ее порицатели, а просто постепенным, логически развивавшимся убеждением, «нравственным ростом», превосходно сравнив человека с растением: «Невозможно-де обвинять корень в том, что он стремится из земли на свет, а стебель в том, что он развивается в листья и цвет, из которых пустоцветы опадают, а здоровый дает плод – единый желанный результат его существования?!.»

Она написала потом объяснительную, превосходную по логике, силе и ясности изложения брошюру под заглавием «*Why I became a Theosophist*»²⁵³. Ее лекции и последующие статьи дали много приверженцев Блаватской и ее обществу, а ее саму поставили безо всяких с ее стороны происков или желаний во главе движения. Если кто в состоянии поддерживать его в Европе после смерти Е.П.Блаватской, то это, конечно, одна Анни Безант, как и сама она была в том убеждена. Сколько раз сестра, с глазу на глаз со мной, выражала эту уверенность, восхваляя искренность, стойкость убеждений, ум и красноречие своей новой помощницы, она говорила: «Нет! Эта женщина не изменит ни делу, ни даже мне!»

Елена Петровна оказалась в этих предвидениях вполне права: Анни Безант по времени недолго ее знала, но едва ли не лучше всех ее узнала и не больше всех близких ей ее полюбила; делу же их она готова пожертвовать всюю своею жизнью: она теперь все оставила, ото всего и всех отказалась, чтобы быть совершенно свободною и посвятить все свои помыслы и все время пропаганде теософии.

XVIII

Зима с 1889 на 1890 год в Англии была страшно холодная и снежная. Е.П.Блаватская болела постоянно и так ослабла, что врачи приказали ее увезти раннею весной на море.

²⁵¹ Брэдлоу Чарльз (Bradlaugh, 1833–1891) – английский политический деятель, видный представитель секуляризма.

²⁵² полный поворот (*фр.*).

²⁵³ «Почему я стала теософкой» (*англ.*). См.: *Безант А. Исповедь // Северный вестник*, 1895, №1–4, 11.

Она уехала в марте в Брайтон. Чистый морской воздух и животворная теплота Гольфштрема²⁵⁴ ее оживили на время, так что хотя всем окружающим очевидны были великие усилия воли, которые она должна была употреблять, чтобы бороться с одолевшими ее страданиями, тем не менее, они надеялись на лучшее.

Возвратившись в Лондон, она, как всегда, принялась за усиленные занятия; по вечерам по-прежнему выходила в гостиную, где любила, чтоб ее окружали жившие с ней вместе сотрудники; только начали замечать, что она редко оживлялась по-прежнему и, чего никогда не было, начала очень тяготиться посетителями и все чаще не показывалась за общим столом.

Во время ее отсутствия было приискано в другом конце города, в Avenue Road, в соседстве Риджентс Парка, большое помещение, три отдельных дома на две улицы с садом посередине. К наибольшему из них еще сделали пристройки, большую залу для лекций, разукрашенную символическими рисунками по крыше-потолку, с огромным во всю стену зеркалом в глубине, где на возвышении поставили большое кресло Елене Петровне, а возле – меньшее для ее главной помощницы миссис Безант. С возвышения же все желающие должны держать слово на четверговых митингах. Это новое помещение для состава главной квартиры Теософического Лондонского Общества несравненно больше и роскошней прежнего дома на Лэнсдоун Роуд было взято на имя Блаватской. Она одна считалась по смерти полною хозяйкой этого сожительства главных деятелей Общества в Лондоне. Кроме постоянного штата Елены Петровны в домах теософической коммуны постоянно жили (и живут) приезжие теософы из других стран, в особенности, американские и адиарские представители дела всегда имеют *piéd à terre*²⁵⁵ в Лондоне в этих теософических главных квартирах, как гласит золотая надпись на главном портале.

Но у самой Е.П.Блаватской не лежало сердце к новому, роскошно приготовленному для нее помещению.

– Нет на этом доме моей цифры (*семи*), – говорила она. – Я в нем не наживу.

И справедливо было ее предсказание! 3-го июля 1890 года было торжественное открытие этого теософического центра; собралось несколько сот человек гостей в «Lecture Hall»²⁵⁶, делегаты говорили блестящие речи. А в начале мая следующего года главную хозяйку его отсюда вывезли на погребальном катафалке, как она и предвидела, не раз говоря окружающим, что она отсюда не сама уедет, а увезут ее...

Здесь я в последний раз видалась с ней. Я с дочерьми²⁵⁷ приехала столько же для нее, как и для свидания со старшей сестрой их, только что вернувшейся с мужем из Индии²⁵⁸. Елена Петровна не позволила нам жить у них, а непременно потребовала, чтобы мы у нее поселились, хотя новый теософический дом еще далеко не был окончательно отделан: готовы были только собственные комнаты сестры внизу, гостиная и зала для лекций, где вместе была общая столовая. Все теософы – строгие вегетарианцы, а Елене Петровне доктора приказывали есть мясную пищу с тех пор, как она вернулась в Европу. Поэтому она обедала отдельно и редко бывала за общим столом. Мы, разумеется, бывали там еще реже, но зато она требовала, чтобы мы непременно все присутствовали на их многочисленных четверговых митингах, где постоянно читались лекции. От раннего утра до сумерек она по-прежнему бывала занята и в ее комнату никто посторонний не имел права входа, кроме меня с дочерьми; но видя, как она завалена работой, к которой еще прибавились частные занятия с ее *эзотеристами*, как она называла их, мы избегали входить к ней без зова, тем более что, видимо, стесняли как профаны, непричастные к их интересам, ее секретарей или других приближенных *по теософии*, являвшихся, так сказать, по службе за приказаниями или поучениями.

Зато вечером она уж ни за что не выпускала нас из кабинета или гостиной, куда всегда выходила, когда была здорова, отдохнуть за своими пасьянсами. Они ей не мешали слушать общую болтовню, вмешиваться в разговоры о пустяках, переходя от них к серьезным ответам на

²⁵⁴ Гольфштрема (*англ.* Gulf Stream).

²⁵⁵ пристанище (*фр.*).

²⁵⁶ «Лекционным зале» (*англ.*).

²⁵⁷ Речь идет о Н.В.Брусиловой и Елене Владимировне Желиховской (1874–1949), общественной деятельнице.

²⁵⁸ Речь идет о В.В.Джонстон и ее муже Ч.Джонстоне, которые проживали в Индии с ноября 1888 по июнь 1890

научные вопросы, обращавшиеся к ней часто и в эти два часа досуга, которые она позволяла себе ежедневно на сон грядущий.

Но теперь кроме дней, назначенных для приема, она не бывала уж так окружена массами посторонних, как прежде: она тяготилась ими и все чаще и чаще не принимала и сторонилась чужих. Любимейшим удовольствием ее было в эти последние наши вечера слушать русские, простые песни... То и дело обращалась она то к одной, то к другой из дочерей моих с заискивающей просьбой в голосе:

– Ну, попой что-нибудь, душа!.. Ну, хоть «*Ноченьку*»!.. Или «*Травушку*»... Что-нибудь наше родное спойте...

Последний вечер перед отъездом нашим до полуночи дочери мои, как умели, тешили ее; пели ей «*Среди долины ровныя*» и «*Вниз по матушке по Волге*», и русский гимн наш, и русские великопостные молитвы.

Она слушала с таким умилением, с такою радостью, будто знала, что больше русских песен не услышит.

Выдающеюся чертой моего последнего пребывания у сестры было открытие ими в Ист-Энде (беднейшем крае Лондона, где нищета и разврат конкурируют в погибели людей, в особенности, женщин) приюта на *триста* работниц, девушек и молодых бессемейных женщин, служащих на фабриках и заводах²⁵⁹. Здесь эти несчастные за самую ничтожную плату, а иные и даром имеют возможность найти не только чистый, теплый кров, но и здоровую пищу и даже ночлег, кровать с чистою постелью и комод со стулом и столом, отделенными друг от друга ширмой. Сестре хотелось, чтоб я поехала с ней на открытие этого благотельного учреждения, первого в Англии *клуба* рабочих женщин, свободного от всякой сектантской подкладки. Пока мы с ней ехали из северо-западной, аристократической стороны Лондона на его восточные, нищенские окраины, Елена Петровна рассказала мне, что первоначальным капиталом, на который приобретен этот дом, были 1000 фунтов стерлингов, пожертвованные Обществу, правильнее, просто отданные одним богатым теософом в ее распоряжение с тем, чтоб она ими распорядилась как знает. Она, посоветовавшись с миссис Безант, решила ознаменовать прочное основание в Лондоне Теософического Общества такою помощью несчастным отверженным Ист-Энда.

Это гуманное дело маленькой группы малоизвестных теософистов очень понравилось лондонцам. В следующее воскресенье в иллюстрированном «*Pall Mall Budget*» появилась даже картинка: вид нового Теософического Клуба в вечер открытия²⁶⁰.

XIX

В течение этого пребывания моего в теософическом сожительстве много было обстоятельств, которые меня беспокоили за сестру, вследствие того, что, хотя все окружавшие ее, очевидно, ее уважали, и любили, и ценили, насколько дано им было на то способностей, но все это были люди *новые*, страшно занятые и к тому же привычные к спартанскому образу жизни, не умевшие заботиться о материальных удобствах ни своих, ни чужих. Каждый из них, может быть, готов был отдать за нее свою жизнь, но ни один не умел избавить ее от дразг и неудобств житейских и доставить ей тот правильный, ежедневный уход и внимание, в котором она очень нуждалась...

Если бы возле нее был кто-нибудь, чьею задачей был бы присмотр за ней, забота о ней, именно о ней, которая никогда не хотела и не могла, просто не успевала о себе сама позаботиться, очень вероятно, что она еще бы жила. Единственная графиня Вахтмейстер, так хорошо ее покоившая в Вюрцбурге и выходявшая ее в Остенде, по-моему, могла бы ее уберечь... Я много раз это ей говорила. Но графиня от раннего утра до вечера находилась за несколько верст от нее в Сити, в их конторе, и Елена Петровна горячо протестовала против моих указаний, уверяя, что она *нужна для дела* и не может его оставить. Эгоизмом она не отличалась...

²⁵⁹ См.: *Желиховская В.П.* Лондонская жизнь // Московские ведомости, 1890, №259, 19 сентября.

²⁶⁰ Клуб этот процветает. Члены Теософического Общества имеют в виду его еще расширить. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Так она тем же летом услала от себя в Индию Бертрама Китлея, человека преданного ей, как родной матери и более. Она уверяла, что он там нужен; а главное, что удаление из Лондона для него самого необходимо и послужит ему ко благу... Я, разумеется, не расспрашивала о причинах; но мне было очень грустно, что он должен был уехать от нее.

Теперь я понимаю, что она, вероятно, была права, прочтя в числе сотни статей в ее память признания этого самого Бертрама Китлея, озаглавленные так: «*Что она сделала для меня*»²⁶¹.

Рассказывая факт за фактом в доказательство заслуг Е.П.Блаватской вообще и своих обязательств ей в частности, Б.Китлей отказывается в конце статьи говорить о своих заключениях о той, которую признает своею благодетельницей на том основании, что о ней может дать понятие верное лишь равный ей... «Любящий друг, мудрый наставник, более чем мать многим из нас; мужественная и при нужде неумолимая, она никогда не колебалась боязнью причинить временную боль и бесстрашно вонзала нож, если могла этим оказать пользу. Прозорливая, она безошибочно открывала наши сокровенные слабости и обнажала их пред теми из нас, кто желал за ней следовать... Она была слугой человечества, и никто, прибежавший к ней честно за помощью, не уходил без нее. Никакой враг, никто, даже жесточайшим образом оскорбивший ее, не был отвергнут ею, если прибегал к ней в нужде. Она охотно сымала²⁶² одежду с плеч своих и отымала хлеб ото рта, чтобы накормить и помочь худшему врагу своему в его нужде и печали... Она завещала нам, братья, помогать другим столь же щедро, как сама она нам помогала... Будем работать дружно! Задача наша велика, но ведь лучший мавзолей, который можем мы воздвигнуть в память нашего учителя, – рост и распространение света, который она внесла в мир».

Так восторженно заканчивает В.Keightley свое посмертное славословие Е.П.Блаватской. Именно славословие – быть может, слишком восторженное, слишком преувеличенное, но искреннее. Впрочем, десятки надгробных воспоминаний о ней, которыми переполнены все теософические журналы, нимало не уступают в восторженных восхвалениях отзыву ее бывшего частного секретаря. Я указала на него потому, что, хорошо зная автора, не сомневаюсь в его искренности; а при желании лишь доказать высокое мнение многих о сестре моей я могла бы привести несравненно более громкословные панегирики, – а не выпускать самые громкие фразы, как я то сделала, даже из приведенного отрывка.

Справедливо сказал о ней Стэд²⁶³, издатель журнала «*Review of Reviews*», в своей длинной статье, сопровождаемой тремя ее портретами²⁶⁴. Говоря о загадочности этой удивительной личности, которую он называет сивиллой нашего времени, он пренебрежительно относится к чудодейственной стороне ее деятельности и, провозглашая уверенно: «*M-me Blavatsky была великою женщиной!*», – так продолжает излагать свое мнение:

«То, что она сотворила, – несравненно величественнее приписываемых ей чудес: она дала возможность некоторым, самым образованным мужчинам и женщинам нашего поколения поверить, – и верить пламенно до такой степени, что они стали недоступны насмешкам и презирают гонения, – что не только невидимый мир, нас окружающий, достоверно содержит сознательных созданий, несравненно превышающих нас (людей) в познании истины, но что людям возможно войти в сношения с этими таинственными и молчаливыми существами и от них поучаться божественной премудрости времен и вечности... Она свершила это великое чудо... Она дала своей древне-новой религии таких поборников, как Анни Безант, годами ратовавшую в передовых отрядах воинствующего атеизма... Как m-r Sinnett (и множество других несравненно более ученых, чем Синнет, людей, – позволю я себе прибавить к показаниям м-ра Стэда!), для которого ее удивительное учение о “братстве Махатм”, великих мудрецов, вице-правителей Величайшего Бесконечного, вновь населило безотрадную пустоту, произведенную современным

²⁶¹ «*Люцифер*» за август [1891 г.], [с.] 452. – Примечание В.П.Желиховской.

²⁶² снимала (прост.).

²⁶³ Стэд Уильям Томас (1849–1912) – английский журналист, писатель, издатель, редактор газеты «*Pall Mall Gazette*», основатель еженедельника «*The Review of Reviews*» и периодического издания «*Borderland*».

²⁶⁴ «*Review of Reviews*». June. 1891. – Примечание В.П.Желиховской.

См.: Two views of Madame Blavatsky, by William T. Stead & A.P. Sinnett // *Review of Reviews*, 1891, V. III, June. P. 613–617 <Два мнения о мадам Блаватской, Уильяма Т.Стэда и А.П.Синнетта // *Review of Reviews*, 1891, т. III, июнь. С. 613–617>.

скептицизмом...»

Вот именно – из одной крайности в другую! Только на Западе, искалеченном иезуитами и обобранном протестантством, и возможно было привить верования мечтательного Востока, для нас, православных людей, упраздненных стойким христианством.

Утешительно было бы, если бы та же «древняя мудрость» – теософия, познание божества, – более тяготела к христианству, с которым она вполне совместима, чем к буддизму. Но при настоящих тенденциях ее приверженцев, в особенности некоторых между ними – узких фанатиков, когда главным руководителем движения остался один Оллькот, самый ярый буддист, – ее прямое место в Индии. Туда не переставали призывать обратно и Блаватскую. В то самое время как она умирала в Лондоне в «Indian Mirror» появилась статья, провозглашавшая ее в сотый раз благодетельницей индусов, а ее *монументальные сочинения* – достойными преклонения всей Индии...

«Она и в Европе работает для нас! – восклицает индийская газета. – Она еще недавно прислала к нам еще одного англичанина, м-ра Бертрама Китлея, трудиться столь же самоотверженно, как сама она и полковник Олькотт трудятся на преуспевание Индии и ее древних верований. Но дайте нам обратно саму Н.Р.Блаватскую!.. Она там необходима, чтобы поучать и руководить бедных заблуждающихся индусов своими несравненными знаниями в религии их по истолкованию ее древними Риши. Самые глубоко ученые – Бенаресские Пандиты и те признали ее права на такие знания... Мудрость Е.П.Блаватской вывела бы нас из многих затруднений».

Поздно спохватились!

XX

Вечером, 26 апреля (н[ового] ст[иля], ровно за двенадцать дней до кончины Е.П.Блаватской), был третий митинг и в заключение его постановлено послать Е.П.Блаватской еще одну благодарственную и сочувственную телеграмму.

Вести об этих заседаниях и решениях в Америке, общий прием ее посланных в этом крае и успех конвенции вообще были последними радостями в жизни Елены Петровны. Она уж с 21 апреля была совершенно больна инфлуэнцей²⁶⁵ – этим убийственным для пожилых людей новым бичом человечества, который с нею одновременно свалил почти все общежитие теософов в Лондоне; но молодые люди поправились и выздоровели, а у нее в начале мая сделался рецидив. Она простудила грудь и горло в вечных сквозняках²⁶⁶ английских домов, от которых, к несчастью, не были изъяты и ее комнаты. К инфлуэнце прибавился бронхит, и 8 мая, по-нашему 26 апреля, в третьем часу пополудни ее не стало.

Замечателен факт, что все предыдущие недуги были гораздо сильнее и всем, не исключая докторов, казались несравненно опаснее и серьезнее. В эту же последнюю болезнь никто не тревожился; доктор ее, мистер Меннель, в продолжение четырех лет поддерживавший жизнь ее, был убежден, что она выздоровеет, что болезнь повернула к лучшему и опасности более нет. Он так и сказал после консилиума за несколько дней и повторил то же в то самое утро, навестив ее в 11 часов. Он был, как громом поражен, когда приехал в три часа и ему сказали, что все кончено.

Е.П.Блаватская скончалась не в кровати, а в своем большом кресле у письменного стола, в котором столько работала на пользу науки и на преуспевание дела, в которое положила всю жизнь свою и душу.

Все ее последователи выражают уверенность, что *ей позволено было избавиться* от физических страданий лишь вследствие того, что она «успела свершить свои главные задачи»: она дала нравственный толчок миру и передала ему всю суть сокровенных учений теософии в трех фундаментальных книгах «*Тайной Доктрины*»²⁶⁷.

XXI

²⁶⁵ инфлуэнцей (*устар.*, *итал.* influenza).

²⁶⁶ сквозняках (*устар.*).

²⁶⁷ Том III, последний, еще не вышел из печати. – *Примечание В.П.Желиховской.*

В прекрасное весеннее утро 11 мая собралось множество лиц, желавших проститься с тою, которую многие последователи ее считали избранною посланницей «великих душ», Мах-Атм, но которая, в сущности, была многосторонне одаренная, быть может, даже гениальная женщина; если и не с неуклонно-беспорочным, *львиным* сердцем, как ее прославляют те же поклонники ее, то, несомненно, с сердцем добрым и великодушным. Проникнувшись нравственными красотоми первобытных верований Востока, она искренно верила благим влияниям их и на изверившихся европейцев и, делясь своими знаниями с миром, стремилась к пользе, к благу его – *искала истины*, как справедливо сказал о ней глубоко верующий, православный человек. В десять часов утра тело ее (согласно неперемому ее желанию, чтобы было оно сожжено и чтобы не сопровождалась церемония эта никаким траурным торжеством) вынесли в скромном гробе, закрытом сплошь цветами, и повезли его на железнодорожную станцию Ватерло[o], а оттуда за город в Уокинг, где находится крематориум²⁶⁸. Все желавшие присутствовать при сожжении направились туда различными путями.

В журнале «*Agnostic Journal*» от 12 мая есть статья об этом обряде одного индуса (за подписью Саладин)²⁶⁹, из которого я возьму несколько выдержек, хорошо рисующих картину. Пишущий, очевидно, благоговел пред Еленой Петровной, но не был вполне теософом, так как открыто называет себя агностиком и свою статью в память ее озаглавил: «*How an agnostic saw her*»²⁷⁰. Его рассказ рисует личные взгляды его на Блаватскую и ее учение; я передам лишь те отрывки, которые, собственно, относятся к ней и к церемонии сожжения ее тела.

«Мы неслись по цветистым лугам, мимо расцветающих белым и розовым цветом садов под ясным майским небом к пламенному костру, ожидавшему смертные останки друга и матери многих из нас. Один из многих, тяжело сраженных печалью, наполнявших вагон, я вышел, достигнув крематориума. Это здание из красного кирпича, нечто среднее по виду между капеллой²⁷¹ и черепичным заводом с фабричною трубой. Вы входите в часовню, а оттуда чрез тяжелые дубовые двери в небольшую комнату, среди которой возвышался железный огромный предмет, нечто вроде котла паровоза на каменном фундаменте. Жутко было смотреть на этот мрачный очаг смерти! Все мы с невольным сжатием сердца столпились вокруг... Понимая наше желание, один из прислужников открыл небольшой клапан... Каждый из нас проходя бросал туда взгляд и каждый отходил с содроганием. Если б Вергилий, или Мильтон, или Данте²⁷² когда-либо взглянули на адский огонь крематориума, – вряд ли бы стали они писать об адском пламени в своих поэмах: вихри, крутившиеся и шипевшие внутри этого чудовища, к поэзии не располагали...

Внесли в часовню гроб, густо покрытый цветами, поставили на возвышение, и все мы, обнажив головы, окружили его...

Едва замолкла проникнутая чувством речь м-ра Мида²⁷³, – рассказывает далее «Саладин», – тяжелая дверь из капеллы в крематориум раздвинулась и четверо служителей взялись за носилки и подняли гроб. Четверо теософистов из самых ближайших друзей г-жи Блаватской последовали за гробом этой величайшей женщины нашего века за порог дверей к ее раскаленной гробнице. Массы белых роз и лилий покачнулись, обдав нас в последний раз своим тяжелым ароматом и скрылись... И затворились за ними [с] тяжелыми, железными болтами двери, поглотив все: цветы, и гроб, и смертные останки самой смелой, благородной, мужественной женщины, когда-либо

²⁶⁸ крематорий (*англ.* crematorium).

²⁶⁹ В.П.Желиховская ошибается, статьи под псевдонимом «Саладин» подписывал европеец У.С.Росс. Об этом писала В.В.Джонстон в письме к матери: «Вот ты, например, Саладина, редактора “Agnostic Journal”, произвела в Индусы, а он шотландец по имени Стюарт Росс, и мы его знаем» (ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 686. Л. 54–54об).

Росс Уильям Стюарт (1844–1905) – английский журналист, писатель, редактор «Agnostic Journal».

²⁷⁰ «Как увидел ее агностик» (*англ.*).

²⁷¹ Капелла – в католицизме термин, используемый для названия храмовых помещений разных типов.

²⁷² Вергилий (70–19 до н.э.) – римский поэт.

Мильтон Джон (1608–1674) – английский поэт.

Данте Алигьери (1265–1321) – итальянский поэт.

²⁷³ Мид Джордж (1863–1933) – английский филолог, специалист по гностицизму и раннему христианству, писатель, теософ.

пожимавшей мою слабую руку, бессильную в воздаянии ей должного!

Я вспомнил стих ее самой, так верно переданный: “Отдай свою жизнь, если желаешь *жить*... Когда пожертвуешь ты смертным вечному, – награда в твоих руках: луч возвращается туда, отколышел!.. Открытый путь ведет к превращению неизменному – к Нирване! К чудесному *всему* – во славе и счастье, непостижимым смертному”²⁷⁴.

Она от нас ушла!.. Вчера в мире была одна Е.П.Блаватская – ныне нет ни одной!.. Вернется ли она когда-нибудь?»

Такой вопрос в среде последователей Е.П.Блаватской мог только задать сам себе *агностик*, не верующий в индивидуальное бессмертие; а все теософы, признающие реинкарнацию, убеждены, что дух ее оставил «расшатанный, пришедший в негодность земной аппарат», как они говорят, только затем, чтобы вселиться в тело более здоровое и сильное и в нем продолжать свою «всемирную» работу. Есть между ними даже такие, которые надеются еще в настоящей своей жизни *признать ее* в новом ее воплощении... Она-де была такой высокий адепт, что, весьма вероятно, высшие принципы ее бытия стоят выше автоматических, общих законов природы: быть может, она именно потому так неожиданно скончалась, *чтобы сразу ожить в более здоровом организме*... Реинкарнацией такого избранника медлить нельзя ради продолжения работы его на пользу человечества... Г. Синнет очень убежденно излагает свои теории в таком смысле, что дух Е.П.Блаватской в данную минуту мог быть переселен даже не в новорожденного, а прямо в здоровое тело отрока или юноши, и в таком случае ни минуты не терять своего сознания и памяти.

Всем – она, понятно, не откроется во избежание излишнего соблазна, – но некоторые *избранные* (он сам, вероятно, первый?) каждый миг могут надеяться ее вновь обрести!..

По нашему разумению, это бредни «ума, зашедшего за разум». Мне, по крайней мере, сдается, что м-р Синнет, не совсем верно описав некоторые обстоятельства жизни Е.П.Блаватской²⁷⁵, и после смерти ее взвел на нее неподобающую фантазию собственного воображения... Но есть такие чудачки, которые ему верят и разделяют надежду его.

Тем хуже для них, потому что при таком убеждении очень легко стать жертвой мистификации какого-нибудь способного и честолюбивого члена Теософического Общества...

XXII

Передав, по возможности, все, что в отзывах хорошо знавших Е.П.Блаватскую людей я нашла более интересного и способного придать многосторонний колорит ее биографии, я вижу, что у меня осталась масса незатронутых материалов. Быть может, я буду иметь случай когда-либо воспользоваться и ими. Здесь я только еще желала бы помянуть о некоторых странных явлениях по смерти ее и о решениях, принятых в память основательницы Теософического Общества членами его распорядительных комитетов в Англии, Индии и Америки.

Несколько более или менее близких Е.П.Блаватской особ имели предупреждение об ее кончине. Вот что мне пишет одна из них:

«Мне было предупреждение, но я сначала не поняла его. Она давно уж прислала мне из Индии перстень с круглым агатом, а посередине веточка; я уж лет двенадцать ношу его. Агат такой всегда был чистый, светлый, прозрачный, как стекло. С месяц тому назад я вдруг заметила, что он сделался черный, как уголь, так что и веточки совсем не видно. Я не понимала, что это значит? Не может же камень вдруг почернеть. Я его и мыла, и терла, и скребла, – ничего не помогает! Так и остался. Я только после первого известия о болезни ее догадалась, что – вот причина... А теперь он начинает как будто светлеть... Когда я получила письмо графини Вахтмейстер о болезни ее, – а ее уж не было тогда, – за день до окончательного известия о кончине, – я читала его, а К* говорит:

²⁷⁴ «Глас Молчания». Книга Золотых Правил. – Примечание В.П.Желиховской.

«Отдай свою жизнь, если хочешь жить... Когда ты ради Вечного жертвуешь преходящим, награда – твоя; капля возвращается к своему источнику. “Явная Стезя” ведет к Нирване, к пресветлому состоянию беспредельности, к блаженству, превышающему понимание человеческое» (Голос Безмолвия. Семь Врат. Два Пути. Из сокровенных индусских писаний. Обнародовано Еленой Петровной Блаватской. Перевод с английского Е.П[исаревой]. Калуга, 1908. С. 19, 43).

²⁷⁵ В книге «Случаи из жизни мадам Блаватской».

“Я уверена, что она поправится!” Вдруг в стол в углу, под образом, такой стук, что мы бросились смотреть, что обрушилось? Ничего!.. Все на месте, ничего не упало...» Там же, в том же доме несколько раз среди глубокой ночи, а раз днем (в то же время, во время болезни и смерти Елены Петровны) – вдруг начинал играть не заведенный, запертый и никем не трогаемый орган, стоящий возле большого портрета ее, или раздавались беспричинные стук и звон.

В журнале «*Gaulois*» (да, кажется, и в «*Figaro*») было рассказано, что до получения известия о смерти Е.П.Блаватской ее видели герцогиня де Помар и m-me Adam²⁷⁶. Вот как описывает это сама m-me de Pomar в своем журнале «*L'Aurore*»:

«Как справедливо слово: “среди жизни – мы находимся в смерти!”. Эти слова пришли на память нам, когда нас, как громом, поразила весть о смерти г-жи Блаватской, этой женщины, репутация которой всемирна, которую столько же восхищались, как и клеветали на нее и ее преследовали, которую лично мы любили и уважали глубоко. Она многие годы болела, мы знали это; но знали также, что среди тяжелых страданий она продолжает свои великие занятия, и так привыкли к ее неустанным трудам, что жили в надежде на неопределенное продолжение их и жизни ее.

Велико было наше изумление, когда раз вечером (8 мая), находясь случайно с двумя друзьями в оратории²⁷⁷, посвященной исключительно общению с нашим *Руководителем Круга Звезды Небесной* (Guide du Cercle de l'Etoile Céleste, вероятно, невидимое лицо, дух, подобный известным *controls* медиумических сеансов)²⁷⁸, мы неожиданно получили духовное извещение от m-me Blavatsky, заявлявшей нам, что она перешла в другую сферу. Это известие на другой день было подтверждено газетами.

Поводом столь быстрому появлению ее нам было желание ее воспрепятствовать кремации ее тела, которую она сама завещала...

Приводим собственные ее выражения: “Ее *Ego* не совсем еще успело отделиться от материи, она поняла ошибку, в которую впала...” Она выражала нам великое отвращение к этой процедуре (сожжению), боялась ее и сказала нам, что она может повести к потере ее индивидуальности.

Следуя ее желанию, мы тотчас написали об этом Теософическому Обществу в Лондоне, но к несчастью, к великому нашему горю, мы узнали потом, что церемония кремации все-таки совершилась 11 мая.

После того мы снова были ею посещены; но то, что сообщила она в этот вторичный приход носит характер частного сообщения и слишком печально, чтобы найти место на этих страницах. Все, что мы считаем себя вправе сказать, это, что она отреклась совершенно от нескольких учений, часто упоминаемых теософами, которые относятся к духовным феноменам. Я не могла воздержаться от замечания, что ее самые пылкие последователи не захотят обратить внимания на послание ее, так как они обязаны считать все явления такого рода за проявления *фантомов*, недостойных веры; относиться к таким феноменам иначе значило бы отвергнуть одно из самых точных ее указаний и передать оружие спиритуалистам. Она была очень поражена этим замечанием и утверждала с силой (avec véhémence), что она совсем не привидение, но сама она, ее собственное я – истинное и настоящее. Признаки сожаления ее по поводу ее “великой ошибки”, как ныне она ее называет, ошибки, в которую она была увлечена, были слишком очевидны, чтобы возможно было усумниться в том, что мы действительно сообщаемся с духом нашего друга...»²⁷⁹

Так рассказывает герцогиня де Помар. Не верить ей мы не имеем никакого права, но должны заметить, что такая посмертная непоследовательность Е.П.Блаватской, по меньшей мере, непонятна! Не потому, чтоб она в жизни не могла ошибаться, а потому, что, зная, как прямые ее последователи и распорядители по завещанию смотрят на «заблуждения» (по их убеждениям) председательницы ветви Теософического Общества в Париже, она должна была понимать, что не

²⁷⁶ Адам Жюльетта (1836–1936) – французская писательница, основательница журнала «Nouvelle Revue».

²⁷⁷ Оратория (лат. oratorium) – помещение для моления.

²⁷⁸ Lady Caithuets, герцогиня де Помар, более убежденная спиритуалистка, даже вернее *спиритка*, нежели теософистка. – *Примечание В.П.Желиховской.*

²⁷⁹ «L'Aurore». Organe du Christianisme ésotérique. Revue Mensuelle, sous la direction de Lady Caithuets, Duchesse de Pomar. Mai 1891. Paris <<Аврора>. Орган эзотерического христианства. Ежемесячный журнал под руководством леди Кейтнесс, герцогини де Помар. Май 1891. Париж>. – *Примечание В.П.Желиховской.*

чрез ее предстательство остановить ей завещанную кремацию своего тела, а тем более не чрез ее возвешение восстановить истину, исправив заблуждения своих учений...

Чтобы разуверить теософов в непогрешимости своих убеждений, Елене Петровне следовало бы явиться г-же Безант, ей все поверили бы! А чтобы не могли предать ее тела сожжению, ей достаточно было бы заявить свое нежелание кровной родственнице – дочери моей, В.В.Джонстон. К ней являлась лондонская полиция за позволением ее как к единственной особе, связанной с умершею семейными узами: без согласия родных к кремации не имеют права приступить. Конечно, дочь моя, зная непременно желание своей тетки, не имела причины противиться. В виду нецелесообразности явления этого теософы в Лондоне, да и везде, положительно отказываются верить ему. Они вполне убеждены, что герцогиня сделалась жертвой мистификации *шел* (shells) – элементариев, пожелавших таким обманом ободрить ее спиритские убеждения.

XXIII

Ни одно сколько-нибудь значительное место в Индии и в Америке и почти все государства Европы, где отозвалось учение Е.П.Блаватской, не обошлось без торжественных собраний в память ее и без более или менее красноречивых свидетельств сочувствия и скорби. Всюду идут подписки, собираются фонды на стипендии для женских училищ ее имени, на школы и теософические издания и библиотеки в память той, «которая все, что имела, и самую жизнь свою отдала великому своему делу», говорят и пишут ее последователи.

Очень трогательно решение всей теософической общины не касаться вещей и собственной комнаты Елены Петровны. Их решено оставить в том же виде, в каком они были при ней навсегда. Комната ее не будет обитаема: в ней лишь изредка будут собираться члены распорядительного комитета ее собственной эзотерической секции для особо важных совещаний. Мебель и вещи останутся на прежних местах²⁸⁰ с добавлением к ним стеклянного шкафа, где будут храниться «as in a shrine»²⁸¹, объяснила мне мистрис Безант, вещи, которые были на ней в болезни и смерти. Там же будет стоять урна с частью ее праха. Таких погребальных урн три: одна отвезена «в колыбель теософии» в Нью-Йорк, другая – «на алтарь ее» в Адияр; третья осталась «на могиле» ее основательницы.

Точно так же неприкосновенно остается и ее место в Lecture Hall, в зале митингов. Единственный раз, что я была там после смерти сестры на митинге 21 (9) мая, где в память ее было сказано много сердечных слов, полных благодарности и чувства, мне и грустно, и отрадно было видеть, каким светлым ореолом любви и глубокого уважения эти люди окружают все, что напоминает им ее. Большое кресло ее также стоит на возвышении, но никто его не касается: оно закрыто индийскою шалью, на него наброшенною ради неприкосновенности места «той, которую никто заменить не может», а за ним возвышается на мольберте ее большой портрет. Он так хорош, так сходен взгляд ее больших, на выкате, голубых глаз, так схвачен, что казалось, будто по-прежнему она смотрит на собрание, слушает речи со своею добродушно-ироническою улыбкой и вот-вот раздастся ее голос... Но нет. Не раздаваться ему более! Раздавалось лишь имя ее в гимнах хвалений, воспеваемых ей ее последователями. Эти хвалы, хотя и воздававшие ей порой великую честь, по-нашему часто преувеличенную до оскорбления чувства меры с христианской точки мышления, все же не удовлетворяли моих чувств и желаний... Жутко было вспомнить, что нет у нее даже могилы, где бы любящим ее кровным можно было о ней помолиться и помянуть ее имя в православной, заупокойной молитве...

Очень вероятно, что я неправа, что тела умерших и разумней, и гигиеничней сжигать; помолиться о них тоже безразлично, где именно, – все это так! А все же мне было очень тяжело в этой чуждой всем понятиям моим среде!.. Еще гораздо тяжелей, чем бывало при ней, и дорого бы я дала, чтобы вместо всех этих прославлений ее «посланицей Махатм и Диян-Чоганов²⁸² – святых буддизма», православные люди здесь, на месте смерти ее, пожелали бы ей вечную память и «со

²⁸⁰ Кроме множества семейных портретов, которыми она всегда была окружена. Я взяла их с согласия теософистов как предметы, без нее чуждые месту и делу. – *Примечание В.П.Желиховской.*

²⁸¹ как в храме (англ.).

²⁸² Дхиан-Чоханов.

святыми» мирного упокоения.